

СОДЕРЖАНИЕ

Правовая страница командира	
<i>И.А. Багдасарян.</i> К вопросу о специальных административно-правовых средствах противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации	3
<i>В.М. Шеншин.</i> О некоторых вопросах соблюдения воинскими частями национальной гвардии природоохранного законодательства	7
<i>Ю.Н. Туганов, С.И. Журавлев.</i> Актуальные вопросы правового регулирования организации представления военнослужащими сведений о размещении общедоступной информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»	18
Социальная защита военнослужащих	
<i>Н.В. Даничев, И.Г. Ломакина.</i> Уровень социальной защищенности граждан, уволенных с военной службы, в современных условиях реформирования военного законодательства	21
Дела судебные	
Судебная практика Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации	25
Военные аспекты гражданского и жилищного права	
<i>В.Ю. Еремеев.</i> Использование и пользование как составляющие вещных и обязательственных прав в отношении объектов недвижимого имущества военного учреждения	41
<i>И.А. Итяшева, Ю.Н. Стражевич, Г.Е. Слепко.</i> Охрана прав и интересов членов семьи институтом алиментных обязательств: анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и некоторых военно-правовых аспектов	47
<i>В.М. Корякин, А.В. Кудашкин.</i> Жилищное обеспечение военнослужащих: понятие, формы, гарантии	57
Юридическая помощь военному комиссару	
<i>Ю.Н. Туганов, С.И. Журавлев.</i> Об организации прохождения альтернативной гражданской службы в современных условиях: краткий комментарий Постановления Правительства Российской Федерации от 4 июля 2017 года № 789	72
<i>Я.О. Соколов.</i> Основные нарушения порядка привлечения к административной ответственности должностных лиц организаций за несообщение сведений о работниках в военные комиссариаты	74
Военно-уголовное право и процесс	
<i>Д.А. Дорогин, М.О. Ноженко.</i> Изъятие органов или тканей у лиц, лишенных свободы в условиях вооруженного конфликта, как вид жестокого обращения с военнопленными (статья 356 Уголовного кодекса Российской Федерации)	82
<i>Я.Н. Ермолович.</i> Комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О материальной ответственности военнослужащих”» от 18 июля 2017 года № 170-ФЗ	88
Точка зрения	
<i>Е.В. Соколова.</i> Понятие «военный объект» в российском праве: вопросы терминологической определенности	93
<i>Е.А. Глухов.</i> Военнослужащих забыли включить в систему предоставления государственных услуг при реализации их социальных прав	103
<i>О.А. Овчаров.</i> Проблемы организации деятельности военного духовенства по военному законодательству и пути их решения (вопросы совершенствования правовой работы)	112
<i>С.В. Иванеев.</i> Правовая культура военнослужащих как фактор противодействия проявлению в условиях глобализации конфликтогенного потенциала ислама	115
Сведения об авторах и рецензентах, аннотации и библиографические списки	124

Научно-практический журнал
«Право в Вооруженных Силах –
Военно-правовое обозрение»
№ 10 (243) октябрь 2017 г.
Издается с июля 1997 г.

Главный редактор
А.В. Кудашкин

Заместитель главного редактора
В.К. Белов

Редакционная коллегия:
В.К. Белов, Я.Н. Ермолович,
В.М. Корякин, И.В. Крейс,
С.В. Терешкович,
Ю.Н. Туганов, А.И. Тюрина,
С.Н. Шарипов

Консультант и
ответственный редактор номера
С.В. Терешкович

Выпускающий редактор
О.А. Тюрина

Компьютерная верстка
А.Б. Зулькарнаев

Издание зарегистрировано
Министерством РФ по делам
печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-1576 от 30 января 2000 г.
Перерегистрирован 27.07.2016
(свидетельство о регистрации
ПИ № 77-66682)
Сетевая версия
(свидетельство о регистрации
ЭЛ № ФС77-66043 от 10.06.2016)

Учредитель и издатель:
Коллектив редакции;
ООО «Центр правовых коммуникаций»

Адрес редакции и издателя:
105118, г. Москва,
пр-кт Буденного, д. 14, каб. 208
тел.: +7(916) 690-06-87

Адрес в Интернете:
<http://www.voennpravo.ru>
<http://www.voennopravo.com>
E-mail: pvsvpo@mail.ru

Подписной индекс по каталогу
«Роспечать» - 72527

Отпечатано в ООО «Красногорская
типография»

Подписано в печать 20.09.2017
Заказ №
Усл. печ. л. 8,0. Тираж 1200 экз.

Выходит ежемесячно.
Распространяется только
по подписке, цена свободная

© Редакция журнала «Право
в Вооруженных Силах –
Военно-правовое обозрение»
© ООО «Центр правовых
коммуникаций»

Материалы, опубликованные в
журнале, могут быть использованы в
других изданиях только с разрешения
редакции. Редакция консультаций по
телефону не дает, переписку
с читателями не ведет.

Редакция не ограничивает авторов
в возможности высказывания
на страницах журнала своего мнения,
которое может не совпадать
с точкой зрения редакции.

Правовая система «Армюрист» представлена на форуме «Армия-2017»

В рамках Военно-технического форума «Армия-2017», который проходил с 22 по 27 августа 2017 г., Правовым департаментом Министерства обороны Российской Федерации представлена информационно-справочная правовая система «Армюрист» (далее – система «Армюрист», система).

Как пояснили представители Правового департамента, система «Армюрист» предназначена для оперативного доведения правовых актов Министерства обороны Российской Федерации до конкретных воинских частей, повышения качества подготовки документов и правовой экспертизы.

База системы «Армюрист» содержит около 60 тыс. правовых актов, принятых с 1918 г. по настоящее время, в выверенном (контрольном) состоянии. В настоящее время система регулярно пополняется правовыми актами Министра обороны Российской Федерации, заместителей Министра обороны Российской Федерации, главнокомандующих видами, командующих войсками военных округов, родами войск Вооруженных Сил Российской Федерации.

При открытии документа на экране монитора появляется виртуальная версия (действующая редакция) документа со всеми внесенными в него изменениями. Система «Армюрист» оповещает о действии редакции, об изменениях. Гиперссылки позволяют осуществлять переход по правовым актам. Система также содержит сканированные образцы контрольных экземпляров правовых актов.

Система «Армюрист» оснащена современными средствами поиска информации, позволяет искать документы по реквизитам, а также осуществлять контекстный поиск по ключевым словам.

Кроме того, в системе «Армюрист» есть словарь *военно-технических терминов* с их определениями и ссылками на правовые акты, которыми они закреплены.

В целях проверки знаний правового минимума в системе «Армюрист» реализован модуль тестирования личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации. Четыре уровня сложности тестов позволяют объективно оценить знания солдат, прапорщиков, офицеров и федеральных государственных гражданских служащих. После ответа на вопросы система формирует отчет о прохождении теста.

Система «Армюрист», в отличие от коммерческих информационно-справочных правовых систем, сертифицирована и позволяет работать с документами, содержащими сведения, составляющие государственную тайну, до совершенно секретных.

Доступ к правовым актам данной категории персонифицирован и ограничен согласно предоставленным полномочиям. Кроме того, система «Армюрист» исключает возможность копирования и распечатывания защищенных актов и отдельных их частей.

В настоящее время система «Армюрист» функционирует на всей территории Российской Федерации.

На стенде Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации также была представлена информация об истории кодификации и систематизации военного законодательства, а также ведения справочной работы по актам военного ведомства. Демонстрировались раритетные издания правовых актов.

Отдельная часть экспозиции рассказывала о юридической службе Вооруженных Сил Российской Федерации, ее истории, составе и задачах.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИАЛЬНЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И.А. Багдасарян, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой военного права Военного университета

Действующим законодательством предусмотрен ряд административно-правовых средств противодействия коррупции в сфере перемещений военнослужащих по военной службе, которые можно квалифицировать как средства специального характера, поскольку они применимы только к этой области антикоррупционной деятельности. Эффективным административно-правовым средством противодействия коррупции в сфере перемещений военнослужащих по военной службе является конкурсный порядок замещения воинских должностей, который, как отмечается в научной литературе, призван «способствовать стремлению сотрудников к карьерному росту, здоровой конкуренции и искоренению коррупционного протекционизма при разрешении кадровых вопросов»¹. Этот порядок предусмотрен п. 2 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ, где сказано, что государство гарантирует военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, «назначение на высшие воинские должности с учетом условий заключенного ими контракта в соответствии с полученной квалификацией, достигнутыми в служебной деятельности результатами и на конкурсной основе. В

военно-правовой литературе из приведенной нормы делается вполне обоснованный вывод о том, что конкурс на замещение вакантных воинских должностей должен проводиться во всех случаях назначения военнослужащих на высшие воинские должности².

Однако указанные законодательные нормы не получили развития в иных нормативных правовых актах. Так, п. 3 ст. 42 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ руководителям органов государственной власти, в которых законом предусмотрена военная служба, предоставлено право утверждения перечней воинских должностей, замещаемых на конкурсной основе. Но подп. «г» п. 10 ст. 11 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации «Вопросы прохождения военной службы» от 16 сентября 1999 г. № 1237, устанавливает, что на конкурсной основе подлежат замещению исключительно комплектуемые офицерами вакантные должности профессорско-преподавательского состава и научных работников в высших военно-учебных заведениях, в научно-исследовательских организациях и на испытательных

¹ Разуваева Н.И. Подбор и аттестация кадров органов внутренних дел (административно-правовые и организационные аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2014. С. 11.

² Тюрин А.И. Назначение на высшие воинские должности как правовой стимул исполнения обязанностей военной службы // Право в Вооруженных Силах. 2005. № 9. С. 4.

полигонах. Следует согласиться с выводом С.В. Шанхаева о том, что нормы Положения о порядке прохождения военной службы необоснованно сужают круг военнослужащих, назначаемых на высшие должности по итогам конкурса³.

Кроме указанных выше, к воинским должностям, комплектуемым на конкурсной основе, относятся должности адъюнктов и докторантов, курсантов и слушателей военных образовательных организаций высшего профессионального образования. Однако это никаким образом не умаляет правильность сделанного выше вывода.

Иной подход к применению конкурсных процедур в назначении на должности используется в системе государственной гражданской службы. По общему правилу замещение гражданским служащим любой более высокой должности гражданской службы осуществляется по результатам конкурса, и только в специально оговоренных в законе случаях конкурс может не проводиться (ст. 22 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ).

Представляется, есть достаточно высокий антикоррупционный потенциал в применении конкурсного подхода к формированию и расстановке военных кадров. Необходимо отметить, что рассмотрение кандидатур производится в открытом режиме, а решение принимается коллегиально путем голосования. При этом необоснованный отказ от конкурсных процедур в системе прохождения военной службы рассматривается в качестве серьезного коррупциогенного фактора действующей системы перемещений военнослужащих по военной службе.

В связи с изложенным одним из направлений совершенствования административно-правовых средств противодействия коррупции при перемещениях военнослужащих по военной службе является существен-

ное расширение практики применения конкурсных процедур при назначении военнослужащих на воинские должности. В частности, предлагается ввести обязательный конкурсный порядок назначения военнослужащих на воинские должности с повышенными коррупционными рисками (к таким должностям мы относим должности, при назначении на которые военнослужащие обязаны представлять сведения о доходах и расходах). При этом конкурсные процедуры проводятся в любом случае, независимо от того, является ли эта должность для претендующего на нее равной, высшей или низшей.

Серьезным антикоррупционным потенциалом обладает и такая кадровая технология, как создание кадрового резерва и организация работы с ним. Исходя из этимологического значения термина «резерв» (запас, откуда черпаются новые силы, ресурсы)⁴ под кадровым резервом Вооруженных Сил Российской Федерации следует понимать совокупность военнослужащих, прошедших специальный отбор и специальную подготовку, обладающих необходимой квалификацией и способностями, отвечающих требованиям, необходимым для выдвижения на высшие воинские должности и направления на учебу.

Антикоррупционный потенциал института кадрового резерва заключается в том, что он создает серьезные препятствия для необоснованного и спонтанного продвижения по службе фаворитов, протезе и т. п. Процедура включения в кадровый резерв состоит в заблаговременном тщательном изучении деловых и личностных качеств кандидатов, в контроле и наблюдении за их служебной деятельностью в период нахождения в кадровом резерве, в организации их профессиональной подготовки и переподготовки. Все это существенно сужает возможности для субъективизма и произвола при принятии решений о перемещениях данных военнослужащих по службе.

³ Шанхаев С.В. Прохождение военной службы по контракту: практические рекомендации. М., 2008. С. 58.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1986. С. 586.

В отличие от государственной гражданской службы, где порядок и условия формирования кадрового резерва регулируются на законодательном уровне (ст. 64 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»), в Вооруженных Силах Российской Федерации правовое регулирование данного очень важного вопроса до 25 декабря 2015 г. было представлено единственным пунктом Инструкции по организации прохождения военной службы офицерами и прапорщиками (мичманами) в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2002 г. № 350. В связи с изданием приказа Министра обороны Российской Федерации от 30 октября 2015 г. № 660 указанная выше Инструкция признана утратившей силу. В связи с этим кадровые органы, воинские должностные лица вынуждены при формировании кадрового резерва и работе с ним во многом действовать по собственному усмотрению. Это создает условия для нарушений прав военнослужащих, а также является предпосылкой для возникновения коррупции в кадровой работе.

Разрешению данной ситуации могло бы способствовать законодательное закрепление основ правового регулирования формирования кадрового резерва путем дополнения Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» специальной статьей, а также внесения соответствующих дополнений в Положение о порядке прохождения военной службы. В частности, предлагается узаконить правило, согласно которому назначение на высшие воинские должности и направление на учебу возможно исключительно из числа военнослужащих, включенных в кадровый резерв. Как представляется, это послужит минимизации коррупционных рисков в сфере перемещения военнослужащих по военной службе.

В практике деятельности кадровых органов Вооруженных Сил Российской Федерации пока не нашло практического приме-

нения такое административно-правовое средство противодействия коррупции, как личное поручительство.

Институт личного поручительства при назначении на должности активно применяется в системе МВД России. Порядок оформления личного поручительства при поступлении на службу в органы внутренних дел и Категории должностей, при назначении на которые оформляется личное поручительство, утверждены приказом МВД России «Об утверждении Порядка оформления личного поручительства при поступлении на службу в органы внутренних дел Российской Федерации и Категорий должностей, при назначении на которые оформляется личное поручительство» от 18 мая 2012 г. № 522.

Согласно данному приказу личное поручительство оформляется в целях:

- 1) укрепления служебной дисциплины и законности среди сотрудников, предупреждения происшествий и правонарушений с их участием;
- 2) формирования высококвалифицированного управленческого звена кадров органов внутренних дел, снижения текучести кадров;
- 3) повышения ответственности руководителей и иных должностных лиц органов внутренних дел за принимаемые кадровые решения;
- 4) устранения коррупционных рисков и улучшения качества отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел;
- 5) предотвращения возможности формирования коррупционных связей.

Как видно из указанного перечня целей, институт поручительства имеет ясно выраженную антикоррупционную направленность. Данное обстоятельство предопределяет востребованность этого института для его применения в Вооруженных Силах Российской Федерации. Как представляется, установление института личного поручительства в порядке подбора и расстановки кадров является одной из прогрессивных тенденций санации кадровой обстановки,

профилактики коррупционных правонарушений в сфере перемещений военнослужащих по военной службе.

Основой введения указанного выше механизма могут послужить такие положения:

а) личное поручительство должно стать неукоснительным фактором назначения на воинские должности с повышенными коррупционными рисками;

б) личное поручительство должно оформляться при каждом назначении военнослужащего на воинские должности, поименованные в указанном выше перечне;

в) число поручителей должно быть не менее одного, а при назначении на должности, для которых штатом предусмотрено воинское звание полковника (капитана 1 ранга) и выше, – не менее трех;

г) поручителем может выступать военнослужащий, имеющий общую продолжительность военной службы не менее пяти лет, замещающий равную или более высокую воинскую должность по отношению к той, на которую рекомендуется кандидат;

д) поручитель должен присутствовать на заседаниях аттестационных комиссий, на которых обсуждается служебная деятельность военнослужащего, в отношении которого давалось личное поручительство;

е) при проведении разбирательства, служебной проверки по фактам совершения военнослужащим правонарушений, к материалам разбирательства неукоснительно должны приобщаться письменные объяснения лица, выступившего в качестве его поручителя;

ж) в случае если в течение трех лет с даты назначения на должность военнослужащий совершит коррупционное правонарушение, которое влечет его досрочное увольнение с военной службы, то к лицу, выступившему в качестве личного поручителя за указанного военнослужащего, будут применены меры ограничительного характера.

Личному поручительству имманентны известные детерминанты морального прес-

синга поручителя на военнослужащего, рекомендованного им к назначению на воинскую должность. Адекватное восприятие рекомендованным военнослужащим и поручителем взаимозависимости от отдачи и продуктивности исполнения должностных обязанностей является вспомогательной движущей силой добросовестной службы.

Для практической реализации данного предложения представляется целесообразным внесение соответствующих дополнений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе», а также издание соответствующих ведомственных нормативных правовых актов по данному вопросу.

В случае практического внедрения института личного поручительства в порядок кадровой работы в Вооруженных Силах Российской Федерации необходимо учитывать при этом и потенциальные риски девиантных проявлений. Так, В.М. Корякин достаточно аргументированно указывает на то, что внедрение чрезмерно жестких мер ответственности поручителя за служебную деятельность рекомендованного им военнослужащего вполне вероятно, с одной стороны, создаст условия, при которых военнослужащие будут всевозможными способами умышленно избегать выдачи рекомендаций в целях минимизации возможной ответственности, а с другой стороны, нельзя исключать возможность возникновения условий, при которых поручитель во избежание наступления ответственности будет «закрывать глаза» на сомнительные деяния своего протеже⁵. Constant, круговая порука, несомненно, является одной из причин порождения коррупции в социуме военнослужащих.

Другое возможное негативное последствие введения личного поручительства в систему кадровой работы указанный автор видит в возможном усилении проявлений кумовства, в случае если по службе официально будут иметь возможность продвиже-

⁵ Корякин В.М. Личное поручительство как средство минимизации кадровых ошибок // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 7. С. 5.

ния исключительно благодаря коррупционным связям, nepoтизму, кумовству и др. Впрочем, и сама выдача рекомендаций и ручательств потенциально будет способствовать ее трансформации в определенного вида незаконный коррупционный бизнес: желаешь получить рекомендацию для назначения на высшую должность – заплати поручителю определенное вознаграждение.

Н.И. Разуваева негативную сторону института поручительства видит в том, что в существующей нормативной трактовке данный институт противоречит принципу равного доступа граждан к государствен-

ной службе. То обстоятельство, что гражданину надлежит собственными силами найти лицо, которое бы добровольно поручилось за него, порождает проблему дискриминационности и потенциальной коррупциогенности такого порядка подбора кадров⁶.

Административные правовые средства противодействия коррупции в сфере перемещений военнослужащих по военной службе нуждаются в совершенствовании, поскольку в военном законодательстве, регулирующем их применение, имеется значительное число пробелов и противоречий.

⁶ Разуваева Н.И. Указ. соч. С. 11.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОБЛЮДЕНИЯ ВОИНСКИМИ ЧАСТЯМИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ ПРИРОДООХРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В.М. Шеншин, преподаватель кафедры конституционного и административного права факультета (командного) Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук

Войска национальной гвардии Российской Федерации (далее – войска национальной гвардии) являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина¹ и относятся к числу специальных отраслевых государственных органов, решающих, в том числе в объеме своей компетенции, задачи в области охраны окружающей среды с помощью организационно-правовых средств, реализация которых направлена на укрепление экологического правопорядка и обеспече-

ние экологической безопасности на территории Российской Федерации.

Так, распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 января 2017 г. № 32-р² утвержден перечень водных объектов, расположенных в районах с наиболее ценными природными ресурсами, на акваториях которых морские воинские части войск национальной гвардии участвуют в охране общественного порядка.

В области охраны окружающей среды войска национальной гвардии в объеме своей компетенции: осуществляют предупреждение и пресечение экологических пре-

¹ Статья 1 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ.

² Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Перечня водных объектов, расположенных в районах с наиболее ценными природными ресурсами, на акваториях которых морские воинские части внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации участвуют совместно с органами внутренних дел в охране общественного порядка» от 31 декабря 1997 г. № 1667 (в редакции от 12 февраля 2015 г., с последующими изменениями и дополнениями).

ступлений; совместно с Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации надзирают за соблюдением санитарных правил содержания улиц, дворов и других территорий населенных пунктов, а также загородных мест отдыха и пляжей; оказывают соответствующим органам содействие в осуществлении мер по охране и защите от загрязнения природных богатств, борьбе с браконьерством и нарушениями правил охоты и рыболовства; производят регистрацию, учет, а также надзор за техническим состоянием автотранспортных средств, принадлежащих предприятиям, учреждениям и гражданам; обеспечивают проведение мероприятий по рациональному использованию природных ресурсов (земель, лесов, вод и других объектов природы).

Хозяйственная деятельность, организуемая и проводимая в войсковом хозяйстве воинских частей и организаций войск национальной гвардии, связана с использованием материально-технической базы как в ходе боевой подготовки, так и в ходе повседневной деятельности.

Основной целью хозяйственной деятельности является поддержание боевой и мобилизационной готовности воинских частей войск национальной гвардии, и осуществляться она должна без причинения вреда окружающей среде. Отведенные воинской части войск национальной гвардии земельные участки необходимо использовать строго по назначению с соблюдением мер экологической безопасности и охраны окружающей среды. На непосредственных землепользователей возлагается задача по правильному использованию этих земель, сохранности почв, вод от загрязнения, зарастания сорняками, а также защите их от ветровой и водной эрозии и болезней³.

Статьей 324 УВС ВС РФ определены основные мероприятия по охране окружающей среды от угроз, возникающих в ходе повседневной деятельности полка (подраз-

деления), и рациональному природопользованию⁴.

При планировании и выполнении данных мероприятий учитываются требования законодательства Российской Федерации об охране окружающей среды, которые необходимо соблюдать при размещении, строительстве и эксплуатации гражданских объектов. Указанные требования в полной мере распространяются на военные объекты, вооружение и военную технику, за исключением чрезвычайных ситуаций, препятствующих соблюдению таких требований.

При ведении воинской частью хозяйственной деятельности обязательно осуществляются мероприятия по обеспечению экологической безопасности и охраны окружающей среды, направленные на обеспечение гармоничного взаимодействия войскового хозяйства и природы на основе сохранения, воспроизводства и рационального использования природных ресурсов, улучшения качества окружающей среды.

Система мер, обращенных на достижение вышеуказанных целей сбережения окружающей среды, и представляет собой природоохранную деятельность. В войсках национальной гвардии она ведется на всех этапах боевой подготовки и повседневной деятельности войск с учетом конкретных условий дислокации и во взаимодействии с государственными природоохранными органами.

Некоторые объекты недвижимости, переданные воинской части в оперативное управление, могут осуществлять негативное воздействие на окружающую среду. Одним из основных видов такого воздействия является выброс в атмосферный воздух загрязняющих веществ. Как правило, такие выбросы производятся котельными, автозаправочными станциями, складами хранения ГСМ, автомобильными парками и т. п. Указанные объекты недвижимости относятся к стационарным источникам негативного воздействия на окружающую среду⁵.

³ Войсковой вестн. 2012. № 2. С. 73 – 83.

⁴ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» от 10 ноября 2007 г. № 1495 (с последующими изменениями и дополнениями).

⁵ Семенихин В.В. Плата за негативное воздействие на окружающую среду и вывоз твердых бытовых отходов // Налоги. 2010. № 48.

Для того чтобы определить, являются ли объекты недвижимости стационарными источниками, необходимо определить виды загрязняющих веществ, которые образуются при эксплуатации данных объектов, и сравнить их с наименованиями загрязняющих веществ, указанных в Перечне, утвержденном распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 июля 2015 г. № 1316-р⁶.

Если при осуществлении деятельности воинская часть производит выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сбросы загрязняющих веществ в водные объекты или хранит отходы производства и потребления, то она должна платить за негативное воздействие на окружающую среду (п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ).

Ставки платы за негативное воздействие на окружающую среду установлены Постановлением Правительства Российской Федерации «О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду и дополнительных коэффициентах» от 13 сентября 2016 г. № 913 за 1 тонну загрязняющих веществ (отходов производства и потребления) на 2016 – 2018 гг. и включают ставки за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками, за сбросы в водные объекты, а также ставки платы за размещение отходов производства и потребления по классу их опасности.

Утвержденные ставки и установленный дополнительный коэффициент к ним (в отношении территорий и объектов, находящихся под особой охраной) стали применяться при исчислении платы за негативное воздействие на окружающую среду с 1 января 2016 г.

Правила исчисления и взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду (далее – Правила) утверждены Поста-

новлением Правительства Российской Федерации от 3 марта 2017 г. № 255.

Плата за негативное воздействие на окружающую среду исчисляется лицами, обязанными вносить плату, самостоятельно путем умножения величины платежной базы по каждому загрязняющему веществу, включенному в перечень загрязняющих веществ, по классу опасности отходов производства и потребления на соответствующие ставки указанной платы с применением коэффициентов и суммирования полученных величин (п. 1 ст. 16.3 Федерального закона «Об охране окружающей среды»).

Платежной базой является объем или масса выбросов загрязняющих веществ, сбросов загрязняющих веществ либо объем или масса размещенных в отчетном периоде отходов. Она определяется лицами, обязанными вносить плату, самостоятельно на основе данных производственного экологического контроля:

- для каждого стационарного источника, фактически использовавшегося в отчетный период, в отношении каждого загрязняющего вещества, включенного в перечень загрязняющих веществ;
- в отношении каждого класса опасности отходов.

При определении платежной базы учитываются (пп. 9 – 11 Правил):

- объем или масса выбросов загрязняющих веществ, сбросов загрязняющих веществ в пределах нормативов допустимых выбросов, нормативов допустимых сбросов;
- объем или масса выбросов загрязняющих веществ, сбросов загрязняющих веществ в пределах лимитов на выбросы и сбросы загрязняющих веществ и микроорганизмов;
- объем или масса выбросов загрязняющих веществ, сбросов загрязняющих веществ, превышающие нормативы и лимиты (включая аварийные выбросы и сбросы);

⁶ Об утверждении формы заявки о постановке объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, на государственный учет, содержащей сведения для внесения в государственный реестр объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, в том числе в форме электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью: приказ Минприроды России от 23 дек. 2015 г. № 554. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 10.02.2016.

– лимиты на размещение отходов производства и потребления и их превышение.

Информация о платежной базе представляется за отчетный период лицами, обязанными вносить плату, администратору платы в составе декларации о плате за негативное воздействие на окружающую среду, порядок представления и форма которой утверждены приказом Минприроды России от 9 января 2017 г. № 3 (п. 12 Правил).

В свою очередь, контроль за правильностью исчисления платы за негативное воздействие на окружающую среду, полнотой и своевременностью ее внесения осуществляется уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, которым является Росприроднадзор и его территориальный орган – администратор платы (п. 1 ст. 16.5 Федерального закона «Об охране окружающей среды», п. 4 Правил). А сами правила осуществления контроля за правильностью исчисления платы за негативное воздействие на окружающую среду, полнотой и своевременностью ее внесения устанавливаются Правительством Российской Федерации (п. 3 ст. 16.5 Федерального закона «Об охране окружающей среды»).

Перечислять плату за негативное воздействие на окружающую среду воинская часть должна ежеквартально авансовыми платежами (кроме четвертого квартала) не позднее 20-го числа месяца, следующего за последним месяцем прошедшего квартала в размере $\frac{1}{4}$ части суммы, уплаченной за предыдущий год.

Следовательно, обязательство по уплате платы за негативное воздействие на окружающую среду и соответствующих квартальных авансовых платежей возникает у налогоплательщика (воинской части) по факту деятельности за определенные периоды (первый квартал, второй квартал, третий квартал, календарный год)⁷.

В соответствии с правилами ст.ст. 69, 69.2 Федерального закона «Об охране окружающей среды», с учетом п. 3 ст. 11 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ⁸, юридические лица, осуществляющие хозяйственную и (или) иную деятельность, обязаны были поставить на государственный учет принадлежащие им на установленном законом праве объекты, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду, до 1 января 2017 г.

В соответствии с п. 1 ст. 23.1 Федерального закона «Об охране окружающей среды», вступающей в силу с 1 января 2019 г., при невозможности соблюдения нормативов допустимых выбросов (сбросов) и технологических нормативов действующим стационарным источником и (или) совокупностью таких источников, расположенных на объекте, оказывающем негативное воздействие на окружающую среду, устанавливаются временно разрешенные выбросы (сбросы). Разрешение на такие выбросы (сбросы) в соответствии с п. 6 ст. 23.1 названного Федерального закона выдается в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, либо в рамках комплексного экологического разрешения, предусмотренного ст. 31.1 указанного Закона.

Кроме того, выбросы в атмосферный воздух загрязняющих веществ осуществляются при эксплуатации передвижных источников негативного воздействия на окружающую среду⁹. Так, ранее Инструктивно-методическими указаниями по взиманию платы за загрязнение окружающей природной среды в качестве таких источников были указаны следующие транспортные средства: легковые автомобили; грузовые автомобили и автобусы с бензиновыми двигателями внутреннего сгорания; автомобили, работающие на газовом топливе; грузовые автомобили и автобусы с дизельными двигателями внутреннего сгорания;

⁷ URL: <http://www.garant.ru/news/903682/#ixzz4LZfIe1hP>

⁸ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об охране окружающей среды” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ (в редакции от 3 июля 2016 г.).

⁹ Письмо Росприроднадзора «О предоставлении информации» от 17 февраля 2015 г. № ОД-06-01-26/2389 (документ опубликован не был).

строительно-дорожные машины и сельскохозяйственная техника; пассажирские тепловозы; грузовые тепловозы; маневровые тепловозы; пассажирские суда; грузовые суда; вспомогательный флот¹⁰.

К передвижным источникам негативно-го воздействия на окружающую среду также относятся объекты движимого имущества, при эксплуатации которых используются следующие виды топлива: бензин неэтилированный; дизельное топливо; керосин; сжатый природный газ; сжиженный газ.

Таким образом, вся бронетанковая техника, автомобильная и иная техника, работающая на вышеуказанных видах топлива, является источником негативного воздействия на окружающую среду.

В качестве основных нормируемых загрязняющих веществ для передвижных источников рассматриваются: оксиды углерода и азота, углеводороды, сажа, соединения свинца, диоксид серы.

Выброс вредных загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками допускается на основании разрешений, выданных территориальным органом Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (п. 1 ст. 14 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха»). Порядок выдачи разрешений установлен Административным регламентом Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по представлению государственной услуги по выдаче разрешений на выбросы вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух (за исключением радиоактивных веществ), утвержденным приказом Минприроды Рос-

сии от 25 июля 2011 г. № 650 (далее – Регламент).

Для транспортных или иных передвижных средств и установок всех видов определяются не предельно допустимые выбросы, а технические нормативы выбросов (п. 2 ст. 12 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха»), которые устанавливаются техническими регламентами (п. 3 Положения о нормативах выбросов¹¹). Транспортные и иные передвижные средства, выбросы которых оказывают вредное воздействие на атмосферный воздух, должны проходить регулярную проверку на соответствие выбросов техническим нормативам (п. 4 ст. 17 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха»). Так, проверки автотранспортных средств осуществляются во время их техосмотра (подп. «а» п. 2 Постановления Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2002 г. № 83¹²), т. е. получения разрешения на выбросы вредных (загрязняющих) веществ для транспортных и иных передвижных средств не требуется.

В п. 2 Регламента¹³ конкретизируется, что в предусмотренном им порядке разрешения выдаются юридическим лицам, имеющим стационарные источники выброса вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух, находящиеся на объектах хозяйственной и иной деятельности, подлежащих федеральному государственному экологическому надзору.

Разрешение на выброс вредных (загрязняющих) веществ (за исключением радиоактивных) в атмосферный воздух посредством стационарных источников, находящихся на объектах хозяйственной и иной дея-

¹⁰ Приказ Минприроды России «О признании утратившими силу Инструктивно-методических указаний по взиманию платы за загрязнение окружающей природной среды, утвержденных Министерством охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации 26.01.1993, и приказа Госкомэкологии России от 15.02.2000 № 77» от 4 июля 2014 г. № 302.

¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации «О нормативах выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух и вредных физических воздействий на него» от 2 марта 2000 г. № 183 (в редакции от 5 июня 2013 г., с последующими изменениями и дополнениями).

¹² Постановление Правительства Российской Федерации «О проведении регулярных проверок транспортных и иных передвижных средств на соответствие техническим нормативам выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух» от 6 февраля 2002 г. № 83 (в редакции от 5 декабря 2011 г., с последующими изменениями и дополнениями).

¹³ Приказ Минприроды России «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по предоставлению государственной услуги по выдаче разрешений на выбросы вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух (за исключением радиоактивных веществ)» от 25 июля 2011 г. № 650 (в редакции от 25 июня 2014 г.).

тельности, подлежащих федеральному государственному экологическому надзору, выдается территориальными органами Росприроднадзора¹⁴ по месту расположения источников выбросов. Перечень территориальных органов Росприроднадзора с указанием их контактной информации приведен в приложении № 1 к Регламенту¹⁵.

Срок действия разрешения на выброс вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух равен:

– при наличии утвержденных нормативов предельно допустимых выбросов (ПДВ) (при условии, что их достижение обеспечивается) – сроку действия данных нормативов¹⁶. Нормативы ПДВ устанавливаются сроком на пять лет при условии, что у юридического лица не происходит существенных изменений производственного (технологического) процесса, появления или ликвидации источников выброса вредных веществ в атмосферный воздух, применения новых технологий, нового сырья или вида топлива и т. д.¹⁷;

– при наличии установленных временно согласованных выбросов (ВСВ), если нормативы ПДВ не обеспечиваются, – одному году с даты выдачи разрешения¹⁸;

– для хозяйствующих субъектов, которые осуществляют ввод в эксплуатацию новых или реконструированных объектов со стационарными источниками выбросов, при наличии в составе утвержденной проектной

документации на строительство или реконструкцию нормативов ПДВ (установленных в том числе на период ведения строительных работ) - сроку ведения строительных работ в соответствии с утвержденной документацией или сроку достижения проектных показателей (но не более двух лет).

При отсутствии разрешения на выброс вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух, а также нарушении условий, предусмотренных в разрешении, выброс может быть ограничен, приостановлен или прекращен (п. 5 ст. 14 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха»). Соответствующий порядок установлен Положением об ограничении, приостановлении или прекращении выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух и вредных физических воздействий на атмосферный воздух¹⁹. Согласно пп. 4 и 6 данного Положения в случае отсутствия разрешения на выброс государственные инспекторы по охране природы, осуществляющие госконтроль за охраной атмосферного воздуха, выдают предписание о приостановлении выброса. Оно выносится на основании протокола о нарушении законодательства Российской Федерации в области охраны атмосферного воздуха (п. 7 указанного Положения), является обязательным для исполнения и может быть обжаловано в суд (п. 8 названного Положения).

¹⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 2 марта 2000 г. № 183.

¹⁵ Приказ Минприроды России от 25 июля 2011 г. № 650 (приложение № 1).

¹⁶ Предельно допустимые выбросы (ПДВ) устанавливаются территориальными органами Росприроднадзора для конкретного стационарного источника выбросов и их совокупности (организации в целом) (п. 3 ст. 12 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха», абз. 1 п. 9 Положения о нормативах выбросов, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 марта 2000 г. № 183). ПДВ – это норматив предельно допустимого выброса вредного (загрязняющего) вещества в атмосферный воздух, который устанавливается для стационарного источника загрязнения с учетом технических нормативов выбросов и фоновое загрязнение атмосферного воздуха при условии непревышения данным источником гигиенических и экологических нормативов качества атмосферного воздуха, предельно допустимых (критических) нагрузок на экологические системы, других экологических нормативов (ст. 1 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха»).

¹⁷ Пункт 3.8.4 Методических рекомендаций по осуществлению государственного надзора за охраной атмосферного воздуха (письмо Росприроднадзора от 15 ноября 2012 г. № ВК-03-01-36/15437).

¹⁸ Временно согласованный выброс (ВСВ) – это временный лимит выброса вредного (загрязняющего) вещества в атмосферный воздух, который устанавливается для действующих стационарных источников с учетом качества атмосферного воздуха и социально-экономических условий развития соответствующей территории в целях поэтапного достижения установленного ПДВ (ст. 1 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха»). ВСВ устанавливаются на период поэтапного достижения ПДВ при условии соблюдения технических нормативов выбросов и при наличии плана уменьшения выбросов (абз. 2 п. 4 ст. 12 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха», абз. 5 п. 7 Положения о нормативах выбросов).

¹⁹ Постановление Правительства Российской Федерации «О порядке ограничения, приостановления или прекращения выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух и вредных физических воздействий на атмосферный воздух» от 28 ноября 2002 г. № 847 (с последующими изменениями и дополнениями).

При привлечении юридического лица к ответственности по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ (нарушение правил охраны атмосферного воздуха) важным является вопрос об обстоятельствах правонарушения, которые установил орган, осуществляющий государственный экологический контроль, и исходя из которых происходит привлечение к ответственности. В судебной практике существуют две точки зрения относительно объема обстоятельств, которые должны быть установлены и доказаны для привлечения к ответственности за выброс вредных веществ в атмосферный воздух без разрешения.

Согласно первой точке зрения предусмотренный в ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ состав правонарушения является формальным и привлечение к ответственности правомерно при установлении самого факта выброса вредных веществ без разрешения. При этом не имеет значения уровень выбросов и то, произошел ли выброс вредных веществ в концентрациях, превышающих установленные государством гигиенические и экологические нормативы качества атмосферного воздуха. Отсутствие актов замеров, определения размера ущерба для привлечения к ответственности по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ правового значения также не имеет. Такой подход выражен, в частности, в следующих судебных актах: постановление ФАС Северо-Западного округа от 27 апреля 2010 г. № А21-6150/2009; постановление ФАС Северо-Западного округа от 9 февраля 2010 г. № А56-46639/2008; постановление ФАС Северо-Западного округа от 22 декабря 2009 г. № А21-5176/2009 (определением Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 марта 2010 г. № ВАС-1996/10 отказано в передаче данного дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации для пересмотра в порядке надзора); постановление ФАС Дальневосточного округа от 26 мая 2009 г. № Ф03-1357/2009 (определением Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2009 г. №

ВАС-12176/09 отказано в передаче данного дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации для пересмотра в порядке надзора); постановление ФАС Поволжского округа от 13 сентября 2010 г. № А57-25112/2009 (определением Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2010 г. № ВАС-16459/10 отказано в передаче данного дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации для пересмотра в порядке надзора); постановление ФАС Поволжского округа от 22 января 2009 г. № А55-9562/2008; постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 26 апреля 2010 г. № А32-24767/2009-59/556; постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 28 января 2010 г. № А63-4561/2009-С6-25.

В соответствии со второй точкой зрения по данному вопросу загрязнением атмосферного воздуха признается поступление в него (образование в нем) вредных (загрязняющих) веществ в концентрациях, превышающих установленные государством гигиенические и экологические нормативы качества воздуха (такое определение содержится в ст. 1 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха»). Для привлечения лица к ответственности по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ уполномоченный орган должен доказать, что выброс производился в концентрациях, превышающих указанные нормативы. В отсутствие доказательств превышения нормативов (конкретизация выброшенных вредных веществ, изъятие проб воздуха, лабораторные исследования степени концентрации вредных веществ) привлечение к ответственности по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ неправомерно. Такие выводы содержатся, в частности, в следующих судебных актах: постановление ФАС Центрального округа от 19 октября 2009 г. № А62-1200/2009; постановление ФАС Центрального округа от 14 октября 2009 г. № А62-1205/2009; постановление ФАС Центрального округа от 12 октября 2009 г. № А62-1204/2009; постановление ФАС Севе-

ро-Западного округа от 28 апреля 2009 г. № А05-13012/2008; постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 21 октября 2010 г. № А03-1606/2010 (определением Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № ВАС-1366/11 отказано в передаче данного дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации для пересмотра в порядке надзора); постановление ФАС Поволжского округа от 28 октября 2009 г. № А12-11880/2009; постановление ФАС Волго-Вятского округа от 28 апреля 2008 г. № А39-3239/2007.

Необходимо отметить, что Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в постановлении от 31 мая 2011 г. № 17254/10²⁰ указал, что выброс в атмосферный воздух веществ сам по себе еще не свидетельствует о наличии состава административного правонарушения – выброса вредных веществ в атмосферный воздух без специального разрешения. Данный вывод уже повлиял на судебную практику – имеются акты судов апелляционной инстанции, в которых также указано, что необходимым условием для привлечения к административной ответственности является доказанность факта превышения концентрации вредных веществ над установленными нормативами. При этом выводы судов обосновываются, в частности, ссылкой на позицию, высказанную в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31 мая 2011 г. № 17254/10²¹.

В связи с изложенным выше уместно порекомендовать воинской части – юридическому лицу, воинскому должностному лицу, привлекаемому к ответственности по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ, обратить внимание

на то, на основании каких доказательств орган, осуществляющий государственный экологический контроль, принимает соответствующее решение. Если превышение концентрации вредных веществ не доказано путем отбора проб воздуха, проведения их лабораторных исследований, то постановление органа, привлечшего лицо к ответственности, можно обжаловать в судебном порядке. С учетом позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и того, как она повлияла на складывающуюся судебную практику, шансы на успешное обжалование в таком случае велики.

Еще один вопрос, возникающий на практике: к какой ответственности должно быть привлечено лицо, осуществляющее выброс вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух, если в имеющемся у него разрешении были указаны не все источники выброса или не все вредные (загрязняющие) вещества, выброс которых производился?

В ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за выброс вредных веществ в атмосферный воздух без специального разрешения, а в ч. 2 ст. 8.21 КоАП РФ – за нарушение условий разрешения. При этом суммы штрафов по ч. 2 ст. 8.21 данного Кодекса ниже, чем за осуществление выброса без разрешения.

Из анализа судебной практики следует, что осуществление выброса из источника, не включенного в имеющееся разрешение наряду с другими источниками загрязнения, влечет за собой ответственность по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ, так же как и за осуществление выброса в отсутствие разрешения²². К такой же ответственности привле-

²⁰ В постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31 мая 2011 г. № 17254/10 по делу № А03-3457/2010 говорится, что заявление в части отмены акта о привлечении к ответственности по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ удовлетворено правомерно, так как выброс в атмосферный воздух веществ сам по себе не свидетельствует о наличии состава указанного правонарушения, поскольку уполномоченному органу, помимо факта выброса, необходимо подтвердить, что источник выбросов отнесен к источнику вредных выбросов, требующих получения специального разрешения (Вестн. Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации. 2011. № 9).

²¹ См., например, постановления Второго арбитражного апелляционного суда от 31 октября 2011 г. № А17-2748/2011, Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 июля 2012 г. № А12-6444/2012, Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 апреля 2012 г. № 15АП-4093/2012.

²² См., например, постановления ФАС Северо-Кавказского округа от 27 апреля 2010 г. № А32-55976/2009-11/1259-75АЖ, ФАС Западно-Сибирского округа от 1 декабря 2009 г. № А27-8071/2009.

кается лицо, которое осуществляет выброс вредного вещества, не указанного в имеющемся у него разрешении (постановление ФАС Центрального округа от 6 декабря 2010 г. № А14-4394-2010/136/22). Ответственность по ч. 2 ст. 8.21 КоАП РФ в данном случае не наступает.

Таким образом, вышеуказанные санкции, предусмотренные законодательством, связанные с отсутствием в воинской части разрешений на выбросы вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух, могут привести к срыву мероприятий, определенных планом боевой подготовки, что отрицательно скажется на уровне боевой подготовки и боевой готовности.

Кроме того, выброс в атмосферный воздух без соответствующих разрешений вредных (загрязняющих) веществ, образующихся при ведении хозяйственной деятельности, является несоблюдением экологических требований при осуществлении эксплуатации зданий, строений, сооружений и иных объектов капитального строительства и содержит в себе признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 8.1 КоАП РФ.

Для некоторых категорий должностных лиц воинской части общевойсковыми уставами определен круг обязанностей по охране окружающей среды, за неисполнение которых или ненадлежащее исполнение которых на них может возлагаться ответственность в соответствии с законодательством.

Так, согласно п. 43 УГиКС ВС РФ начальник экологической службы гарнизона отвечает за своевременное проведение гарнизонных мероприятий по сохранению и восстановлению природной среды, защите интересов военнослужащих, лиц гражданского персонала и населения от возможного негативного воздействия деятельности воинских частей гарнизона на окружающую среду, предотвращению и ликвидации экологических последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на объектах воинских частей гарнизона.

Начальник экологической службы гарнизона обязан:

- разрабатывать и представлять на утверждение начальнику гарнизона план обеспечения экологической безопасности гарнизона;

- осуществлять контроль за соблюдением требований законодательства Российской Федерации в области охраны окружающей среды;

- участвовать в реализации мероприятий по обеспечению экологической безопасности, предотвращению и ликвидации экологических последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в местах дислокации и деятельности воинских частей гарнизона;

- докладывать начальнику гарнизона об экологической обстановке в местах дислокации и деятельности воинских частей гарнизона и необходимых мерах по ее улучшению.

В гарнизонах, не имеющих специалистов органов экологической безопасности, мероприятия экологического обеспечения воинских частей осуществляются согласно плану обеспечения экологической безопасности войск военного округа.

В целях обеспечения соблюдения нормативов качества охраны окружающей среды Федеральным законом «Об охране окружающей среды» установлены требования, которые предъявляются к предприятиям, организациям, учреждениям, гражданам, в том числе воинским частям, организациям и военнослужащим. Так, указанные в ст. 55 названного Федерального закона от негативного физического воздействия экологические требования в полной мере относятся и к войскам национальной гвардии.

Общие экологические требования при эксплуатации любых объектов, в том числе и военных, сводятся к следующему:

- а) строго соблюдать технологический режим и выполнять требования по охране природы, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов, оздоровлению окружающей среды. Это озна-

чает, что деятельность войск в мирных условиях должна носить безвредный для природы характер, взятые у природы воздух и вода, растения, животные и полезные ископаемые необходимо использовать наиболее целесообразно и полно с минимальными отходами. Искраемые ресурсы должны расходоваться экономно, а возобновляемые – своевременно восстанавливаться по принципу «срубил дерево – посади два». Это в полной мере относится и к водным ресурсам, и к почвам, и к животному и растительному миру;

б) выполнять установленные нормативы качества окружающей природной среды с помощью внедрения экологически безопасных технологий, эффективной работы очистных сооружений, обезвреживания и утилизации отходов, проводить природоохранные и природовосстановительные мероприятия;

в) не нарушать принятые специально уполномоченными государственными органами нормативы предельно допустимых выбросов и сбросов вредных веществ;

г) не допускать использования токсичных химических препаратов, не подвергающихся распаду, активно воздействующих на организм человека и окружающую природную среду;

д) не применять и не разводить биологические объекты, несвойственные природе данного региона, а также не превышать предельно установленные уровни биологического воздействия;

е) не разрешать превышения нормативов предельно допустимых уровней воздействия на здоровье человека и окружающей среды производственного и транспортного шума, вибрации, магнитных полей и иных вредных физических воздействий.

Военная деятельность относится к экологически опасным видам деятельности, поскольку в воинских частях имеется большое число потенциально опасных в экологическом отношении военных объектов: хранилища и склады боеприпасов, вооружения, военной техники, ГСМ, химичес-

ких веществ и т. д. На них могут происходить аварии, приводящие к загрязнению окружающей среды – атмосферного воздуха, почвы, поверхностных и подземных вод, растительности и животного мира. Однако вредное воздействие на окружающую среду оказывают не только такие объекты, но и все другие, на которых эксплуатируются, хранятся и утилизируются вооружение и военная техника. Поэтому во всех воинских частях в соответствии с природоохранным законодательством Российской Федерации должна проводиться работа по охране окружающей природной среды как в ходе повседневной деятельности, так и при эксплуатации вооружения и военной техники.

Экологическая безопасность вооружения и военной техники при эксплуатации обеспечивается выполнением общих и частных требований, которые предъявляются к каждому образцу. Они включаются в инструкции по эксплуатации, техническому обслуживанию изделия; руководство по эксплуатации; инструкцию по транспортированию изделия железнодорожным, водным, воздушным и автомобильным транспортом (если предусмотрен этот этап).

К общим экологическим требованиям относятся: ограничение по продолжительности работы в опасных режимах и времени суток; ограничение по месту размещения вооружения и военной техники; ограничения на маршруты движения; наличие специального оборудования на местах проведения регламентов, заправки ГСМ и снаряжения боеприпасами; сооружение искусственных или использование естественных экранов и укрытий для изделий, эксплуатация которых сопровождается созданием вредных физических воздействий.

К образцам вооружения и военной техники, эксплуатация которых сопровождается загрязнением атмосферного воздуха, водных объектов, почв, негативным влиянием на местное население, флору и фауну, предъявляются частные требования, которые разрабатываются применитель-

но к воздействию на каждый природный объект.

На протяжении всего срока эксплуатации, за исключением, пожалуй, только периода нахождения на хранении, вооружение и военная техника оказывают вредное влияние на окружающую среду. На занятиях и учениях военная техника передвигается в основном по бездорожью или, в лучшем случае, по грунтовым дорогам. При этом выводятся из использования большие площади земли. В весенние и осенние распутицы старые, разбитые дороги забрасываются, а движение осуществляется по новым участкам земли, вплоть до засеянных пашен. В сухую погоду с грунтовых путей поднимаются тучи пыли, покрывающей придорожную растительность и существенно снижающей развитие растений и урожайность полей.

Для технических целей транспорт и военная техника расходуют большие объемы пресной воды и возвращают ее в окружающую среду в загрязненном виде (в основном нефтепродуктами). Особенно существенно влияют на загрязнение воды морские и речные суда, а также плавающая и преодолевающая водные преграды вброд или по дну боевая техника.

Количество загрязняющих веществ пропорционально расходу топлива, поэтому двигатели, расходующие меньше топлива, более экологичны. Однако предназначение и условия эксплуатации военной техники требуют наличия мощных двигателей, обеспечивающих высокую маневренность, проходимость, безотказность работы установленного на ней вооружения. Боевая техника должна обеспечивать надежную защиту экипажа в бою, а поэтому она имеет большую массу, уменьшение которой приведет к снижению ее боевых качеств. Как известно, расход топлива пропорционален массе машины, а значительного снижения массы боевых машин, очевидно, ожидать не следует. И все-таки расход топлива, а следовательно, объем загрязнения можно сократить за счет

уменьшения холостого пробега машин и холостой работы двигателей.

Следует отметить некоторые обязанности военнослужащих в области природоохранной деятельности.

Так, к таким обязанностям относятся следующие: знать положения Федерального закона «Об охране окружающей среды», требования других нормативных правовых актов по вопросам охраны природы и строго выполнять их; беречь природу и охранять ее богатства; следить за выполнением правил эксплуатации и поддерживать в исправном состоянии технические устройства, обеспечивающие очистку, обезвреживание и обеззараживание вредных веществ, попадающих в атмосферный воздух, землю, канализационные системы и водные объекты; не допускать утечки нефтепродуктов на складах ГСМ, в автопарках, при заправке боевых машин и другой военной техники, работе на ней и при ее обслуживании; следить за соблюдением мер безопасности и предотвращать утечку агрессивных жидкостей, моющих растворов, лаков и красителей на пунктах обслуживания аккумуляторных батарей, технического обслуживания и ремонта техники; не допускать длительной работы автомобильного транспорта и другой техники на холостом ходу в расположении автопарков, жилого и казарменного фонда; своевременно докладывать обо всех случаях нанесения вреда природной среде и принимать меры по возможному предотвращению и ликвидации последствий загрязнения окружающей природной среды и нанесения ей ущерба.

Таким образом, каждый военнослужащий обязан беречь природу и охранять ее богатства. Для этого он должен знать основные источники загрязнения, имеющиеся в воинской части (подразделении) и неукоснительно выполнять требования экологической безопасности в ходе эксплуатации, обслуживания, ремонта и транспортировки вооружения и военной техники. Лица, допускающие в результате своих дей-

ствий или бездействия загрязнение окружающей среды, привлекаются к ответственности.

Итак, природоохранная деятельность воинской части является обязательным элементом работы воинских должностных лиц и представляет собой трудоемкий процесс,

требующий глубокого знания природоохранного законодательства.

Ненадлежащее исполнение требований природоохранного законодательства может привести к серьезным штрафным санкциям, предъявляемым как к воинской части, так и к ее должностным лицам.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ СВЕДЕНИЙ О РАЗМЕЩЕНИИ ОБЩЕДОСТУПНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Ю.Н. Туганов, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор Российской таможенной академии, главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия;

С.И. Журавлев, доцент кафедры организационно-кадровой работы в органах государственной власти Московского технологического университета (МИРЭА), кандидат юридических наук, доцент

В соответствии с инициативой Министерства обороны Российской Федерации на всеобщее обсуждение вынесен пакет документов, согласно которому, военнослужащие обязаны будут предоставлять в уполномоченный орган сведения о размещении ими в Интернете «своих персональных данных, а также иных сведений, сделанных ими общедоступными»¹. Данная тема, в основном относящаяся к сфере информационной безопасности, вызывает все больший интерес у ученых-правоведов².

Первая новация направлена на внесение дополнений в ст. 33 Федерального закона

«О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ, в которой предъявляются требования к гражданам, заключающим контракт о прохождении военной службы.

Согласно данному предложению гражданин (иностранец), поступающий на военную службу по контракту, обязан будет представить в федеральный орган исполнительной власти или федеральный государственный орган, в которых законом предусмотрена военная служба, сведения об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуника-

¹ URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=66716> (дата обращения: 17.07.2017).

² *Кубышкин А.В.* Международно-правовые проблемы обеспечения информационной безопасности государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 193 с.; *Марков А.А.* Некоторые аспекты информационной безопасности в контексте национальной безопасности // *Вестн. СПб. ун-та. Серия 12. Социология.* 2011. Вып. 1. С. 43 – 48; *Пелевина Е.С.* Особенности системы информационной безопасности как элемента международной безопасности в современном мире // *Теории и проблемы политических исследований.* 2017. Т. 6. № 1А. С. 194 – 205; *Садикова И.С.* Защита персональных данных в аспекте обеспечения неприкосновенности частной жизни // *Вестн. экономики, права и социологии.* 2012. № 3. С. 217 – 219; *Чугунова К.Ю.* Информационное оружие как угроза национальной безопасности Российской Федерации // *Актуальные проблемы рос. права.* 2015. №7 (56). С. 59 – 64 и др.

ционной сети «Интернет», на которых гражданин (иностраный гражданин) непосредственно размещал общедоступную информацию, а также данные, позволяющие его идентифицировать, за три календарных года, предшествующих году поступления на военную службу.

Аналогичные нормы уже действуют при поступлении на государственную гражданскую и муниципальную службу. Например, ст. 15.1 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ устанавливает, что гражданин, претендующий на замещение должности муниципальной службы, при поступлении на службу за три календарных года, предшествующих году поступления на муниципальную службу, подает сведения об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых он размещал общедоступную информацию. Статья 20.2 Федерального закона «О государственной гражданской службе» предъявляет такие же требования к кандидатам для заключения служебного контракта на замещение должности государственного гражданского служащего.

Конкретизируются данные нормы и устанавливается порядок представления указанной информации в ведомственных нормативных актах³.

Статья 7 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ к общедоступной информации относит общеизвестные сведения и иную информацию, доступ к которой не ограничен.

Данный Закон указывает, что информация, размещаемая ее обладателями в сети «Интернет» в формате, допускающем автоматизированную обработку без предварительных изменений человеком в целях повторного ее использования, является общедоступной информацией, размещаемой

в форме открытых данных. В случае если размещение информации в форме открытых данных может привести к распространению сведений, составляющих государственную тайну, размещение указанной информации в форме открытых данных должно быть прекращено по требованию органа, наделенного полномочиями по распоряжению такими сведениями.

Предполагается, что после вступления в законную силу поправок к ст. 33 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» Министерство обороны Российской Федерации, иные федеральные органы исполнительной власти и федеральные государственные органы, в которых законом предусмотрена военная служба, будут наделены полномочиями по обработке общедоступной информации, размещенной гражданами (иностранцами гражданами), поступающими на военную службу по контракту, а также полномочиями по проверке достоверности и полноты представленных сведений.

Второй новацией, установленной проектом федерального закона «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», является предложение дополнить Федеральный закон «О статусе военнослужащих» ст. 27.2, касающейся представления сведений о размещении, а также размещения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» военнослужащими, проходящими военную службу по контракту.

Таким образом, военнослужащих обяжут ежегодно подавать сведения об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых они непосредственно размещали общедоступную информацию, а также данные, позволяющие их идентифицировать. Срок подачи такой информации предлагается установить до 30 апреля и сов-

³ См., например, приказ Председателя Верховного Суда Российской Федерации «Об утверждении порядка представления в Верховном Суде Российской Федерации сведений о размещении информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» от 13 марта 2017 г.

местить с представлением сведений о доходах (расходах), об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Под данную обязанность не подпадают требования о размещении общедоступной информации в рамках исполнения должностных обязанностей военнослужащим в порядке, установленном федеральными органами исполнительной власти или федеральными государственными органами, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

За Министром обороны Российской Федерации (руководителем федерального органа исполнительной власти или федерального государственного органа) указанный выше проект закона закрепляет полномочия по обработке общедоступной информации, а также проверке достоверности и полноты представленных сведений. Кроме того, к данным полномочиям будет относиться право на применение запрета на размещение ранее указанной информации для военнослужащих, замещающих воинские должности по установленному перечню.

Под запрет может попасть информация (фото- и видеоматериалы, статьи и др.), размещенная в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и позволяющая раскрыть данные:

- о военнослужащем;
- о других военнослужащих;
- о ведомственной принадлежности;
- о характере служебной деятельности либо служебной деятельности других военнослужащих;
- о деятельности подразделений, в которых военнослужащие (в том числе являющиеся иностранными гражданами) проходят военную службу;

– о месте дислокации их воинских частей и подразделений.

Также в ст. 27.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» предлагается установить ответственность военнослужащего в случае отказа от представления информации или представления недостоверной и (или) неполной информации об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых гражданин (иностранец) непосредственно размещал общедоступную информацию, а также данные, позволяющие его идентифицировать.

Федеральным органам исполнительной власти и федеральным государственными органам, в которых законом предусмотрена военная служба (в случае принятия вышеназванного законопроекта), потребуется разработать требования к порядку подачи указанных сведений, назначить подразделение, отвечающее за обработку общедоступной информации, а также проверку достоверности и полноты представленных сведений, что неминуемо повлечет увеличение штатной численности подразделений и затрат служебного времени и средств федерального бюджета на переписку, работу в сети «Интернет», проверку данных, обучение военнослужащих порядку представления информации и т. п.

Таким образом, государство, охраняя сведения о государственной тайне, предъявляет все более жесткие требования к лицам, желающим поступить на военную службу по контракту, и военнослужащим (в том числе из числа иностранных граждан), чья служебная деятельность должна быть вне всеобщего доступа.

На журнал «Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение» и серию книг «Юридическая энциклопедия военнослужащего» можно подписаться в любом почтовом отделении (подписные индексы – 72527 и 80680)

УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ГРАЖДАН, УВОЛЕННЫХ С ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ, В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Н.В. Даничев, кандидат педагогических наук, профессор кафедры Конституционного и административного права Новосибирского военного института войск национальной гвардии России;

И.Г. Ломакина, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Новосибирского военного института войск национальной гвардии России

Конституция России (ст. 7) закрепляет, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда. Наше современное государство, как и другие цивилизованные страны, не может успешно функционировать без разрешения социальных проблем. В целом именно от удовлетворенности граждан в различных сферах жизнедеятельности, от уровня их благосостояния, обеспечения мер, направленных на социальную защиту, поддержку населения и безопасность, можно судить об уровне развитости и самого государства. По рейтингу уровня жизни населения в разных странах мира, ежегод-

но составляемому британским институтом Legatum Institute, определяются лучшие страны для проживания и страны, где жизнь людей находится на грани выживания. При этом во внимание принимается более 70 различных показателей, отражающих разнообразные аспекты жизни общества и параметры общественного благосостояния. По итогам 2015 г. Россия в общем рейтинге стран мира заняла 58-е место (из 142), располагаясь между Узбекистаном (57-е место) и Монголией (59-е место). При этом по уровню развитости здравоохранения – 42-е место, по уровню обеспечения личной безопасности – 91-е место, а показатель социального капитала занимает 50-е место¹.

Исходя из приведенных выше данных можно отметить, что в целом уровень социальной обеспеченности и защищенности граждан России еще весьма далек от совершенства. В настоящее время в условиях непрекращающихся административных реформ и экономических неурядиц десятки миллионов людей, проживающих в России, нуждаются в социальной помощи. Это в первую очередь те, кто менее всех защищен

¹ URL: <http://www.prosperity.com/#!/special-report-russia>

социально: ветераны, граждане пожилого возраста, инвалиды.

Что касается социальной защищенности военнослужащих, то необходимо отметить здесь целую систему государственных социальных гарантий, к числу которых, прежде всего, можно отнести предоставление льгот, пособий, компенсаций, иных преференций, ориентированных на то, что военнослужащие относятся к особой категории государственных служащих, готовых в любой момент беспрекословно выполнить поставленные перед ними задачи по вооруженной защите Российской Федерации, порой рискуя собственной жизнью, испытывая различные трудности и лишения².

Часть 3 ст. 55 Основного Закона страны предусматривает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения безопасности государства. Исходя из этих положений, несмотря на общность конституционно-правовых критериев ограничения прав и свобод человека и гражданина, их конкретно-правовая основа для военнослужащих имеет свою специфику, обусловленную особым видом деятельности данных субъектов. Общеизвестные правовые начала и принципы правового статуса человека и гражданина не могут в полной мере найти применение в военных организациях государства³. Ряд общепризнанных прав и свобод личности неизбежно должны быть ограничены, если речь идет о таком специальном субъекте, как военнослужащий⁴.

Вместе с тем, основным принципом ограничений прав и свобод человека является принцип соразмерности таких ограничений их целям. Любая возможность ограничений основных прав и свобод личности, обусловленная соображениями обеспечения интересов общества в целом или прав и свобод других лиц, всегда таит в себе угрозу злоупотреблений. Существует опасность «переусердствовать» и принять несообразные охраняемому общественному интересу так называемые ограничительные меры. Принцип соразмерности означает, что общая свобода действий индивида может быть ограничена настолько, насколько это необходимо для достижения преследуемой цели. Поэтому в юридической науке продолжает оставаться дискуссионным вопрос о ясных, «внятных» критериях, с помощью которых единственно можно было бы определять пределы ограничений прав и свобод субъекта правовых отношений⁵. Достойной компенсацией такого рода ограничений можно считать весь перечень повышенных льгот и гарантий для военнослужащих, каким бы внушительным он ни выглядел со стороны.

Статус военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии установлен Федеральным законом «О войсках национальной гвардии» от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ. При этом ст. 24 данного Закона определяет следующий личный состав войск национальной гвардии: военнослужащие, сотрудники, лица гражданского персонала (федеральные государственные гражданские служащие и работники) войск национальной гвардии. Названным Законом военнослужащим войск национальной гвардии предоставляется довольно значитель-

² Могилевский Г.А., Санин Е.П. Об организационно-правовых формах создания войск национальной гвардии Российской Федерации как юридических лиц // Бизнес. Образование. Право. Вестн. Волгоград. ин-та бизнеса. 2016. № 3 (36). С. 201 – 205.

³ Кудашкин А.В., Шеншин В.М. Особенности организации взаимодействия органов внутренних дел МВД России, войск национальной гвардии и Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 3; Ломакина И.Г. Гражданский персонал внутренних войск МВД России как субъект трудовых и служебных правоотношений // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): материалы междунар. науч.-теорет. конф. СПб., 2016. С. 83 – 87.

⁴ Полунин С.В., Васильев А.С. О структуре правового статуса военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2016. № 3.

⁵ Ломакина Т.В. Актуальные вопросы назначения страховой пенсии по старости военным пенсионерам // Право в Вооруженных Силах. 2016. № 1; Мананников Д.Ю. О предоставлении дополнительных гарантий гражданам, уволенным с военной службы по отдельным основаниям // Там же. 2017. № 6.

ное количество льгот и компенсаций, обусловленных особой сложностью, степенью государственной важности и значимости выполняемых ими служебно-боевых задач. Это и специальные надбавки, дополнительные денежные выплаты тем из них, кто привлечен к выполнению задач по обеспечению режима чрезвычайного положения, правового режима контртеррористической операции, в других чрезвычайных ситуациях и в иных особых условиях, связанных с повышенной опасностью для жизни и здоровья. Это и ограничение предельных сроков выполнения задач в такого рода условиях, и специальное медицинское обеспечение, и предоставление отдельным категориям жилых помещений, компенсаций за переезд в другое место и т. д.

Вместе с тем, особо следует выделить те меры социальной защищенности, на которые имеет право военнослужащий после увольнения с военной службы. Из всего перечня государственных гарантий данным категориям граждан сохраняются лишь некоторые. Прежде всего, Федеральным законом «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (в редакции от 22 ноября 2016 г.) в ст. 3 определено, что для военнослужащих устанавливается единая система правовой и социальной защиты, а также материального и иных видов обеспечения с учетом занимаемых воинских должностей, присвоенных воинских званий, общей продолжительности военной службы, в том числе и в льготном исчислении, выполняемых задач, условий и порядка прохождения ими военной службы. А правовая защита военнослужащих, уволенных с военной службы (наряду с членами их семей), является (ни больше, ни меньше) функцией государства и предусматривает закрепление в законах и иных нормативных правовых актах прав, социальных гарантий и компенсаций указанных лиц и иных мер их социальной защиты, а также правовой механизм их реализации. При увольнении военнослужащих с военной службы государство гарантирует исполнение обяза-

тельств, также предусмотренных законом. Более того, никто не вправе ограничивать военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в правах и свободах, гарантированных Конституцией России и законом. Военнослужащим, уволенным с военной службы, ветеранам боевых действий на территориях других государств, ветеранам военной службы, а также ветеранам, исполнявшим обязанности военной службы в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, законами устанавливаются и дополнительные социальные гарантии и компенсации.

Так, ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» закрепляет гарантии в жилищной сфере для определенной категории военнослужащих при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, а также предусматривает в качестве бланкетной нормы право военнослужащих, проживающих в закрытых военных городках, при увольнении с военной службы на обеспечение жилыми помещениями, в том числе, в частности, путем получения жилищной субсидии.

Военнослужащие, уволенные с военной службы, имеют право на бесплатное получение медицинской помощи, в том числе изготовление и ремонт зубных протезов. Исключение составляет изготовление протезов из драгоценных металлов и других дорогостоящих материалов. Указанная категория граждан имеет право на бесплатное обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам, на обеспечение медицинскими изделиями по назначению врача. За ними остается право на санаторно-курортное лечение. При этом данные граждане оплачивают путевки на санаторно-курортное лечение или организованный отдых в санаториях, домах отдыха, пансионатах, детских оздоровительных лагерях, на туристских

базах в размере 25 %, а члены их семей – 50 % стоимости путевки (ст. 16 Федерального закона «О статусе военнослужащих»).

Гражданам, уволенным с военной службы, и членам их семей устанавливаются также дополнительные права на трудоустройство и социальное обеспечение. В частности, к их числу можно отнести предоставление органами государственной службы занятости населения в первоочередном порядке работы с учетом их специальности именно в государственных организациях; сохранение в течение трех месяцев после увольнения с военной службы за гражданами, работавшими до призыва (поступления) на военную службу в государственных организациях, права на поступление на работу в те же организации, а за проходившими военную службу по призыву – также права на должность не ниже занимаемой до призыва на военную службу. У них сохраняется право на зачет времени военной службы в непрерывный стаж работы, учитываемый при выплате единовременного вознаграждения за выслугу лет, процентной надбавки к оплате труда, предоставлении социальных гарантий, связанных со стажем работы, если перерыв между днем увольнения с военной службы и днем приема на работу (поступления в образовательную организацию) не превысил одного года, а ветеранам боевых действий на территориях других государств, ветеранам, исполнявшим обязанности военной службы в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, и гражданам, об-

щая продолжительность военной службы которых в льготном исчислении составляет 25 лет и более, – независимо от продолжительности такого перерыва (ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих»)⁶.

Как дополнительное подтверждение повышенного уровня социальной защищенности «бывших» военнослужащих можно отметить и право на получение лицами, получающими военную пенсию за выслугу лет либо по инвалидности, при наличии определенных условий и страховой пенсии по старости.

Существенные гарантии предусмотрены для лиц названной категории на случай ухода из жизни. Это расходы на погребение погибших (умерших) военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и граждан, уволенных с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Таким образом, анализ действующего законодательства показывает, что, несмотря на существенное реформирование и совершенствование военного законодательства в нашей стране, социальный статус не только военнослужащих, но и лиц, уволенных с военной службы, а также членов их семей остается на достаточно высоком уровне, вполне соответствующем экономическим и организационным возможностям Российского государства на современном этапе.

**Объединенная редакция военно-правовых изданий (Центр правовых коммуникаций)
сообщает о выходе в свет книги**

*Корякин В.М., Кудашкин А.В. Жилищная энциклопедия военнослужащих, лиц,
уволенных с военной службы, и членов их семей
(М.: Центр правовых коммуникаций, 2017).*

Книгу можно заказать, направив заявку на электронную почту pvsypo@mail.ru
Стоимость книги 500 руб. (без доставки).

Более подробную информацию по книге можно получить на сайте www.voennpravo.ru

Редакция

⁶ См. также Федеральный закон «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ (в редакции от 5 декабря 2016 г., с изменениями от 19 декабря 2016 г.).

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

ПЕРВАЯ ИНСТАНЦИЯ

Право военнослужащего на подъемное пособие неразрывно связано с основаниями переезда, предполагающими поступление на военную службу по контракту или дальнейшее прохождение такой службы на воинских должностях в другом населенном пункте

Решение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № ВКАПИ17-8 по административному исковому заявлению К., вступившее в законную силу (извлечение)

Согласно п. 132 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 2700 (далее – Порядок), подъемное пособие военнослужащим выплачивается на основании приказа соответствующего командира (начальника) исходя из оклада по воинской должности, получаемого ими на день вступления в исполнение обязанностей по этой должности, на которую они назначены (зачислены на обучение в военную профессиональную образовательную организацию или военную образовательную организацию высшего образования) или которую занимают (ранее занимали – для военнослужащих, находящихся в распоряжении соответствующего командира (начальника) на день прибытия воинской части (подразделения) в пункт новой постоянной дислокации, и оклада по воинскому званию.

К. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным иском с заявлением о признании п. 132 Порядка не действующим в части установления в качестве условия выплаты подъемного пособия военнослужащему, проходящему военную службу по контракту, при переезде на новое место военной службы в другой населенный пункт в связи с назначением на воинскую должность – вступление военнослужащего в исполнение обязанностей по воинской должности.

Решением Верховного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. в удовлетворении административного искового заявления отказано по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в том числе поступившим на военную службу по контракту из запаса, при переезде на новое место (к месту) военной службы в другой населенный пункт, в том числе на территорию или с территории иностранного государства, в связи с назначением на воинскую должность, поступлением на военную службу по контракту, зачислением в военную профессиональную образовательную организацию или военную образовательную организацию высшего образования, срок обучения в которой превышает один год, или в связи с передислокацией воинской части производится выплата подъемного пособия в размере одного оклада денежного содержания на военнослужащего и одной четвертой оклада

денежного содержания на каждого члена семьи, переехавшего на новое место (к месту) военной службы военнослужащего или в близлежащий от указанного места населенный пункт либо в другие населенные пункты (из-за отсутствия жилого помещения).

По смыслу приведенной нормы, целью дополнительной денежной выплаты в виде подъемного пособия является оказание материальной помощи, необходимой для обустройства военнослужащего и членов его семьи после переезда на новом месте службы и жительства в другом населенном пункте.

Следовательно, право на подъемное пособие неразрывно связано с основаниями переезда, предполагающими поступление на военную службу по контракту или дальнейшее прохождение такой службы на воинских должностях в другом населенном пункте.

В силу ст. 42 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащие проходят военную службу на воинских должностях либо не на воинских должностях в случаях нахождения в распоряжении командира (начальника).

При таких данных право на получение подъемного пособия возникает у военнослужащего при наличии двух взаимосвязанных обстоятельств: переезда военнослужащего на новое место (к месту) военной службы в другой населенный пункт и исполнение обязанностей военной службы по новой воинской должности либо в статусе находящегося в распоряжении командира (начальника).

В соответствии с ч. 18 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» порядок предоставления военнослужащим подъемного пособия определяется федеральным органом исполнительной власти (федеральным государственным органом), в котором федеральным законом предусмотрена военная служба.

Из изложенного следует, что право на пособие установлено законом, а оспариваемая норма Порядка, регулирующая порядок предоставления пособия, принята Министром обороны Российской Федерации в рам-

ках переданных ему этим законом полномочий.

АПЕЛЛЯЦИОННАЯ ИНСТАНЦИЯ

Несоответствие выводов суда первой инстанции обстоятельствам дела, связанным с рассмотрением представления ФСБ России о нарушении административным истцом режима секретности, повлекло отмену судебного акта

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2017 г. № 208-АГ17-4с по заявлению Ш. (извлечение)

Решением Дальневосточного окружного военного суда от 9 февраля 2017 г. удовлетворено административное исковое заявление Ш., в котором он просил признать незаконными приказы командира воинской части в части предупреждения его о неполном служебном соответствии и прекращения допуска к государственной тайне.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих решение отменила и приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении заявления, приведя в обоснование следующие доводы.

Признавая незаконными приказы командира воинской части о предупреждении Ш. о неполном служебном соответствии и прекращении ему допуска к государственной тайне, суд первой инстанции сослался на то, что в ходе разбирательства событие дисциплинарного проступка не установлено, а представление начальника Управления ФСБ России по Восточному военному округу, фактически послужившее основанием для издания приказов в отношении Ш., не содержит данных, подлежащих установлению в ходе проведенных разбирательств.

Такой вывод сделан судом в результате неправильной оценки обстоятельств дела и ошибочного толкования норм материального права.

В силу ст. 1 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе

безопасности» задача по обеспечению безопасности Российской Федерации возложена на данную федеральную службу.

Выполняя указанную задачу, органы федеральной службы безопасности в соответствии с п. «л» ст. 13 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» вправе вносить в государственные органы, администрации предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, а также в общественные объединения обязательные для исполнения представления об устранении причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности Российской Федерации.

Статьей 13¹ этого же закона предусмотрено, что представления относятся к применяемым органами федеральной службы безопасности мерам профилактики и вносятся при наличии достаточных данных, выявленных в процессе оперативно-служебной деятельности органов федеральной службы безопасности и указывающих на наличие причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности Российской Федерации.

Согласно пункту 4 Порядка внесения представлений органами федеральной службы безопасности, утвержденного приказом ФСБ России от 13 марта 2004 г. № 162, внесенные представления являются обязательными для рассмотрения и принятия мер по результатам их рассмотрения.

Из материалов дела следует, что 17 мая 2016 г. в воинскую часть руководителем органа ФСБ России внесено представление, в котором указано, что командир подразделения капитан Ш. привлек к работе на планшете пункта управления с нанесенными на него секретными сведениями, раскрывающими действующие координаты сетки ПВО, не имеющих допуска к государственной тайне военнослужащих.

Эти обстоятельства были подтверждены в судебном заседании суда апелляционной инстанции показаниями допрошенного в качестве свидетеля сотрудника органов федеральной службы безопасности Я., протоколами опросов указанных военнослужащих, а также самого Ш., сообщившего, что подготовка к работе на планшете подразумевает не-

посредственную работу на самом планшете на пункте управления, к чему в соответствии с его указаниями были допущены военнослужащие, проходящие стажировку.

В связи с внесенным представлением командиром воинской части назначено разбирательство, в ходе которого выводы представления руководителя органа ФСБ России в отношении Ш. нашли подтверждение.

С учетом изложенного, а также установив, что порядок прекращения административному истцу допуска к государственной тайне и привлечения его к дисциплинарной ответственности соблюден, Судебная коллегия по делам военнослужащих признала оспариваемые приказы законными.

КАССАЦИОННАЯ ИНСТАНЦИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

Неправильное определение судом полномочий воинского должностного лица по увольнению административного истца с военной службы повлекло отмену судебного акта

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2017 г. № 211-КГ16-32 по заявлению М. (извлечение)

Апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 28 апреля 2016 г. отменено решение Владивостокского гарнизонного военного суда от 20 февраля 2016 г. по административному исковому заявлению М., в котором он просил признать незаконными приказ командующего войсками Восточного военного округа от 29 октября 2015 г. в части увольнения с военной службы по истечении срока контракта и приказ командира воинской части от 11 января 2016 г. в части исключения из списков части.

По делу принято новое решение об удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы административного дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла апелляционное определение флотского военного суда подлежащим отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что приказом заместителя Министра обороны Российской Федерации от 7 ноября 2013 г. М. был назначен на должность заместителя командира бригады по вооружению – начальником технической части бригады, входящей в войска Восточного военного округа, со штатной должностной категорией «подполковник».

Приказом командующего войсками Восточного военного округа от 29 октября 2015 г. М. уволен с военной службы по истечении срока контракта и приказом командира воинской части от 11 марта 2016 г. исключен из списков части с 16 марта 2016 г.

Удовлетворяя требования М. о восстановлении на военной службе, флотский военный суд в обоснование указал, что приказ об увольнении административного истца является незаконным ввиду отсутствия у командующего войсками Восточного военного округа полномочий по решению вопроса о его увольнении.

Придя к такому выводу, суд апелляционной инстанции сослался на ч. 1 ст. 50 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53 «О воинской обязанности и военной службе», подп. «в» п. 8 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации 16 сентября 1999 г. № 1237, и приказ Министра обороны Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. «О мерах по реализации правовых актов по вопросам назначения военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на воинские должности, освобождению их от воинских должностей, увольнению с военной службы и присвоению им воинских званий», которым утвержден Порядок реализации правовых актов по вопросам назначения военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на воинские должности, освобождению их от воинских должностей, увольнению с военной службы и присвоению им воинских званий (далее – Порядок).

Согласно абзацу второму п. 5 Порядка (в редакции приказа Министра обороны РФ от 14 декабря 2015 г. № 781, примененной судом в данном деле) назначение военнослужащих на воинские должности заместителей коман-

диров бригад, отвечающих за организацию материально-технического обеспечения, со штатно-должностной категорией до подполковника, капитана 2 ранга включительно и им равные осуществляется приказами заместителя Министра обороны Российской Федерации, отвечающего за организацию материально-технического обеспечения войск (сил).

Исходя из содержания приведенной нормы во взаимосвязи со ст. 102 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, согласно которой заместитель командира полка по вооружению – начальник технической части в мирное и военное время отвечает за техническое обеспечение полка, флотский военный суд посчитал, что М., занимавший должность заместителя командира бригады по вооружению – начальника технической части бригады, назначенный на должность приказом заместителя Министра обороны Российской Федерации, отвечающего за материально-техническое обеспечение войск (сил), мог быть уволен лишь по решению этого же воинского должностного лица либо вышестоящего прямого начальника.

Указанный вывод суда апелляционной инстанции основан на неправильном применении норм материального права.

Принимая обжалуемое решение, суд апелляционной инстанции не учел, что правовое регулирование отношений, по поводу которых возник спор, непосредственно осуществляется нормами Порядка, подлежащими применению в соответствии с их буквальным содержанием, не допускающим расширительного толкования.

Примененная Тихоокеанским флотским военным судом редакция абзаца второго п. 5 Порядка вступила в силу 31 января 2016 г. по истечении 10 дней после ее официального опубликования 20 января 2016 г.

Следовательно, при оценке законности приказа командующего войсками Восточного военного округа от 29 октября 2015 г. об увольнении М. суд неправильно руководствовался ею, поскольку на момент издания приказа содержание названной нормы было иным, а именно: «Назначение военнослужа-

щих на воинские должности заместителей командиров бригад по материально-техническому обеспечению со штатно-должностной категорией до подполковника, капитана 2 ранга включительно и им равные осуществляется приказами заместителя Министра обороны Российской Федерации, отвечающего за организацию материально-технического обеспечения войск (сил)».

Таким образом, исходя из буквального содержания указанной нормы в редакции, подлежащей применению в данном деле, во взаимосвязи с подп. «в» п. 8 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации 16 сентября 1999 г. № 1237, заместитель Министра обороны Российской Федерации, отвечающий за организацию материально-технического обеспечения войск (сил), был наделен полномочиями по назначению военнослужащих на воинские должности заместителей командиров бригад по материально-техническому обеспечению со штатно-должностной категорией до подполковника, капитана 2 ранга включительно и увольнению с этих должностей.

Как следует из содержания приказа заместителя Министра обороны Российской Федерации от 7 ноября 2013 г., М. был назначен на должность заместителя командира бригады по вооружению – начальника технической части, которая не является идентичной должности заместителя командира бригады по материально-техническому обеспечению.

Соответственно, особый порядок назначения на данную должность и увольнения с военной службы, установленный абзацем вторым п. 5 Порядка в действующей редакции, на М. не распространялся.

Ссылка суда апелляционной инстанции на ст. 102 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации необоснованна, поскольку в данной норме определены обязанности заместителя командира полка по вооружению (инженерно-авиационной службе), а не бригады.

Вместе с тем в соответствии с п. 10 Порядка командующий войсками Восточного военного округа на момент издания приказа обладал полномочиями по назначению на

должности и увольнению с военной службы военнослужащих, проходящих службу на всех иных должностях, для которых штатом предусмотрены воинские звания до подполковника, капитана 2 ранга включительно, в органах военного управления, объединениях, соединениях, воинских частях и организациях, находящихся в его непосредственном и прямом подчинении.

Таким образом, оснований для признания незаконными обжалуемых приказов в отношении М. по мотивам превышения должностными лицами полномочий не имеется.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела, и без их устранения невозможна защита охраняемых законом публичных интересов, в связи с чем апелляционное определение флотского военного суда Судебной коллегией по делам военнослужащих было отменено и оставлено в силе решение гарнизонного военного суда.

Запрет на исключение уволенного с военной службы военнослужащего из списков части в отсутствие его согласия на это предусмотрен лишь в случае необеспечения его денежным, вещевым и продовольственным обеспечением

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2017 г. № 211-КГ17-14 по заявлению Я. (извлечение)

Решением Владивостокского гарнизонного военного суда от 1 апреля 2016 г. Я. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконным приказ командира воинской части от 21 января 2016 г. об исключении его из списков части в том числе без обеспечения жильем.

Апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 26 мая 2016 г. решение суда отменено с принятием по делу нового решения в части признания незаконным приказа об исключении Я. из списков части до разрешения его жилищного вопроса.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих апелляционное определение флотского

военного суда отменила и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, приведя в обоснование следующие доводы.

По делу установлено, что Я. при продолжительности его военной службы свыше 10 лет, будучи уволенным с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями, был исключен из списков части.

При этом Я. был согласен с увольнением с военной службы, однако возражал против его исключения из списков личного состава до обеспечения жилым помещением. То есть нахождение на военной службе истец связывал не с ее прохождением, а с реализацией жилищных прав.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, без их согласия не могут быть уволены с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями в случае отсутствия у них по месту военной службы жилых помещений.

Запрет на исключение уволенного с военной службы военнослужащего из списков части в отсутствие его согласия на это в силу п. 16 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, предусмотрен лишь в случае необеспечения его денежным, вещевым и продовольственным обеспечением.

Таким образом, приказ об исключении истца из списков части был издан во исполнение приказа о его увольнении с военной службы, который предметом рассмотрения в рамках данного спора не являлся.

В то же время, как установлено судом апелляционной инстанции, нарушения жилищных прав истца со стороны командования имели место до его увольнения с военной службы и были связаны с нерассмотрением в установленном порядке его жилищного вопроса, а поэтому суд второй инстанции, принимая по делу новое решение, исходил из необходимости восстановления прав истца на обеспечение жильем.

Однако, возлагая на командира воинской части обязанность восстановить истца в списках части в целях реализации его жилищных прав, суд второй инстанции не учел приведенные положения действующего законодательства, а также фактически не разрешил вопрос о порядке устранения нарушений этих его прав.

Таким образом, принятое судом апелляционной инстанции решение о незаконности исключения истца из списков части не соответствует требованиям ч. 1 ст. 176 КАС РФ о законности и обоснованности судебного решения, основано на неправильном применении норм материального права.

Аннулирование регистрационного номера участника накопительно-ипотечной системы в случае ошибочного открытия именного накопительного счета возможно только до предоставления участнику накопительно-ипотечной системы средств накоплений, учтенных на этом счете, то есть до исполнения государством своих обязательств по жилищному обеспечению военнослужащего

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2017 г. № 206-КГ17-4 по заявлению С. (извлечение)

Решением Красноярского гарнизонного военного суда от 29 декабря 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Западно-Сибирского окружного военного суда от 12 апреля 2016 г., С. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконными действия должностных лиц Управления расквартирования и строительства тыла Главного командования внутренних войск МВД России (далее – Управление расквартирования и строительства), связанные с исключением его из реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (далее – накопительно-ипотечной система), и Федерального государственного казенного учреждения «Федеральное управление накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» (далее – ФГКУ «Росвоенипотека»), связанные с пре-

кращением перечислений ежемесячных платежей в счет исполнения обязательств по договору целевого жилищного займа.

В кассационной жалобе С. просил об отмене судебных актов и о принятии по делу нового решения об удовлетворении его требований.

В обоснование жалобы он указал на оставление судами без внимания того обстоятельства, что ошибки, допущенные должностными лицами Управления расквартирования и строительства при включении его в реестр участников накопительно-ипотечной системы, повлекшие перечисление средств целевого жилищного займа на приобретение им квартиры, не должны ограничивать и нарушать его права на жилье, поскольку приобретенное указанным способом жилое помещение зарегистрировано на его имя, в связи с чем он лишен права на обеспечение жильем другим способом.

Определением заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих кассационная жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по делам военнослужащих.

Рассмотрев материалы административного дела, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального и процессуального права, что выразилось в следующем.

Из дела следует, что С. в августе 1999 г. поступил в военный институт внутренних войск МВД России, в период обучения в сентябре 2000 г. заключил контракт о прохождении военной службы и в августе 2004 г. был назначен на воинскую должность после окончания военного учебного заведения и получения в связи с этим офицерского воинского звания.

В декабре 2005 г. истец включен на основании рапорта в реестр участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, в связи с чем в июле 2012 г. в воинскую часть, в которой он проходит военную службу, из ФГКУ «Росвоенипотека» поступило свидетельство о его

праве на получение целевого жилищного займа.

18 октября 2012 г. С. заключил договор с ФГКУ «Росвоенипотека» о предоставлении целевого жилищного займа за счет накопленных для жилищного обеспечения, а также кредитный договор с ЗАО «Банк Жилищного Финансирования» о предоставлении кредита, согласно которому возврат кредита и уплата процентов за пользование кредитом осуществляется за счет средств целевого жилищного займа, предоставленного заемщику в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (далее – Закон о накопительно-ипотечной системе).

После получения целевого жилищного займа и кредита, С. приобрел в ноябре 2012 г. по договору купли-продажи жилое помещение по месту военной службы.

В марте 2015 г. заместитель руководителя ФГКУ «Росвоенипотека», сославшись на поступившие из Управления расквартирования и строительства сведения об ошибочном включении истца в реестр участников накопительно-ипотечной системы, уведомил его о прекращении с 1 марта 2015 г. ежемесячных платежей в счет исполнения обязательств по ипотечному кредиту и предложил ему возвратить 1 568 541 руб. 70 коп., из которых 1 038 261 руб. 70 коп. составил первоначальный взнос, а 530 280 руб. – средства, перечисленные банку в счет погашения обязательств по ипотечному кредиту.

Отказывая в удовлетворении заявления С., суд первой инстанции исходил из того, что истец был незаконно включен в реестр участников накопительно-ипотечной системы, в связи с чем действия должностных лиц Управления расквартирования и строительства и ФГКУ «Росвоенипотека» по прекращению ежемесячных платежей в счет исполнения обязательств по ипотечному кредиту являются правомерными.

Соглашаясь с выводами гарнизонного военного суда, суд апелляционной инстанции дополнительно указал, что законодательство не предусматривает возможность предоставления военнослужащим, ошибочно вклю-

ченным в реестр участников накопительно-ипотечной системы, продолжать числиться в этом реестре и пользоваться денежными средствами, в том числе в случае заключения военнослужащим договоров о приобретении жилого помещения.

Такие выводы судов основаны на неправильном толковании закона.

Суды обеих инстанций пришли к верному выводу о том, что С., окончивший военное учебное заведение в августе 2004 г., был ошибочно включен в реестр участников накопительно-ипотечной системы, поскольку в силу ч. 1 и 2 ст. 9 Закона о накопительно-ипотечной системе обязательным условием признания за военнослужащим права на включение в реестр участников накопительно-ипотечной системы является окончание им военного учебного заведения и присвоение в связи с этим первого воинского звания после 1 января 2015 г.

При этом суды оставили без внимания иные, имеющие значение для дела обстоятельства.

В судебном заседании установлено, что после включения в реестр участников накопительно-ипотечной системы, предоставления в связи с этим от ФГКУ «Росвоенипотека» целевого жилищного займа и получения кредита в ЗАО «Банк Жилищного Финансирования» истец приобрел по договору купли-продажи жилое помещение.

Это обстоятельство, вопреки выводу судов, является юридически значимым.

В соответствии с ч. 3 ст. 11 Закона о накопительно-ипотечной системе направление кредитором участника накопительно-ипотечной системы средств целевого жилищного займа в целях уплаты первоначального взноса при приобретении с использованием ипотечного кредита (займа) жилого помещения и погашения обязательств по ипотечному кредиту (займу) является исполнением государством своих обязательств по жилищному обеспечению военнослужащего.

Согласно пп. 7, 8 Правил ведения именных накопительных счетов участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, утвержденных постановлением Правительства Российской

Федерации от 7 ноября 2005 г. № 655, основанием для закрытия уполномоченным федеральным органом именованного накопительного счета является исключение военнослужащего из реестра участников накопительно-ипотечной системы, а в случае ошибочного открытия указанного счета уполномоченный федеральный орган аннулирует регистрационный номер участника накопительно-ипотечной системы, при этом средства накопленные для жилищного обеспечения, учтенные на счете, возвращаются в федеральный бюджет.

В ч. 3 ст. 9 Закона о накопительно-ипотечной системе предусмотрены следующие основания для исключения военнослужащего из реестра участников накопительно-ипотечной системы: увольнение его с военной службы; исключение его из списков личного состава воинской части в связи с его гибелью или смертью, признанием его в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявлением его умершим; исполнение государством своих обязательств по обеспечению военнослужащего в период прохождения военной службы жилым помещением (за исключением жилого помещения специализированного жилищного фонда) иным предусмотренным нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации способом за счет средств федерального бюджета.

Содержание названных правовых норм в их взаимосвязи указывает на то, что военнослужащий может быть исключен из реестра участников накопительно-ипотечной системы только при наличии оснований, указанных в законе.

Между тем таких оснований по делу не установлено, в связи с чем отсутствуют основания и для закрытия уполномоченным федеральным органом именованного накопительного счета.

Что касается аннулирования регистрационного номера участника накопительно-ипотечной системы в случае ошибочного открытия именованного накопительного счета, то в силу приведенных норм закона это возможно только до предоставления участнику накопительно-ипотечной системы средств накопле-

ний, учтенных на этом счете, то есть до исполнения государством своих обязательств по жилищному обеспечению военнослужащего.

В противном случае такой военнослужащий не может быть уверен в стабильности своего официально признанного статуса участника накопительно-ипотечной системы и в том, что приобретенные в силу этого статуса права будут уважаться государством и будут реализованы.

Данный вывод согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 14 января 2016 г. №1-П, о необходимости соблюдения вытекающих из взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 1, ст. 2, ч. 1 ст. 17, ст. 18, ч. 1 ст. 19, чч. 2, 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации принципов поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, которые гарантируют гражданам, что решения принимаются уполномоченными государством органами на основе строгого исполнения законодательных предписаний, а также внимательного и ответственного подхода к оценке фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение прав, тщательности при оформлении соответствующих документов, подтверждающих наличие условий, необходимых для реализации этих прав, с тем чтобы гражданин как участник соответствующих правоотношений мог быть уверен в стабильности своего официально признанного статуса и в том, что приобретенные в силу этого статуса права будут уважаться государством и будут реализованы.

Таким образом, действия должностных лиц Управления расквартирования и строительства и ФГКУ «Росвоенипотека», связанные с прекращением исполнения взятых на себя обязательств по жилищному обеспечению истца после фактического включения его в реестр участников накопительно-ипотечной системы и предоставления целевого жилищного займа, на законе не основаны.

Придя к ошибочному выводу о правомерности таких действий, суд необоснованно оставил без выяснения полномочия и вопросы разграничения компетенции между адми-

нистративными ответчиками по реализации прав истца как участника накопительно-ипотечной системы, в связи с чем обжалуемые судебные акты были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

Проживание членов семьи административного истца в принадлежащей на праве собственности квартире его супруги указывает на необходимость учета доли занимаемого ими жилого помещения при определении нужды административного истца и его супруги в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 202-КГ17-2 по заявлению Т. (извлечение)

Решением 224 гарнизонного военного суда от 29 февраля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 31 мая 2016 г., удовлетворено административное исковое заявление Т., в котором он просил признать незаконным решение начальника Федерального государственного казенного учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – Управление ФГКУ «Западрегионжилье») от 31 декабря 2015 г. о снятии его вместе с супругой с учета нуждающихся в жилом помещении.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих не нашла оснований для удовлетворения кассационной жалобы.

Из материалов дела следует, что Т. после окончания в августе 1982 г. высшего военного училища до ноября 2011 г. проходил военную службу на Северном флоте, после чего был назначен заместителем Главнокомандующего Военно-Морским Флотом Вооруженных Сил Российской Федерации по вооружению и переведен в г. Москву, а в связи с переводом Главного Командования Военно-Морского Флота Вооруженных Сил Российской Федерации в г. Санкт-Петербург – переведен в октябре 2013 г. в г. Санкт-Петербург.

Занимаемые жилые помещения в период военной службы на Северном флоте Т. сдал в установленном порядке, а по новому месту военной службы был обеспечен служебным жильем.

Супруга административного истца в период брака, в мае 2002 г., приобрела в г. Санкт-Петербурге в собственность двухкомнатную квартиру общей площадью 46,6 кв. м, в которую вселила своего и административного истца сына – Т., его супругу и двух внуков, после чего 16 июля 2010 г. подарила эту квартиру сыну. Другого жилья в собственности и пользовании Т. и его супруга не имели.

Решением врид директора Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации от 2 июля 2012 г. Т. на основании заявления был поставлен вместе с супругой на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма в избранном месте жительства в г. Москве, с учетом находившейся у его супруги до июля 2010 г. в собственности квартиры (до 16 июля 2015 г. – на основании ст. 53 ЖК РФ).

Приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 октября 2013 г. Т. уволен с военной службы в запас по собственному желанию с оставлением в списках очередников на получение жилой площади в избранном месте жительства.

В октябре 2015 г. Т. обратился к директору Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации с заявлением о внесении изменений в реестр военнослужащих, нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, изменив избранное им место жительства после увольнения с военной службы на г. Санкт-Петербург.

Решением начальника Управления ФГКУ «Западрегионжилье» от 31 декабря 2015 г. Т. снят с жилищного учета ввиду отсутствия оснований для постановки на жилищный учет, а также его увольнения с военной службы до истечения пятилетнего срока, предусмотренного ст. 53 ЖК РФ.

Удовлетворяя заявление административного истца о признании названного решения незаконным, суд первой инстанции исходил

из того, что проживавшие в принадлежащей на праве собственности супруги административного истца квартире сын, невестка и внуки были вселены в качестве членов семьи собственника, в связи с чем они подлежали учету при определении доли общей площади жилого помещения, приходящейся на Т. и его супругу. Поскольку на каждого из членов семьи собственника жилого помещения приходилось менее учетной нормы площади жилого помещения, суд признал правомерным решение жилищного органа о постановке административного истца на жилищный учет с учетом жилого помещения, которым в июле 2010 г. распорядилась его супруга.

С выводами суда первой инстанции согласился окружной военный суд.

Такие выводы судов соответствуют материалам дела и основаны на правильном применении норм материального права.

Согласно ч. 1 ст. 30 ЖК РФ собственник жилого помещения осуществляет права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему на праве собственности жилым помещением в соответствии с его назначением и пределами его использования, которые установлены ЖК РФ.

Частью 1 ст. 31 ЖК РФ определено, что к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи.

Вселенные собственником жилого помещения члены его семьи, в силу ч. 2 ст. 31 ЖК РФ, имеют право пользования данным жилым помещением наравне с его собственником, если иное не установлено соглашением между собственником и членами его семьи.

В пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» разъяснено, что вопрос о призна-

нии лица членом семьи собственника жилого помещения судам следует разрешать с учетом положений ч. 1 ст. 31 ЖК РФ, исходя из того, что для признания перечисленных в данной норме лиц, вселенных собственником в жилое помещение, членами его семьи достаточно установления только факта их совместного проживания с собственником в этом жилом помещении и не требуется установления фактов ведения ими общего хозяйства с собственником жилого помещения, оказания взаимной материальной и иной поддержки.

Данное разъяснение сделано применительно к ситуации наличия у собственника единственного жилого помещения для проживания.

В суде установлено, что супруга Т. вселила в принадлежащую ей на праве собственности квартиру своего сына, его супругу и детей без заключения какого-либо соглашения, определяющего их права иначе, чем это предусмотрено ЖК РФ.

Сам Т. в этот период проходил военную службу в г. Северодвинске Архангельской области, где проживал вместе с супругой в предоставленном им за счет Министерства обороны Российской Федерации жилком помещении.

В судебном заседании Т. пояснил, что его сын, невестка и внуки были вселены в принадлежащее его супруге на праве собственности жилое помещение именно в качестве членов семьи. Это заявление не было опровергнуто допрошенной в судебном заседании в качестве свидетеля супругой административного истца.

При таких данных факт вселения сына административного истца, его супруги и их детей в принадлежавшую на праве собственности супруги Т. квартиру в качестве членов семьи сомнений не вызывает.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела, поскольку проживание названных лиц в принадлежащей на праве собственности квартире супруги административного истца в качестве членов семьи указывает на необходимость учета доли занимаемого ими жилого помещения при определении нуждаемости Т. и его супруги в жилом

помещении, предоставляемом по договору социального найма.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ основаниями для признания граждан нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, является обеспеченность общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы.

Из материалов дела следует, что на момент отчуждения принадлежащей супруги административного истца квартиры в ней проживало четыре члена ее семьи и на всех них, а также на Т. и его супругу приходилось по 7,7 кв. м.

Согласно ст. 9 Закона г. Москвы от 14 июня 2006 г. № 29 «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» учетная норма площади жилого помещения на одного человека в г. Москве установлена в размере 10 квадратных метров площади жилого помещения.

В силу ст. 3 Закона Санкт-Петербурга от 19 июля 2005 г. № 407-65 «О порядке ведения учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях и предоставлении жилых помещений по договорам социального найма в Санкт-Петербурге» учетная норма площади жилого помещения на одного человека в г. Санкт-Петербурге составляет 9 квадратных метров общей площади жилого помещения.

Следовательно, как при постановке на жилищный учет в период прохождения военной службы в г. Москве, так и при перемене места жительства после увольнения с военной службы в г. Санкт-Петербурге административный истец являлся нуждающимся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

При таких данных решение врид директора Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации от 2 июля 2012 г. о постановке Т. вместе с супругой на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма в избранном месте жительства, с учетом находившейся у его супруги до июля 2010 г. в собственности квартиры является правильным, а решение начальни-

ка Управления ФГКУ «Западрегионжилье» от 31 декабря 2015 г. о снятии административного истца с учета нуждающихся в жилых помещениях не основано на законе.

В связи с изложенным суд первой инстанции правомерно признал незаконным оспариваемое решение жилищного органа о снятии административного истца с учета нуждающихся в жилом помещении, восстановив его права на обеспечение жильем в избранном месте жительства после увольнения с военной службы.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих оставила без изменения судебные акты по административному исковому заявлению Т., а кассационную жалобу представителя административного ответчика – без удовлетворения.

Обеспеченность военнослужащего жильем в соответствующем близлежащем к месту прохождения военной службы населенном пункте не порождает у него права на получение служебного жилого помещения

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2017 г. № 201-КГ 17-15 по заявлению К. (извлечение)

Апелляционным определением Московского окружного военного суда от 7 июля 2016 г. отменено решение гарнизонного военного суда об отказе в удовлетворении административного искового заявления К., в котором он просил признать незаконным отказ начальника отделения (территориального, г. Владимир) Федерального государственного казенного учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – Управление ФГКУ «Западрегионжилье») от 14 января 2016 г. в принятии его на учет нуждающихся в обеспечении служебными жилыми помещениями.

По делу принято новое решение об удовлетворении административного искового заявления в указанной части.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе представителя начальника ФГКУ «Западрегионжилье», Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что при

рассмотрении дела судами была допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что К., проходящий военную службу по контракту в воинской части, дислоцированной в пос. Пакино Ковровского района Владимирской области, с октября 1994 г. зарегистрирован по месту жительства в г. Коврове Владимирской области в квартире общей площадью 62,9 кв.м, которая принадлежит на праве собственности его матери. Супруга административного истца с декабря 1995 г. зарегистрирована по месту жительства в принадлежащей ее отцу на праве собственности квартире в том же населенном пункте общей площадью 63,1 кв.м.

14 января 2016 г. начальник территориального отделения ФГКУ «Западрегионжилье» принял решение об отказе в принятии К. с женой на учет нуждающихся в обеспечении служебными жилыми помещениями в связи с наличием у него и у его супруги права пользования жилыми помещениями, расположенными в близлежащем к месту прохождения им военной службы населенном пункте – в г. Коврове Владимирской области.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, и удовлетворяя заявленные требования о признании указанного решения жилищного органа незаконным, исходил из того, что пос. Пакино и г. Ковров являются различными населенными пунктами, не имеют общих границ, административный истец и его жена обеспечены жилыми помещениями, находящимися за пределами населенного пункта, в котором К. проходит военную службу, а поэтому он имеет право на принятие на учет нуждающихся в предоставлении служебных жилых помещений.

Такой вывод окружного военного суда основан на неправильном истолковании закона.

В суде установлено, что пос. Пакино и г. Ковров расположены в границах одного муниципального образования – Ковровского района Владимирской области, районным центром которого является г. Ковров, эти населенные пункты удалены друг от друга на

расстояние, не превышающее 10 км, и имеют общую развитую транспортную инфраструктуру.

В соответствии с ч. 2 ст. 99 ЖК РФ специализированные жилые помещения предоставляются по установленным этим кодексом основаниям гражданам, не обеспеченным жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте.

Согласно абзацу второму п. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащим - гражданам, проходящим военную службу по контракту, и совместно проживающим с ними членам их семей предоставляются не позднее трехмесячного срока со дня прибытия на новое место военной службы служебные жилые помещения по нормам и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Служебные жилые помещения предоставляются в населенных пунктах, в которых располагаются воинские части, а при отсутствии возможности предоставить служебные жилые помещения в указанных населенных пунктах – в других близлежащих населенных пунктах.

Исходя из системного толкования приведенных положений законодательства, обеспеченность военнослужащего жильем в соответствующем близлежащем к месту прохождения военной службы населенном пункте не порождает у него права на получение служебного жилого помещения, а поэтому обстоятельства, указанные в апелляционном определении и на которые ссылается административный истец, юридически значимыми для данного дела не являются.

При таких обстоятельствах дела оснований для удовлетворения административного искового заявления не имелось.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение Московского окружного военного суда от 7 июля 2016 г. по административному исковому заявлению К. и оставила в силе решение Владимирского гарнизонного военного суда от 26 апреля 2016 г. по данному делу.

Направление военнослужащих на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей осуществляется на основании их рапорта при соблюдении установленных сроков

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2017 г. № 202-КГ17-1 по заявлению С. (извлечение)

Решением Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 9 сентября 2015 г. удовлетворено административное исковое заявление С., в котором он просил возложить на командира воинской части обязанность по направлению его на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей.

Апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 17 декабря 2015 г. решение суда первой инстанции отменено и принято новое решение об отказе С. в удовлетворении заявленных требований.

Постановлением президиума Ленинградского окружного военного суда от 31 августа 2016 г. апелляционное определение отменено и оставлено в силе решение гарнизонного военного суда.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе представителя командира воинской части, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила решение гарнизонного военного суда и постановление президиума окружного военного суда, оставив в силе апелляционное определение окружного военного суда об отказе в удовлетворении требований С., приведя в обоснование следующие доводы.

Из материалов дела следует, что С. в 2010 г. достиг предельного возраста пребывания на военной службе, 24 ноября 2013 г. у него истек срок действия контракта, заключенного сверх предельного возраста, а в заключении нового контракта ему было отказано, о чем истец был извещен 5 августа 2013 г.

Приказом командира воинской части от 9 октября 2013 г. в связи с проведением организационно-штатных мероприятий С. с 14 сентября 2013 г. зачислен в распоряжение названного должностного лица.

В связи с предстоящим увольнением с военной службы с С. 9 октября 2013 г. проведена беседа, в ходе которой он, имея право выбора основания увольнения (по возрасту, по истечении срока контракта, по состоянию здоровья, в связи с организационно-штатными мероприятиями), отказался от увольнения без предоставления жилья по избранному месту жительства. Иных просьб, в том числе о направлении его на профессиональную переподготовку, С. не выразил.

Впервые с рапортом о направлении на профессиональную переподготовку С. обратился только 28 октября 2014 г., на который 17 декабря 2014 г. получил устный отказ со ссылкой на пропуск установленного срока.

21 апреля 2015 г. С. вновь обратился с рапортом о направлении на профессиональную переподготовку, на который 21 мая 2015 г. получил письменный отказ со ссылкой на пропуск срока подачи рапорта.

После этого С. был уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и исключен из списков части.

Удовлетворяя требования административного истца и признавая незаконным отказ командира воинской части в направлении С. на профессиональную переподготовку, суды первой и кассационной инстанций исходили из того, что законодательство не предусматривает возможности отказа военнослужащему соответствующей категории в направлении на профессиональную переподготовку по причине несоблюдения сроков подачи рапорта об этом, а в ходе судебного разбирательства ответчик не представил доказательств, подтверждающих дату ознакомления истца с выпиской из приказа о внесении изменений в штат воинской части.

Однако данные выводы судов основаны на неправильном толковании норм материального права и противоречат материалам дела.

Гарантируя в п. 4 ст. 19 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» право отдельных категорий военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей без взимания с них платы за обучение, законодатель определил поряд-

ка и условий реализации этого права отнес к исключительной компетенции Министерства обороны Российской Федерации или иного федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба.

В ФСБ России порядок и условия реализации военнослужащими органов федеральной службы безопасности, проходящими военную службу по контракту, права на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей регламентирован Инструкцией о порядке и условиях реализации военнослужащими органов федеральной службы безопасности, проходящими военную службу по контракту, права на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей, утвержденной приказом ФСБ России от 26 января 2009 г. № 22 (далее – Инструкция).

В частности, п. 2 Инструкции определяет, что направление военнослужащих на профессиональную переподготовку осуществляется на основании их рапорта при соблюдении условий, приведенных в п. 4 ст. 19 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

Сроки подачи таких рапортов военнослужащими, изъявившими желание пройти профессиональную переподготовку, определены в п. 15 Инструкции, в соответствии с которым военнослужащие подают рапорт по команде:

увольняемые с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе или по истечении срока военной службы – не позже чем за год до наступления предельного возраста пребывания на военной службе или истечения срока военной службы (в случае отказа в заключении с указанными военнослужащими нового контракта – не позднее 10 календарных дней с даты ознакомления с принятым в отношении их решением);

увольняемые с военной службы по состоянию здоровья – не позднее 10 календарных дней с даты ознакомления с вынесенным военно-врачебной комиссией заключением о признании их негодными (ограниченно годными) к военной службе;

увольняемые с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями – не позднее 10 календарных дней с даты ознакомления с приказом (выпиской из приказа) о внесении изменений в штат органа безопасности.

Как установлено по делу, 24 ноября 2013 г. у С. истек срок действия контракта, заключенного сверх предельного возраста, а в заключении с ним нового контракта ему было отказано, данное решение было доведено до сведения административного истца 5 августа 2013 г.

Следовательно, С. вправе был заявить о своем желании пройти профессиональную переподготовку не позднее 15 августа 2013 г.

Кроме того, с 14 сентября 2013 г. занимаемая административным истцом воинская должность была сокращена, о чем ему было сообщено в ходе беседы 9 октября 2013 г. Однако в рапорте и в листе беседы от того же числа С. заявил лишь о том, что возражает против увольнения с военной службы по возрасту, по истечении срока контракта, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления жилья в избранном месте жительства в г. Москве. Других просьб он не выразил.

Таким образом, о состоявшихся организационно-штатных мероприятиях, в результате которых подразделение ФСБ России, в котором С. проходил военную службу, было сокращено, в связи с чем у него появилось основание увольнения – в связи с организационно-штатными мероприятиями, административному истцу стало известно 9 октября 2013 г. в ходе проведенной с ним беседы.

В дальнейшем С. изменил свое решение о месте жительства после увольнения с военной службы и попросил обеспечить его жильем в г. Санкт-Петербурге, где в 2014 г. ему и была предоставлена квартира. Только после выделения ему квартиры в г. Санкт-Петербурге, прохождения военно-врачебной комиссии, использования отпусков в году увольнения С. обратился с рапортом, в котором просил направить его на профессиональную переподготовку по специализации «бизнес-администрирование».

Приведенные обстоятельства с учетом должностного положения административного истца, зачисления его в распоряжение именно в связи с организационно-штатными мероприятиями, доведения до его сведения информации о сокращении занимаемой должности в связи с упразднением подразделения, в котором он проходил военную службу, проведения с ним беседы о предстоящем увольнении и написания им самим рапорта с приведением в нем одного из оснований увольнения с военной службы – в связи с организационно-штатными мероприятиями объективно свидетельствуют о том, что еще в октябре 2013 г. С. знал о проведенных организационно-штатных мероприятиях и изменениях в штате органа безопасности, в связи с чем имел реальную возможность своевременно обратиться к командованию с рапортом о направлении на профессиональную переподготовку.

Поэтому вывод суда апелляционной инстанции о нарушении административным истцом самим срока подачи рапорта о направлении его на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей и, как следствие, установленного Инструкцией порядка и условий реализации военными данного права является правильным.

Неизвещение административного истца о времени и месте судебного заседания апелляционной инстанции повлекло отмену апелляционного определения

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2017 г. № 201-КГ17-20 по заявлению К. (извлечение)

Решением Московского гарнизонного военного суда от 18 февраля 2016 г. отказано в удовлетворении административного искового заявления К., в котором он просил признать незаконными приказы воинского должностного лица об увольнении с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и исключении из списков части соответственно.

Апелляционным определением Московского окружного военного суда от 19 мая 2016 г. решение гарнизонного военного суда в ча-

сти отказа в удовлетворении заявления об отмене приказа об исключении административного истца из списков части отменено и по делу принято новое решение об удовлетворении заявления в указанной части. В остальном решение оставлено без изменения.

В кассационной жалобе К., указав на надлежащее извещение его о судебном заседании суда апелляционной инстанции, а также на отсутствие его согласия с увольнением без обеспечения жилым помещением, просил судебные акты отменить.

Рассмотрев материалы дела, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила апелляционное определение окружного военного суда и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 14 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации административное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, при этом ст. 45 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации предусмотрены процессуальные права лиц, участвующих в деле, в частности право представлять доказательства, до начала судебного разбирательства знакомиться с доказательствами, представленными другими лицами, участвующими в этом деле, и с доказательствами, истребованными в том числе по инициативе суда, участвовать в исследовании доказательств, заявлять ходатайства, давать объяснения суду в устной и письменной форме.

Эти права обеспечиваются надлежащим извещением лиц, участвующих в деле, о месте и времени судебного заседания.

Согласно ч. 1 ст. 140 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в случае разбирательства административного дела в судебном заседании о времени и месте судебного заседания обязательно извещаются лица, участвующие в деле, иные участники судебного разбирательства.

Аналогичное требование закреплено в ч. 2 ст. 306 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, согласно которой, установив, что административное дело подготовлено к судебному разбирательству, суд апелляционной инстанции извещает лиц, участвующих в деле, о времени и месте рассмотрения жалобы в апелляционном порядке, а в случае, если дело рассмотрено в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, то на основании п. 2 ч. 1 ст. 310 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации судебный акт подлежит безусловной отмене.

Из материалов дела следует, что после поступления 21 апреля 2016 г. административного дела по заявлению К. в окружной военный суд апелляционное судебное заседание по его рассмотрению назначено на 19 мая 2016 г. в помещении Московского окружного военного суда, о чем заявителю 25 апреля 2016 г. направлено письменное извещение по адресу, указанному в его заявлении.

Однако письменное извещение в дальнейшем было возвращено в суд в связи с невручением адресату, а данных о том, что извещение не было вручено истцу по обстоятельствам, зависящим от него, а также свидетельствующих об уведомлении истца о судебном заседании иным способом, в деле не содержится.

Из изложенного следует, что судом апелляционной инстанции в нарушение ст. 14, 45 и 306 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации дело было рассмотрено в отсутствие истца, не извещенного о времени и месте судебного заседания, что свидетельствует о нарушении судом норм процессуального права, которое повлияло на исход административного дела и без устранения которого невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов К.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ПОЛЬЗОВАНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ВЕЩНЫХ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВ В ОТНОШЕНИИ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА ВОЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

В.Ю. Еремеев, юрисконсульт воинской части

Разграничение правомочий в отношении объектов недвижимого имущества позволяет определять объемы возможного использования недвижимого имущества военными учреждениями. В законодательстве часто употребляются понятия, содержание которых не разграничено и требует дополнительного изучения и толкования. Например, отсутствует четкое определение понятия использования имущества при всей его смысловой схожести с пользованием. В то же время верное понимание терминов «пользование», «использование», определение объема содержащихся в них прав является одним из ключевых моментов при совершенствовании правового регулирования материального обеспечения военных учреждений объектами недвижимого имущества в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства.

По мнению И. Плотниковой, в цивилистической литературе существуют три направления в рассмотрении данного вопроса:

1) считать право использования и право постоянного бессрочного пользования синонимами;

2) право использования – это любое вещное или обязательственное право, содержащее правомочие пользования (право пожиз-

ненного наследуемого владения, право аренды, право безвозмездного бессрочного пользования и др.);

3) право использования – это иное, отличное от всех известных и формально закрепленных в российском гражданском праве вещное право, которое всегда имеется у лица на соответствующую часть земельного участка под зданием, строением, находящимся в его собственности¹.

Указанные И. Плотниковой направления изучения понятий использования и пользования требуют более широкого и детального рассмотрения не только в отношении права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, но и в отношении других вещных и обязательственных прав на недвижимое имущество, в том числе применительно к праву оперативного управления военного учреждения.

Оба термина – и «использование», и «пользование» – могут применяться в отношении различного рода объектов гражданских прав: вещей, имущественных прав, продуктов интеллектуальной деятельности и др. При рассмотрении данных терминов в отношении недвижимого имущества возьмем за основу направления, предложенные И. Плотниковой, а именно:

¹ Плотникова И. Переход прав на участок // *эж-Юрист*. 2004. № 26. С. 4 – 7.

- 1) с точки зрения лексического соотношения понятий использования и пользования;
- 2) с точки зрения составляющих как вещных, так и обязательственных прав;
- 3) с точки зрения рассмотрения использования как нового вида вещных прав.

С точки зрения лексического соотношения понятий использование и пользование как синонимов необходимо обратить внимание на толкование данных слов в различных источниках, а также на их образование и состав.

В Толковом словаре С.И. Ожегова понятие *использование* (использовать), воспользоваться (пользоваться) кем-чем-нибудь подразумевает употребление с пользой. Использовать специалиста, материал. Использовать случай, опыт мастеров².

Использование чего-либо по Толковому словарю В.И. Даля говорит об «издержании на пользование, лечение». Значение слова *пользование* в словаре В.И. Даля не раскрывается, в нем лишь указано значение слова *польза* – «помощь, прок, подспорье, улучшение; выгода, прибыль, барыш, нажива»³.

Как в словаре В.И. Даля, так и в словаре С.И. Ожегова толкование понятий *использование* и *пользование* прослеживается в тесной взаимосвязи, с выделением одного из основных качеств – употребления.

Большой энциклопедический словарь под редакцией А.П. Горкина не содержит понятия использования, но при этом закрепляет понятие *пользование* как юридический термин, в качестве одного из основных правомочий собственника, которое заключается в праве потребления вещи⁴, а в Большом экономическом словаре под редакцией А.Н. Азрилияна *использование* раскрывается как пользование чем-нибудь, употребление с пользой⁵.

Из данных определений также следует выявление в понятиях *использование* и

пользование в качестве основного критерия признака именно употребления.

З.А. Ахметьянова под использованием понимает действия, целью которых является извлечение из вещей полезных свойств. Правомочие пользования можно определить как субъективное право на возможные действия по пользованию имуществом в пределах, установленных законом. Правомочие пользования неразрывно связано с правомочием владения, так как в подавляющем большинстве случаев для того, чтобы пользоваться вещью, необходимо иметь ее в своем владении. Данное правомочие позволяет его обладателю использовать вещь, потреблять ее, извлекать из нее какие-либо полезные свойства (эксплуатировать имущество, извлекать доходы, получать плоды, приносимые им, и тому подобное)⁶.

В Толковом словаре Д.Н. Ушакова под использованием указывается действие по глаголу «использовать», смысл которого – использование отбросов, использование рабочей силы. В качестве пользования Д.Н. Ушаков раскрывает действие по глаголу «пользоваться»: пользование картами во время боевых действий, места общего пользования (общественные здания и т. п.); владение, хозяйственная эксплуатация; нахождение земли в общественном пользовании⁷.

В качестве синонимов в отношении *использования* могут применяться такие понятия, как «употребление, эксплуатация, утилизация, применение, приложение, пользование, контрафакция, исчерпание, оборот, исчерпывание, рекуперация, расходование»⁸.

По составу *использование* и *пользование* являются однокоренными словами и имеют один общий корень «польз», к числу однокоренных с ними можно отнести также слова: польза, землепользование, приро-

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2010. С. 618.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 2001. С. 51.

⁴ Прохоров А.М. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.П. Горкин. СПб., 1997. С. 938.

⁵ Большой экономический словарь. 22 000 терминов / под ред. А.Н. Азрилияна. 4-е изд. перераб. и доп. М., 1999. С. 150 – 167.

⁶ Ахметьянова З.А. Вещные права в гражданском праве России // Цивилист. Науч.-практ. журн. 2006. № 1. С. 16 – 22.

⁷ Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2008. С. 1247.

⁸ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М., 2011. С. 564.

допользование, использовать, используемые.

Д.В. Козлов в отношении земельных участков указывает на невозможность употребления в качестве синонимов понятий пользования и использования, ссылаясь на законодателя, установившего закрытый перечень субъектов права постоянного (бессрочного) пользования, хотя круг субъектов права использования чужого земельного участка гораздо шире⁹.

С таким утверждением нельзя полностью согласиться. Действительно, Гражданский и Земельный кодексы Российской Федерации определяют круг лиц, за которыми может быть закреплен (передан) земельный участок. Но это не говорит об исключении применения использования и пользования как синонимов. В качестве права законодатель четко прописывает право постоянного бессрочного пользования, но при этом данные отношения связывает и с использованием земельного участка. Здесь необходимо провести некоторое разграничение. При закреплении земельного участка, к примеру, за военными учреждениями на праве постоянного (бессрочного) пользования законодательством не предусмотрена регистрация данного права в отношении негосударственных (непубличных образований), юридических или физических лиц. Однако такие лица также могут использовать данные земельные участки, например, при строительстве жилого дома в рамках инвестиционной деятельности.

Сопоставляя значения использования и пользования можно сделать вывод, что оба данных понятия подразумевают употребление вещи в целях извлечения из нее полезных свойств, а их применение в законодательстве возможно в качестве синонимов, если только речь не идет о конкретном вещном праве постоянного (бессрочного) пользования земельным участком или о право-

мочии пользования как составляющей иного вещного права.

В соответствии со вторым направлением анализа соотношения понятий использования и пользования с точки зрения составляющих как вещных, так и обязательственных прав употребление этих понятий необходимо рассматривать с позиций нормативно-правового аспекта, где базовым закреплением в отношении понятия пользования выступает содержание права собственности¹⁰, из которого в качестве вещных правомочий выделяются право владения, право пользования и право распоряжения. Право использования в прямой постановке какого-либо конкретного законодательного закрепления не имеет, но при этом данный термин часто применяется в нормативных правовых актах.

Единства в вопросе о том, какие действия входят в содержание правомочия пользования, нет. Так, например, У. Матеи называет следующие виды пользования недвижимым имуществом: право на огораживание земельных участков, недропользование, водопользование, устройство насаждений и приобретение плодов, возведение построек и проведение границ земельного участка¹¹.

Из правомочия пользования некоторые авторы выделяют правомочие извлекать плоды из имущества в противовес собственно пользованию. Практическое значение данное выделение имело в римском праве, установившем сервитут «*usus*», который предоставлял только право пользования имуществом без права на его плоды, и «*usufruct*», предоставлявший и непосредственно пользование, и право на извлечение плодов¹².

Таким образом, употребление понятий пользования и использования необходимо разграничивать в зависимости от категории их применения:

⁹ Козлов Д.В. Право использования чужого земельного участка собственником расположенной на нем недвижимости // Юрид. наука. 2013. № 3. С. 76.

¹⁰ Статья 209 Гражданского кодекса Российской Федерации.

¹¹ Матеи У. Основные положения права собственности. М., 1999. С. 180 – 198.

¹² Хвостов В.М. Система римского права. М., 1996. С. 308 – 311.

1) по критерию правового основания, на котором закрепляется отношение субъект – объект гражданских прав в соответствии с принятыми видами вещных и обязательственных прав (право бессрочного пользования, право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, по договору аренды и пр.);

2) по критерию возможности извлечения из вещи полезных свойств.

Так, например, жилые помещения могут использоваться на различных правовых основаниях, таких как право собственности, право оперативного управления, по договору аренды, по договору социального найма, по договору безвозмездного пользования и пр. Во всех этих случаях субъект имеет право использовать жилое помещение в соответствующих рамках, согласно регулирующим тот или иной вид отношений правовым нормам.

Например, согласно ч. 4 ст. 213 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) общественные и религиозные организации (объединения), благотворительные и иные фонды являются собственниками приобретенного ими имущества и могут использовать его лишь для достижения целей, предусмотренных их учредительными документами¹³. Исходя из данной формулировки можно сделать вывод, что приобретение фондами имущества может осуществляться на различных правовых основаниях, в том числе по договорам дарения, купли-продажи, пожертвования и пр. Термин «использование имущества» в данной норме говорит об употреблении вещи, которая закрепляется за фондом на праве собственности, извлечении из нее выгоды, полезных свойств.

Согласно ст. 653 ГК РФ в случаях, когда земельный участок, на котором находится арендованное здание или сооружение, продается другому лицу, за арендатором этого здания или сооружения сохраняется право

пользования земельным участком, который занят зданием или сооружением и необходим для его использования, на условиях, действовавших до продажи земельного участка. Данная норма указывает на основание закрепления земельного участка за субъектом гражданских правоотношений, с одной стороны, и применяет понятие использования в отношении объекта недвижимого имущества, находящегося в аренде, с другой стороны, что говорит о разных категориях их применения.

Кроме этого, понятие использования встречается и в других нормах права, например: при регулировании отношений, касающихся оснований приобретения права собственности; при регулировании отношений в сфере оборота земель; при регулировании отношений, связанных с использованием территории города федерального значения Москвы; при установлении порядка возмещения расходов при использовании личного имущества работника и пр.¹⁴

В качестве извлечения из вещи полезных свойств пользование применяется не как самостоятельное вещное право, на котором за субъектом закрепляется имущество, а как право субъекта на извлечение полезных свойств вещи, что показывает схожесть пользования с использованием. Например, владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, не подразумевает владение и пользование как основания закрепления имущества, а говорит о круге полномочий субъектов в отношении такого имущества, в том числе в отношении плодов, продукции и доходов от использования имущества, находящегося в долевой собственности.

Таким образом, использование представляет собой возможность субъекта получать определенную пользу, извлекать полезные свойства из вещи, находящейся на определенном обязательственном или вещном

¹³ Статья 213 ГК РФ.

¹⁴ Статьи 222, 218, 285 ГК РФ; ст.ст. 1, 3, 7, 10, 11, 11.8, 14, 23 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ); ст. 188 Трудового кодекса Российской Федерации.

праве, таком как аренда, оперативное управление, право постоянного бессрочного пользования и пр. Использование содержит гораздо более широкий круг применения, включая пользование, что позволяет применять данное понятие не только к вещным, но и к обязательственным правам.

Рассматривая в третьем аспекте право использования в качестве иного, отличного от всех известных в российском гражданском праве вещного права, также важно обратить внимание как на его юридическое закрепление, так и на толкования в правовой науке.

Е.А. Суханов предусматривает выделение новых вещных прав, закрепленных в российском законодательстве, но не поименованных в статье 216 ГК РФ, в качестве которых выделяет: право на использование чужого земельного участка собственником строения (ст.ст. 35, 36 ЗК РФ), право ограниченного пользования для казенных предприятий и учреждений, которые пользуются частью здания, находящегося на чужом земельном участке¹⁵.

Использование при построении системы ограниченных вещных прав и правомочий лица, в отношении которого устанавливается конкретное ограниченное вещное право, является основным критерием построения классификации ограниченных вещных прав в германском праве¹⁶.

Д.В. Козлов считает, что применение права использования как иного, отличного от всех известных в российском праве вещных прав является ошибочным, поскольку четкой характеристики права использования как вещного права в законодательстве не содержится¹⁷.

Правоприменительная практика идет по другому пути, что подтверждается п. 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24

марта 2005 г. № 11, где говорится, что покупатель здания, строения, сооружения вправе требовать оформления соответствующих прав на земельный участок, занятый недвижимостью и необходимый для ее использования, на тех же условиях и в том же объеме, что и прежний собственник недвижимости, с момента государственной регистрации перехода права собственности на здание, строение, сооружение¹⁸.

Действительно, законодатель не дает четкой характеристики права использования, но необходимо разграничивать понятие пользования и понятие использования. Пользование как вещное правомочие закреплено в ст. 209 ГК РФ в качестве содержательного элемента права собственности. При этом использование как конкретный вид ограниченного вещного права законодательством не закреплено, а применение использования, как указывалось ранее, возможно, помимо реализации вещных прав, также в рамках реализации и обязательственных прав, что само по себе не позволяет выделить использование как новое вещное право. При этом использование может применяться в качестве тождественности с правом пользования, но только во взаимосвязи, где использование включает пользование.

Так, например, ч. 2 ст. 17 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) «Назначение жилого помещения и пределы его использования. Пользование жилым помещением» допускает использование жилого помещения для осуществления профессиональной деятельности или индивидуальной предпринимательской деятельности проживающими в нем на законных основаниях гражданами, если это не нарушает права и законные интересы других граждан, а также требования, которым должно отвечать жилое помещение¹⁹. Из

¹⁵ Суханов Е.А. Проблема вещных прав // *эж-Юрист*. 2003. № 46. С. 2.

¹⁶ Богданов Е.В., Эриашвили Н.Д. Современное вещное право России. М., 2015. С. 154.

¹⁷ Козлов Д.В. Указ. соч. С. 76.

¹⁸ О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства: постановление Пленума Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации от 24 марта 2005 г. № 11 // *Вестн. Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации*. 2005. № 5.

¹⁹ Статья 17 ЖК РФ.

трактовки самого названия статьи можно увидеть, что понятия использования и пользования применяются для более корректного лексического значения, в принципе имея одинаковую смысловую нагрузку.

Таким образом, можно проследить некоторые особенности применения использования в отношении обязательственных и вещных прав:

– понятие использования гораздо шире, чем понятие пользования в связи с тем, что употребляется в отношении и вещных, и обязательственных прав;

– использование в отличие от права пользования не закрепляет права субъекта гражданских правоотношений, а лишь определяет его полномочия по употреблению вещи, которая уже закреплена за субъектом не только на вещном праве, но и на обязательственном;

– в контексте некоторых норм использование применяется в качестве синонима по отношению к пользованию, так как двойное употребление понятия пользования лексически некорректно.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что в настоящее время законодатель не дает четкого нормативного закрепления использования в качестве отдельного права, но оно используется как связующее зве-

но в отношении употребления имущества, как синоним по отношению к понятию пользования, как самостоятельное право, так как может применяться и в отношении института обязательственных прав, при этом содержание понятия использования гораздо шире содержания понятия пользования. Все это относит понятие использования к особому виду прав, что требует дальнейшего его глубокого изучения с позиций как вещного, так и обязательственного права, что, возможно, приведет к появлению отдельной категории прав; например, такой как смешанные права.

Применительно к проблеме использования недвижимого имущества военными организациями, этот вопрос актуален в той части, что при правовом регулировании на ведомственном уровне отдельных видов отношений, связанных с особенностями реализации полномочий по пользованию объектами недвижимости, обусловленными спецификой деятельности по обеспечению обороны страны и безопасности государства, не имеет значения, на каком вещном или обязательственном праве недвижимое имущество находится в пользовании, а потому термин *использование* является наиболее емким и пригодным для реализации задач правового регулирования.

Информация

По материалам военных прокуроров компания-подрядчик оштрафована за нарушение условий государственного контракта

05.09.2017

32 военной прокуратурой гарнизона при проверке исполнения контрактных обязательств установлено, что ЗАО «Форпост Балтики плюс» в установленный государственным контрактом срок работы по ликвидации последствий пожара и очистке территории на одном из объектов в Приморском крае не выполнило.

По материалам военных прокуроров мировым судьей судебного участка № 6 Центрального района г. Калининграда юридическое лицо – «Форпост Балтики плюс» привлечено к административной ответственности по ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ (действия (бездействия), повлекшие неисполнение обязательств, предусмотренных контрактом на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков, с причинением существенного вреда охраняемым законом интересам общества и государства) в виде штрафа 200 тыс. рублей.

<http://gvp.gov.ru/>

ОХРАНА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ ИНСТИТУТОМ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И НЕКОТОРЫХ ВОЕННО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТОВ

И.А. Итяшева, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права Сургутского государственного университета;

Ю.Н. Стражевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права Сургутского государственного университета;

Г.Е. Слепко, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Военного университета

В любом обществе существует необходимость оказания материальной поддержки гражданам, которые не могут самостоятельно зарабатывать средства к существованию и при этом не располагают иными средствами, благодаря которым смогли бы обеспечивать свои потребности хотя бы на минимально необходимом уровне. Материальную помощь таким гражданам способны оказывать члены семьи (в правовом поле речь идет о предоставлении алиментных платежей) либо государство в рамках социального обеспечения. Эти системы являются самостоятельными, но не изолированными. Так, Ю.А. Рустамова отмечает, что между алиментными обязательствами и уровнем развития государственной системы социального обеспечения, несомненно, существует связь, поскольку они имеют одну и ту же цель – предоставление содержания нуждающимся нетрудоспособным лицам. Однако установленная зависимость круга лиц, являющихся именно в силу закона субъектами алиментных правоотношений, от низкого уровня благосостояния в стране не приводит к отождествлению

алиментных обязательств с мерами социального обеспечения. Алиментные обязательства суть обязательства особого рода, возникающие в силу наличия семейной связи между лицами (из брака, родства и иных обстоятельств, закрепленных в Семейном кодексе Российской Федерации; например, в связи с принятием ребенка на фактическое воспитание и содержание – ст. 96)¹.

Собственно право на получение необходимых средств от членов семьи и является основой алиментных обязательств, поэтому в современном праве термины «алименты» и «алиментные обязательства» широко применяются только в семейном праве. А.М. Нечаева отмечает: «Внутренним содержанием алиментных обязательств служит извечный закон человеческого общества, предписывающий заботиться о том члене семьи, семейного коллектива, который почему-либо обеспечить себя пищей, одеждой и прочим сам не может. Другими словами, алиментирование есть правовая предпосылка обеспечения жизни особой категории лиц, не способных существовать без посторонней помощи»².

¹ Рустамова Ю.А. Правовое регулирование алиментных отношений в Российской Федерации и проблемы их совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 7.

² Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2007. С. 45.

Несмотря на социальное предназначение алиментов, разногласия между плательщиками и получателями алиментов настолько часты, что эта категория споров традиционно является одной из самых злободневных в судебной практике. Нередко сторона спорного алиментного правоотношения, получив отказ в защите своих прав в суде общей юрисдикции, обращается в Конституционный Суд Российской Федерации с требованием о признании не соответствующими Конституции Российской Федерации отдельных норм Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), регулирующих алиментные обязательства, а в отдельных случаях – и норм, регулирующих отношения по поводу общей совместной собственности супругов, один из которых является алиментнообязанным лицом³.

Практика конституционного контроля в области семейного законодательства в сегменте норм, регулирующих алиментные отношения, достаточно богата. В настоящее время выработан целый ряд доктринальных положений по вопросам алиментирования, выраженных в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации.

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации исследователями понимаются как результат истолкования конкретных положений законодательства, итог выявления конституционного смысла рассматриваемых положений⁴. В то же время важным принципом конституционного контроля является самоограничение⁵: Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая заявления и да-

вая «толкование конституционного смысла ...положений семейного законодательства»⁶, не должен вторгаться в сферу компетенции законодателя, тем самым подменяя его.

С точки зрения современной юридической науки правовые позиции, формируемые Конституционным Судом Российской Федерации по итогам рассмотрения конкретного дела, представляют собой аргументированный нормативно-доктринальный вывод, направленный на преодоление конституционно-правовой неопределенности в той или иной правовой сфере.

Нами был осуществлен анализ определений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых им в порядке осуществления конкретного нормоконтроля по жалобам граждан, в которых они ставили вопрос о проверке конституционности законодательных норм, регулирующих алиментные отношения. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации можно сформулировать в виде трех выводов, которые приведем далее.

СК РФ не содержит понятие «алиментное обязательство». Однако он предусматривает необходимость наличия юридических фактов, порождающих право на получение алиментов и обязанность по их выплате. К таковым следует отнести:

- 1) наличие связи между субъектами семейных отношений;
- 2) наличие необходимых для алиментирования условий, установленных законом (несовершеннолетие, нетрудоспособность, нуждаемость и др.);
- 3) соглашение сторон об уплате алиментов или решение суда о взыскании алиментов.

³ См., например: определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Видман Натальи Владимировны на нарушение ее конституционных прав и конституционных прав ее несовершеннолетней дочери пунктом 3 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации» от 9 декабря 2014 г. № 2747-О; определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданки Видман Натальи Владимировны о разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2014 года № 2747-О» от 3 марта 2015 г. № 346-О-Р; определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Видман Натальи Владимировны на нарушение конституционных прав ее несовершеннолетней дочери пунктом 3 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации» от 21 мая 2015 г. № 1198-О и др.

⁴ Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журн. рос. права. 2007. № 4. С. 34.

⁵ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2005. С. 304–305.

⁶ Юнусова К.В. Общий обзор и значение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам толкования отдельных положений семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2015. № 5. С. 3.

Первый вывод, который следует из юридического анализа актов Конституционного Суда Российской Федерации, касается самого существа алиментных обязательств.

Для возникновения обязанности одних лиц осуществлять содержание других необходима констатация наличия между ними семейной связи.

Исходя из норм СК РФ можно выделить три вида семейных связей:

1) родственная связь. На основе ее возникают алиментные обязательства между родителями и детьми (гл. 13 СК РФ), братьями – сестрами, дедушками (бабушками) – внуками (ст.ст. 93 – 95, 98 СК РФ);

2) супружество. Данная семейная связь необходима для возникновения алиментных обязательств между супругами и бывшими супругами (гл. 14 СК РФ);

3) фактическое принятие ребенка на воспитание (ст.ст. 96, 97, 98 СК РФ). Лицами, имеющими право требовать алименты, являются в данной ситуации фактические воспитатели, а также отчим (мачеха). Плательщиками соответственно фактические воспитанники и пасынок (падчерица).

Так, в 2016 г. в Конституционный Суд Российской Федерации поступила жалоба о несоответствии Конституции Российской Федерации п. 2 ст. 107 СК РФ, так как данная норма исключает возможность взыскать алименты на содержание несовершеннолетнего ребенка за прошедший период, если отцовство ответчика до подачи иска о взыскании алиментов установлено не было (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 704-О).

Разрешая данное обращение, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что возможность привлечения гражданина к исполнению родительских обязанностей, в частности, по содержанию ребенка предусмотрена только в случае подтверждения родительского статуса лица, поскольку согласно ст. 47 СК РФ права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удосто-

веренном в установленном законом порядке (ст.ст. 48 – 51 СК РФ).

Мать ребенка, рожденного вне брака, вправе инициировать процедуру установления отцовства. До установления отцовства лицо, на которое возлагается обязанность по содержанию несовершеннолетнего ребенка, de jure отсутствует. Поскольку же требование о взыскании с такого лица алиментов вытекает из факта установления отцовства, усилия матери, предпринимаемые в целях получения средств на содержание несовершеннолетнего ребенка (до удовлетворения иска об установлении отцовства и взыскании алиментов, адресованного лицу, не имеющему родительских обязанностей), сами по себе не дают оснований для взыскания с такого лица алиментов за прошедший период.

Для возникновения абсолютного большинства алиментных обязательств также необходимым условием является нетрудоспособность получателя (ст. 85, п. 1 ст. 87, абз. 2 п. 2 ст. 89, абз. 4, 5 п. 2 ст. 90, ст.ст. 93 – 97 СК РФ). Тем не менее, в Конституционный Суд Российской Федерации поступают обращения, в которых граждане подвергают сомнению данное правило. В частности, неоднократно оспаривалась конституционность ст. 85 СК РФ, согласно которой родители обязаны содержать своих нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в помощи. По мнению заявителей, данная норма противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку не относит обучающихся в образовательных учреждениях, достигших восемнадцатилетнего возраста, к нетрудоспособным детям (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 октября 2015 г. № 2497-О, от 29 сентября 2015 г. № 2132-О, от 28 мая 2013 г. № 867-О).

Следует отметить, что понятие нетрудоспособности, используемое в семейном законодательстве, в СК РФ не раскрывается. Однако к регулированию семейных отношений могут применяться аналогия закона и аналогия права (ст.ст. 4 и 5 СК РФ).

Так, согласно ст. 4 СК РФ к отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений. Соответственно к понятию нетрудоспособности могут быть применены и использованы при регулировании алиментных обязательств разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации⁷, согласно которым к нетрудоспособным лицам следует относить: несовершеннолетних лиц (п. 1 ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ); граждан, достигших возраста, дающего право на установление трудовой пенсии по старости (п. 1 ст. 7 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации») вне зависимости от назначения им пенсии по старости. Лица, за которыми сохранено право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости (ст.ст. 27 и 28 названного Закона), к нетрудоспособным не относятся; граждан, признанных в установленном порядке инвалидами I, II или III группы (вне зависимости от назначения им пенсии по инвалидности). Таким образом, факторами определения трудоспособности и нетрудоспособности применительно к гражданским правоотношениям, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, выступают возраст и состояние здоровья лица. Лица, обучающиеся в высших учебных заведениях, достигшие возраста 18 лет и не являющиеся инвалидами, следовательно, не могут рассматриваться как имеющие право на получение алиментов.

Из правила о нетрудоспособности получателя алиментов существуют два исключения, одно из них касается жены (бывшей жены) в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка (ст.ст. 89, 90 СК РФ). Заявитель в своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации подверг сомнению это по-

ложение закона. Однако Конституционный Суд Российской Федерации, указывая на то, что предоставление алиментов согласуется с задачами охраны семьи, материнства и детства, вытекающими из ст. 38 Конституции Российской Федерации, отказал в рассмотрении жалобы (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2016 г. № 1154-О).

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации стоит на позиции, что семейное законодательство, конкретизируя положения Конституции Российской Федерации и актов международного права, исходит из сущностных принципов семейного права (абз. 2 п. 1 ст. 1 СК РФ): необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи. В соответствии с этим алиментные нормы СК РФ направлены на защиту интересов членов семьи и бывших членов семьи, нуждающихся в помощи. Данная нуждаемость может быть вызвана разными причинами, в частности особым физиологическим положением лица, таким как возраст, состояние здоровья, беременность, рождение ребенка. При этом законодатель учитывает и образ жизни лица как члена семьи: так, согласно ст. 92 СК РФ супруг может быть освобожден от обязанности содержать другого – нетрудоспособного – супруга (бывшего супруга), если нетрудоспособность наступила в результате недостойного (девиантного) поведения последнего (злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами или в результате совершения им умышленного преступления – абз. 2 ст. 92 СК РФ).

Второй вывод, к которому приходит Конституционный Суд Российской Федерации,

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о наследовании» от 29 мая 2012 г. № 9.

давая оценку соответствия Конституции Российской Федерации норм об алиментных обязательствах, заключается в том, что обязанность по содержанию, возложенная на лицо законом, направлена на защиту прав и интересов получателя алиментов.

По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, взыскание алиментов имеет особое социальное значение: для взыскателей алиментов регулярное получение указанных платежей может стать одним из основных источников средств к существованию, что предполагает установление эффективных правовых механизмов, посредством которых обеспечивалось бы сохранение уровня жизнеобеспечения получателя алиментов (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 841-О-О и от 5 июля 2011 г. № 953-О-О).

В отношении конкретных норм СК РФ, предусматривающих реализацию прав получателя алиментов, отдельные выводы содержатся в следующих правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации.

1. О праве уполномоченного лица самостоятельно избирать способ взыскания алиментов.

Так, в одной из жалоб заявитель оспаривает конституционность примененного п. 2 ст. 80 СК РФ, поскольку данная норма позволяет взыскивать алименты на содержание несовершеннолетних детей в судебном порядке в случае добросовестного исполнения родителями обязанности содержать своих несовершеннолетних детей в добровольном порядке.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2016 г. № 1026-О указывается, что возможность самостоятельного определения родителями в рамках требований действующего законодательства порядка исполнения ими обязанности по содержанию своих несовершеннолетних детей предусматривает при неисполнении данной обязанности в добровольном порядке, в том числе ввиду не-

достижения сторонами алиментных отношений соглашения об уплате алиментов, ее принудительное исполнение путем взыскания с родителей средств на содержание несовершеннолетних детей в судебном порядке.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации конкретизирует: получатель алиментов (его законный представитель) вправе сам решать, какой способ получения содержания ему предпочтителен: взыскание алиментов судом или договоренность с обязанным лицом.

2. Об установлении периода получения доходов, с которых подлежат взысканию алименты.

Рассматривая вопрос о соотношении момента взыскания алиментов и тех доходов, с которых это взыскание производится, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что при определении размера подлежащих удержанию алиментов должны приниматься во внимание все фактически полученные за период начисления алиментов в распоряжение алиментнообязанного лица доходы. Такой вопрос перед Конституционным Судом Российской Федерации поставили заявители, считавшие, что алименты не должны взыскиваться со следующих денежных сумм: 1) если они были начислены заявителю до момента возникновения алиментных обязательств, но поступили в его распоряжение после указанного момента (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 648-О); 2) если они представляют собой дебиторскую задолженность индивидуального предпринимателя, образовавшуюся до наступления алиментных обязательств, но поступивших в его распоряжение в период, за который образовалась задолженность по уплате алиментов (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1460-О).

3. О порядке установления размера доходов, с которых подлежат взысканию алименты.

В ситуации, когда плательщик алиментов не представляет сведения о своем доходе, п. 4. ст. 113 СК РФ позволяет определять размер задолженности по алиментам, уплачиваемым на несовершеннолетних детей, исходя из размера средней заработной платы в Российской Федерации на момент взыскания задолженности.

Приведенная норма была оспорена в Конституционном Суде Российской Федерации. Однако Конституционный Суд Российской Федерации поддержал законодателя, указав, что данное правило направлено на обеспечение баланса интересов несовершеннолетних детей и их родителей в рамках алиментных отношений и не может рассматриваться как нарушающее конституционные права плательщика. Если должник не работал в период, в который взыскание алиментов не производилось, или им не представлены документы о его доходах за этот период, то правило определения дохода плательщика по средней заработной плате в Российской Федерации соотносится с такими задачами и целями исполнительного производства, как правильное и своевременное исполнение судебных актов, защита нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан. Кроме того, в случае несогласия должника с определенным судебным приставом-исполнителем размером задолженности по алиментам он вправе обратиться в суд с иском об определении размера задолженности (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2015 г. № 476-О, от 28 февраля 2017 г. № 404-О).

4. О порядке индексации алиментов, взыскиваемых в твердой денежной сумме.

Защищая права получателя алиментов, Конституционный Суд Российской Федерации признает, что конституционные права плательщиков алиментов не нарушаются правилами об индексации алиментов, взыскиваемых в твердой денежной сумме. Индексация – по смыслу приведенных право-

вых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и с учетом императивных правил п. 1 ст. 117 СК РФ, а также его ст. 105 – является гарантией обеспечения прав получателя алиментов. При этом использование величины прожиточного минимума для целей индексации размера алиментов направлено на обеспечение интересов их получателя для сохранения необходимого уровня жизни (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 20 марта 2014 г. № 634-О и от 6 июня 2016 г. № 1417-О).

5. О неприменении к алиментным правоотношениям ст. 333 ГК РФ.

Конституционный Суд Российской Федерации, обеспечивая права получателя алиментов, неоднократно высказывал позицию, что п. 2 ст. 115 СК РФ, устанавливающий ответственность за несвоевременную уплату алиментов, в частности закрепляющий в качестве меры ответственности неустойку, размер и порядок ее исчисления, направлен на обеспечение своевременного исполнения обязанностей по уплате алиментов и не может рассматриваться как нарушающий какие-либо конституционные права их плательщиков (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2014 г. № 2597-О и № 2596-О, от 29 января 2015 г. № 109-О). Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации поддержал разъяснение Верховного Суда Российской Федерации, запретившего уменьшать указанную неустойку по ст. 333 ГК РФ⁸ (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1389-О, от 26 января 2017 г. № 159-О, от 28 января 2016 г. № 166-О).

6. О неприменении к алиментным правоотношениям положений о взаимозачете встречных требований (ст.ст. 410, 411 ГК РФ).

Исходя из специфики алиментного обязательства как обязательства, направленного на систематическое получение содержа-

⁸ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2012 года (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2012 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния, Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих определений подтвердил правомерность запрета, установленного п. 1 ст. 116 СК РФ, не допускающего зачет алиментов другими встречными требованиями (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 октября 2015 г. № 2465-О).

7. О применении отдельных положений Постановления Правительства Российской Федерации от 18 июля 1996 г. № 841 и соблюдении баланса интересов сторон алиментного правоотношения.

Указанное Постановление Правительства Российской Федерации, которым утвержден Перечень видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, становилось предметом рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации не единожды.

Конституционный Суд Российской Федерации, не подвергая сомнению полномочия Правительства Российской Федерации по утверждению указанного Перечня, соглашается с тем, что алименты подлежат удержанию из доходов, полученных плательщиком по заключенным в соответствии с гражданским законодательством договорам, заключая которые лицо реализует принадлежащее каждому право на свободное использование своих способностей и имущества для не запрещенной законом экономической деятельности, включая право на труд, а также иных выплат, причитающихся плательщику, в частности сумм, выплачиваемых плательщику в возмещение вреда, причиненного здоровью (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2016 г. № 1413-О).

Заметим, что данная позиция позволяет сделать еще один вывод об отношении Конституционного Суда Российской Федерации к алиментным обязательствам, а именно: при обеспечении интересов сторон алиментных отношений закон придерживает-

ся принципа баланса интересов сторон и принципа индивидуализации алиментных отношений⁹.

В частности, Конституционный Суд Российской Федерации в отношении перечня доходов, с которых осуществляются выплаты алиментов в пользу несовершеннолетних детей, указал, во-первых, что к таковым не относятся доходы, полученные гражданином вне связи с осуществлением им экономической деятельности: в частности, при разовых сделках по продаже недвижимости (квартиры, земельного участка, садового домика и пр.) (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 г. № 122-О-О, от 11 мая 2012 г. № 800-О-Р). Во-вторых, при удержании с индивидуального предпринимателя, перешедшего на упрощенную систему налогообложения и избравшего объектом налогообложения доходы, учитываются понесенные им расходы, непосредственно связанные с осуществлением предпринимательской деятельности и надлежащим образом подтвержденные. Во внимание следует принимать лишь реальный доход лица от занятия предпринимательской деятельностью, а не потенциально возможный валовой доход плательщика (вмененный доход) (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2010 г. № 17-П).

Следует заметить, что третий вывод о необходимости соблюдения баланса интересов как плательщиков, так и получателей алиментов наиболее широко представлен в практике Конституционного Суда Российской Федерации. Большинство ранее названных актов содержат ссылку на него. Кроме того, обозначая свою позицию, Конституционный Суд Российской Федерации нередко указывает, что в случае, если плательщик алиментов не согласен с имеющимся решением суда или постановлением пристава-исполнителя в отношении обязывающих его выплат, то закон не лишает его

⁹ Низамнева О.Н. Позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам толкования положений семейного законодательства в сфере алиментирования // Семейное и жилищное право. 2015. № 5. С. 16.

права обратиться за защитой, в ходе которой будет принята во внимание необходимость соблюдения баланса интересов сторон.

Более того, когда Конституционный Суд Российской Федерации прямо не ссылается на баланс интересов участников алиментных отношений, он его подразумевает. Так, формируя позиции в отношении использования в алиментных нормах оценочных понятий (например, п. 2 ст. 81, п. 2 ст. 83, ст.ст. 85, 86, 87, 91 и другие статьи СК РФ; речь, как правило, идет о материальном положении сторон и «других заслуживающих внимания интересах сторон» алиментного правоотношения), Конституционный Суд Российской Федерации указывает, что это не свидетельствует о неопределенности их содержания, поскольку наполнение оценочного понятия в каждом конкретном случае позволяет обеспечить интересы каждой стороны и реализовать принцип индивидуализации в регулировании алиментных отношений (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2015 г. № 1166-О).

Следует отметить тот факт, что при рассмотрении существующих актов Конституционный Суд Российской Федерации на момент подготовки статьи авторами не был обнаружен ни один акт, в котором бы Конституционный Суд Российской Федерации рассматривал оспаривание положения ст. 12 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ, согласно которому установлен максимальный размер удержаний из денежного довольствия военнослужащих – 50% месячного денежного довольствия. Данная норма существенно улучшает положение военнослужащего в сравнении с лицом – плательщиком алиментов, не имеющим такого специального правового статуса. Так, согласно ст. 138 Трудового

кодекса Российской Федерации, ч. 3 ст. 99 Федерального закона «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ и разъяснениям по данному вопросу, данным в п. 56 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹⁰, максимальный размер удержаний из заработной платы лица (независимо от формы ее получения) составляет 70 %, если у лица имеется задолженность по выплате алиментов несовершеннолетним детям (иные основания нами здесь не рассматриваются). При этом положения Федерального закона «Об исполнительном производстве» распространяются и на лиц, получающих доходы не только по трудовому договору, но и по иным основаниям – гражданско-правовые сделки, авторские гонорары, дивиденды по акциям, социально-пенсионное обеспечение и пр. Вышеприведенной нормой Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» также ухудшается положение получателей алиментов, если таковыми являются три и более несовершеннолетних ребенка военнослужащего и у лица имеется задолженность по уплате алиментов: задолженность просто невозможно взыскать, поскольку размер алиментов уже составляет половину денежного довольствия военнослужащего. Аналогично «за бортом» остаются и иные лица, в отношении которых у военнослужащего имеются денежные обязательства. В данном вопросе законодатель отдает явное предпочтение интересам военнослужащего, а не иных управомоченных лиц.

В то же время был выявлен случай¹¹, когда на основании семейно-правового регулирования отношений по предоставлению содержания членам семьи (алиментных платежей) лица пытались оспорить конституционность ч. 11 ст. 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных вы-

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» от 17 ноября 2015 г. № 50 .

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2014 г. № 22-П по делу о проверке конституционности части 11 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат». URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

плат» от 7 октября 2011 г. № 306-ФЗ. Гражданка Г.Н. Куликова оспаривала положение, содержащееся в ч. 11 ст. 3 данного Федерального закона, в котором усмотрела нарушение своих прав, гарантированных ст.ст. 2, ст.ст. 7, 19 (чч. 1 и 2), ст. 39 (ч. 1) и ст. 55 (чч. 2 и 3) Конституции Российской Федерации, поскольку оно не включает в круг членов семьи военнослужащего, имеющих право на получение ежемесячной денежной компенсации в случае его гибели, наступившей при исполнении обязанностей военной службы, мачеху или отчима, воспитывавших и содержавших погибшего пасынка не менее пяти лет и получающих пенсию по случаю потери кормильца либо имеющих право на ее получение, а следовательно, ставит указанных лиц в неравное положение с родителями военнослужащего, которым право на такую денежную компенсацию предоставлено, и снижает уровень их материального обеспечения по сравнению с тем, на который они вправе были бы рассчитывать при жизни военнослужащего.

Конституционный Суд Российской Федерации признал ч. 11 ст. 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» не противоречащей Конституции Российской Федерации, определяя круг членов семьи военнослужащего, имеющих в случае его гибели (смерти) при исполнении обязанностей военной службы, в том числе по призыву, право на получение ежемесячной денежной компенсации, предусмотренной ч. 9 той же статьи, законодатель рассматривает эту выплату как направленную на обеспечение особой социальной поддержки этих лиц в рамках публично-правового механизма возмещения вреда, причиненного им гибелью (смертью) военнослужащего. Что касается мачехи военнослужащего, погибшего (умершего) при исполнении обязанностей военной службы по призыву, то обстоятельство, что ч. 11 ст. 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставле-

нии им отдельных выплат» не относит ее к числу членов его семьи, имеющих право на получение ежемесячной денежной компенсации, установленной ч. 9 той же статьи, само по себе – с учетом характера и публично-правового предназначения данной выплаты как направленной на обеспечение социальной поддержки членов семьи погибшего (умершего) военнослужащего – не свидетельствует о нарушении конституционных предписаний, поскольку мачеха военнослужащего в случае его гибели (смерти) не лишена юридической возможности пользоваться соответствующими денежными средствами, выплачиваемыми отцу военнослужащего (своему мужу), если она сохраняет с ним брачно-семейные отношения.

СК РФ в ст. 97 (п. 1) закрепляет право отчима и мачехи лица требовать в судебном порядке от пасынка или падчерицы предоставления содержания (алиментов), если они не могут получить таковое от алиментобязанных лиц первой очереди (супругов, бывших супругов, своих совершеннолетних трудоспособных детей). При этом пятилетний срок исполнения и надлежащее исполнение «родительских» обязанностей отчимом (мачехой) не являются императивными требованиями для предоставления содержания: суд *вправе*, а не обязан освободить пасынка/падчерицу от обязанности их содержать.

Следует также указать, что право на получение содержания от фактических воспитанников по таким же основаниям имеют и фактические воспитатели (пп. 1 и 2 ст. 96 СК РФ), за исключением опекунов (попечителей) и приемных родителей (п. 3 указанной статьи), что вполне объяснимо: за выполнение «родительских обязанностей» и на содержание подопечных последние получали выплаты от государства.

Считаем, что в данном случае позиция Конституционного Суда Российской Федерации не верна: отчим, мачеха, фактические воспитатели исполняли родительские обязанности (заботились о здоровье, духов-

ном, психическом, физическом и нравственном развитии ребенка, его образовании), установленные ст. 63 СК РФ, вне зависимости от выплат со стороны государства и иных лиц. Кроме того, указание на возможность пользоваться суммами выплат в силу брачно-семейных отношений с получившим эти выплаты отцом военнослужащего несостоятельно по той причине, что эти брачно-семейные отношения к моменту смерти военнослужащего могут быть прекращены либо смертью супруга (отца военнослужащего), либо расторжением брака (ст. 16 СК РФ). Также между отцом военнослужащего и его супругой (мачехой военнослужащего) может быть заключен брачный договор, устанавливающий раздельную собственность супругов на различные виды имущества, и мачеха может не иметь возможности ни пользоваться данными выплатами в период брака, ни претендовать на их раздел в случае расторжения брака либо выдела супружеской доли в случае смерти супруга (отца военнослужащего). В целом считаем, что такой подход законодателя и Конституционного Суда Российской Федерации нивелирует роль лиц, не являющихся биологическими родителями военнослужащего, в части исполнения ими родительских обязанностей. Причем биологические родители самоустраиваются от своих родительских обязанностей, а закон предоставляет им право на получение выплат публично-правового характера именно в силу семейных правоотношений. Полагаем, что п. 2 ч. 11 ст. 3 Федерального

закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» должен быть дополнен указанием на право этих лиц получить соответствующие выплаты и изложен в следующей редакции:

«2) родители, отчим, мачеха, фактические воспитатели военнослужащего, гражданина, призванного на военные сборы, или инвалида вследствие военной травмы. При этом право на ежемесячную денежную компенсацию, установленную частями 9 и 10 настоящей статьи, имеют родители, достигшие возраста 50 и 55 лет (соответственно женщина и мужчина) или являющиеся инвалидами. Право на ежемесячную денежную компенсацию, установленную частями 9 и 10 настоящей статьи, имеют отчим, мачеха, фактические воспитатели, достигшие возраста 50 и 55 лет (соответственно женщина и мужчина) или являющиеся инвалидами, при условии, что они содержали и воспитывали военнослужащего не менее пяти лет надлежащим образом;».

Подводя итог, отметим, что исходя из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, имеющиеся законодательные положения, обязывающие одних членов семьи содержать других, отвечают потребностям общества, основываются на принципах, заложенных в Конституции Российской Федерации и СК РФ, которые, в свою очередь, являются фундаментом закона человеческого общества, предписывающего заботиться о семье.

Информация

В Брянской области военные прокуроры защитили права жителей военного городка на справедливую оплату коммунальных услуг

11.09.2017

Военной прокуратурой Брянского гарнизона при проверке исполнения законодательства о жилищно-коммунальном хозяйстве установлено, что управляющей компанией ООО «Главное управление жилищным фондом» с жильцов 22 жилых домов в одном из военных городков региона необоснованно взималась плата за услуги по уборке мест общего пользования, ремонту и обслуживанию жилого фонда, которые надлежаще не оказывались.

По результатам прокурорского реагирования управляющей компанией произведен перерасчет, более чем тысяче граждан возвращено свыше 1,1 млн рублей.

<http://gvp.gov.ru/>

ЖИЛИЩНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ, ГАРАНТИИ

*В.М. Корякин, доктор юридических наук, доцент, профессор Военного университета;
А.В. Кудашкин, доктор юридических наук, профессор*

Понятие жилища и права на жилище. Словари русского языка трактуют понятие «жилище» как помещение для жилья. В свою очередь, термин «жилье» означает обитаемое место, где живут люди. Термин «жилье» рассматривается так же, как синоним термина «жилище»¹.

На законодательном уровне определение понятия «жилище» содержится в ст. 139 УК РФ. В данной статье под жилищем понимаются индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания.

Жилищное законодательство оперирует более конкретным понятием – «жилое помещение», под которым понимается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан, т. е. отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства (например, противопожарным, градостроительным и техническим)².

В ст. 15 ЖК РФ перечисляются основные признаки жилого помещения:

– *во-первых*, объектом жилищных прав является жилое помещение, признаваемое недвижимым имуществом. Исходя из признаков понятия «недвижимость», предусмо-

тренных п. 1 ст. 130 ГК РФ, жилым помещением может признаваться только помещение, представляющее собой здание или строение, перемещение которого на другое место без ущерба его назначению невозможно;

– *во-вторых*, жилое помещение должно быть изолированным, т. е. отделенным от других жилых помещений и объектов общего пользования, а также отграниченным (юридически отделенным) от остального пространства и имеющим отдельный вход (выход). Нельзя, например, признать жилым помещением часть комнаты, так как такая часть составляет единое целое с остальной площадью и не может отчуждаться или приобретаться отдельно;

– *в-третьих*, обязательным признаком жилого помещения является его пригодность для постоянного проживания граждан. Данный признак заключается в том, что жилое помещение должно отвечать санитарным и техническим правилам и нормам, устанавливаемым Правительством Российской Федерации. В настоящее время соответствующие правила содержатся в Положении о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2006 г. № 47.

Согласно ЖК РФ жилым считается только то помещение, которое件годно для постоянного, а не временного проживания.

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М., 1986. С. 167.

² Военно-юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. А.В. Кудашкина, К.В. Фатеева. М., 2008. С. 149 – 150.

При этом такое жилое помещение может предоставляться как во временное, так и в постоянное пользование. К жилым помещениям относятся:

1) *жилой дом* – индивидуально-определенное здание, которое состоит из комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком здании;

2) *квартира* – структурно обособленное помещение в многоквартирном доме, обеспечивающее возможность прямого доступа к помещениям общего пользования в таком доме и состоящее из одной или нескольких комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком обособленном помещении. Согласно п. 6 Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции *многоквартирным домом* признается совокупность двух и более квартир, имеющих самостоятельные выходы либо на земельный участок, прилегающий к жилому дому, либо в помещения общего пользования в таком доме. Многоквартирный дом содержит в себе элементы общего имущества собственников помещений в таком доме в соответствии с жилищным законодательством. Не допускаются к использованию в качестве жилых помещений помещения вспомогательного использования, а также помещения, входящие в состав общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме;

3) *комната* – часть жилого дома или квартиры, предназначенная для использования

в качестве места непосредственного проживания граждан в жилом доме или квартире. В законодательстве можно встретить понятие «жилая комната», под которой понимается часть квартиры, общежития, отделенная от других помещений (комнат) перегородками и предназначенная для проживания, отдыха, внеклассных занятий (в общежитиях, детских домах и т. д.)³.

Согласно ст. 15 ЖК РФ и ст. 673 ГК РФ жилое помещение как объект жилищных отношений должно отвечать установленным санитарным, противопожарным, градостроительным и техническим требованиям, быть пригодным для проживания граждан.

Право на жилище означает возможность гражданина иметь жилище, пользоваться им на условиях, установленных законом, а также распоряжаться им в установленных законом случаях и порядке. Данное право имеет конституционный характер. Конституция Российской Федерации относит право граждан Российской Федерации на жилище к основным правам человека. Содержание данного права согласно ст.ст. 25, 40 Конституции Российской Федерации включает:

- обеспечение государством стабильного, постоянного пользования жилым помещением лицами, занимающими его на законных основаниях;

- предоставление жилища из государственного, муниципального и других жилищных фондов малоимущим и иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище;

- оказание содействия гражданам в улучшении своих жилищных условий;

- гарантированность неприкосновенности жилища, исключения случаев произвольного лишения граждан жилища⁴.

Как указывает Л.М. Пчелинцева, «конституционное право на жилище является

³ Инструкция о проведении учета жилищного фонда в Российской Федерации, утвержденная приказом Минземстроя России от 4 августа 1998 г. № 37.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» от 2 июля 2009 г. № 14; *Кудашкин А.В., Кириченко Н.С.* О полномочиях военнослужащих (сотрудников) Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации на вхождение (проникновение) в жилое помещение // *Право в Вооруженных Силах.* 2017. № 4.

субъективным правом граждан и реализуется в различных по юридической природе правоотношениях: общих конституционных правоотношениях, организационных (административных), имущественных (гражданских) правоотношениях и др.»⁵. При реализации данного права между различными категориями субъектов возникают жилищные отношения, под которыми в научной литературе понимаются «общественные отношения, возникающие по поводу ожидаемого или наличествующего жилого помещения, выступающие формой вынужденной деятельности и характеризующиеся по условию их возникновения и существования относительной свободой»⁶.

Согласно ст. 25 Всеобщей декларации прав человека в жизненный уровень человека, необходимый для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, включается такой обязательный компонент, как жилище. Неотъемлемое право каждого человека на жилище закреплено также в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (ст. 11), где сказано: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого на достойный жизненный уровень для него самого и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни. Государства-участники примут надлежащие меры к обеспечению осуществления этого права, признавая большое значение в этом отношении международного сотрудничества, основанного на свободном согласии».

При этом, как следует из п. 1 ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах, право на жилище должно реализовываться при условии свободы выбора человеком места жительства. Необходимость уважения жилища человека констатирована и в ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Конституционное право граждан на жилище является государственно-правовым институтом. Конституционные положения о праве на жилище являются юридической базой для развития и совершенствования жилищного законодательства, всей системы жилищных отношений; пользования жилыми помещениями, совершения сделок и других юридически значимых действий с жилыми помещениями, организации управления и обеспечения сохранности жилищного фонда и т. д.

Праву граждан на жилище соответствуют обязанности государства, органов местного самоуправления, связанные с предоставлением гражданам жилых помещений и пользованием ими; расширением государственного и муниципального жилищных фондов, содействием развитию частного жилищного фонда и других форм обеспечения граждан жилищем, обеспечением правильного распределения общественных жилищных фондов, гарантированием устойчивого, стабильного осуществления права пользования жилищем. В этих целях органы государственной власти и органы местного самоуправления в пределах своей компетенции обеспечивают условия (создают предпосылки) для осуществления гражданами права на жилище (ст. 2 ЖК РФ), в том числе:

1) содействуют развитию рынка недвижимости в жилищной сфере в целях создания необходимых условий для удовлетворения потребностей граждан в жилище;

2) используют бюджетные средства и иные не запрещенные законом источники денежных средств для улучшения жилищных условий граждан, в том числе путем предоставления в установленном порядке субсидий для приобретения или строительства жилых помещений;

3) в установленном порядке предоставляют гражданам жилые помещения по договорам социального найма или договорам найма жилых помещений государст-

⁵ Пчелинцева Л.М. Право военнослужащих на жилище: теоретические аспекты и проблемы реализации. М., 2004. С. 142.

⁶ Сулова С.И. Правовые формы жилищных отношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 8.

венного или муниципального жилищного фонда;

4) стимулируют жилищное строительство;

5) обеспечивают защиту прав и законных интересов граждан, приобретающих жилые помещения и пользующихся ими на законных основаниях, потребителей коммунальных услуг, а также услуг, касающихся обслуживания жилищного фонда;

6) обеспечивают контроль за использованием и сохранностью жилищного фонда;

7) организуют обеспечение своевременного проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах за счет взносов собственников помещений в таких домах на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах, бюджетных средств и иных не запрещенных законом источников финансирования;

8) осуществляют в соответствии со своей компетенцией государственный контроль за соблюдением установленных законодательством требований при осуществлении жилищного строительства;

99) осуществляют в соответствии со своей компетенцией государственный жилищный надзор и муниципальный жилищный контроль.

Жилищные права граждан охраняются законом. Любые действия, препятствующие осуществлению права граждан на жилище, запрещены. При этом государство заинтересовано в том, чтобы и граждане при осуществлении жилищных прав не совершали действий, нарушающих права других лиц, чтобы были обеспечены надлежащее использование жилищного фонда и его сохранность.

ЖК РФ (ст. 10) определяет следующие основания возникновения у граждан жилищных прав и обязанностей:

а) договоры и иные сделки, предусмотренные законодательством, а также договоры и иные сделки, хотя и не предусмотренные законодательством, но не противоречащие ему;

б) акты государственных органов и акты органов местного самоуправления, которые предусмотрены жилищным законодательством в качестве основания возникновения жилищных прав и обязанностей;

в) судебные решения, установившие жилищные права и обязанности;

г) приобретение в собственность жилых помещений по основаниям, допускаемым федеральным законом;

д) членство в жилищных или жилищно-строительных кооперативах;

е) действия (бездействие) участников жилищных отношений или наступление событий, с которыми федеральный закон или иной нормативный правовой акт связывает возникновение жилищных прав и обязанностей.

Специалистами в области жилищного права обоснованно отмечается, что понятие «право на жилую площадь» и в нормативных правовых актах, и на практике используется в различных значениях, в том числе как право на жилое помещение, жилой дом, либо как понятие, охватывающее совокупность полномочий нанимателя. Нередко понятие «право на жилую площадь» отождествляется с понятием «право на жилище», когда речь идет не о конкретном жилом помещении, а о возможном объекте каких-либо правоотношений. Конституционное право на жилище означает, прежде всего, абстрактное (объективное) право гражданина иметь жилище для проживания, как постоянного, так и временного. Право на жилую площадь говорит о наличии жилого помещения или притязании гражданина на конкретное жилое помещение, т. е. в этом случае речь идет о субъективном праве на жилое помещение.

Конституция Российской Федерации закрепляет основные права и свободы граждан, соответствующие международным актам о правах человека, в том числе в жилищной сфере. Наличие надлежащего жилья свидетельствует о достойном жизненном уровне человека, провозглашенном

Всеобщей декларацией прав человека (ст. 25) и Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах (ст. 11). Данная норма имплементирована в Конституцию Российской Федерации, которая предусматривает, что каждый имеет право на жилище. Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными нормами (ст. 40).

Право граждан на жилище обеспечивается путем предоставления жилых помещений в домах государственного и муниципального жилищных фондов социального использования. Данное право предоставляется на условиях договора социального найма в пределах нормы жилой площади, а также на условиях договора коммерческого найма жилого помещения либо приобретения или строительства жилья как за собственные средства без ограничения размеров площади, так и с использованием финансовой помощи от государства (в этом случае государство определяет категории граждан, которым она оказывается, и порядок ее оказания).

Таким образом, право на жилище в качестве одного из важнейших социально-экономических прав входит в состав конституционно-правового статуса гражданина. Этому праву гражданина соответствуют определенные обязанности государства, муниципальных органов, связанные с предоставлением жилых помещений и использованием этими помещениями. С учетом изложенного право граждан на жилище представляет собой возможность каждого в избранном им месте жительства иметь жилое помещение (во владении и пользовании или в собственности), т. е. иметь гарантированную государством возможность быть им обеспеченным по установленным законом основаниям, стабильно им пользоваться, не опасаясь возможности его произвольного лишения и нарушения его неприкосновен-

ности, а также распоряжаться им в установленных законом случаях и порядке.

Право военнослужащих на жилище и формы его реализации. Военнослужащие относятся к той категории граждан, которым государство в соответствии с Конституцией Российской Федерации гарантирует предоставление жилых помещений или финансовых средств на их приобретение. Реализация данной конституционной гарантии осуществляется посредством *жилищного обеспечения*, под которым понимается деятельность уполномоченных государственных органов по предоставлению жилых помещений по нормам и в порядке, предусмотренным законодательством. Жилищное обеспечение военнослужащих имеет целевым назначением как удовлетворение жилищных потребностей лиц, нуждающихся в жилых помещениях, т. е. реализацию каждым военнослужащим субъективного права на жилище (функция социальной защиты), так и стимулирование военнослужащего к долгосрочному исполнению обязанностей военной службы (стимулирующая функция).

Правовую основу жилищного обеспечения военнослужащих составляют ЖК РФ, Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ, Федеральный закон «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ, иные законодательные акты, а также довольно обширная совокупность подзаконных нормативных правовых актов, в том числе ведомственного уровня.

Указанными нормативными правовыми актами определены следующие формы жилищного обеспечения военнослужащих:

- 1) предоставление жилых помещений специализированного жилищного фонда:
 - служебного жилого помещения;
 - жилого помещения в общежитии;
 - жилого помещения маневренного фонда;
- 2) предоставление жилого помещения по договору социального найма;

3) предоставление жилого помещения в собственность бесплатно;

4) выделение денежных средств из федерального бюджета на реализацию жилищных прав:

– выдача государственного жилищного сертификата, обеспеченного соответствующими денежными средствами;

– предоставление субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (жилищная субсидия);

– предоставление гражданам, уволенным с военной службы, принятым до 1 января 2005 г. органами местного самоуправления на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях, единовременной денежной выплаты на приобретение или строительство жилого помещения;

– выделение денежных средств в соответствии с Федеральным законом «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих»;

– выплата денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений;

5) предоставление арендованных жилых помещений.

При анализе норм Федерального закона «О статусе военнослужащих» и изданных в его развитие подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих право на жилище военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, обращает на себя внимание то обстоятельство, что формы жилищного обеспечения указанных лиц варьируются в зависимости от времени поступления граждан на военную службу и от времени их увольнения с военной службы.

При этом можно выделить несколько ключевых (или рубежных) дат, разграничивающих военнослужащих и граждан, проходивших военную службу, на определенные категории по объему предоставляемых им жилищных прав (см. таблицу).

Т а б л и ц а

Формы жилищного обеспечения различных категорий военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы

№ п/п	Категории военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы	Жилищные гарантии
1	Военнослужащие, заключившие контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. (за исключением курсантов военных образовательных организаций)	Предоставляются жилые помещения по выбору военнослужащих в собственность бесплатно или по договору социального найма по месту военной службы, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более – по избранному месту жительства
2	Военнослужащие, окончившие военные образовательные организации в период с 1 января 1998 г. по 1 января 2005 г., и военнослужащие, поступившие на военную службу по контракту в период с 1 января 1998 г. по 1 января 2005 г.	На весь период прохождения военной службы обеспечиваются служебными жилыми помещениями
3	Военнослужащие, указанные в п. 2 настоящей таблицы, достигшие общей продолжительности военной службы 20 лет и более до 1 января 2014 г. либо признанные нуждающимися в жилых помещениях до 1 января 2014 г. в связи с	Предоставляются жилые помещения по выбору военнослужащих в собственность бесплатно или по договору социального найма

	увольнением с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более	
4	Военнослужащие, поступившие на военную службу после 1 января 2005 г.	На весь период прохождения военной службы обеспечиваются служебными жилыми помещениями. Право на получение жилого помещения в собственность реализуется путем участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения
5	Граждане, уволенные с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, принятые до 1 января 2005 г. органами местного самоуправления на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях	Обеспечиваются жилыми помещениями за счет средств федерального бюджета по их выбору в форме предоставления: – жилого помещения в собственность бесплатно; – жилого помещения по договору социального найма; – субсидии на приобретение или строительство жилого помещения
6	Граждане, уволенные с военной службы в период с 1 января 2005 г. по 1 января 2014 г. по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более (за исключением участников накопительно-ипотечной системы)	Обеспечиваются жилыми помещениями федеральным органом, в котором они проходили военную службу, путем предоставления жилого помещения в собственность бесплатно или по договору социального найма
7	Военнослужащие, указанные в п. 2 настоящей таблицы, которые достигнут общей продолжительности военной службы 20 лет и более после 1 января 2014 г. либо которые будут признаны нуждающимися в жилых помещениях после 1 января 2014 г. в связи с увольнением с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более	Обеспечиваются жилыми помещениями путем предоставления субсидии на приобретение или строительство жилья

Первой такой датой является *1 января 1998 г.*

Именно с указанной даты вступил в силу Федеральный закон «О статусе военнослужащих», который впервые установил правило, согласно которому военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, на весь период военной службы гарантируется предоставление служебных жилых помещений. Право на получение жилых помещений для постоянного проживания (по договору социального найма или в собственность бесплатно) военнослужащие приобретают при достижении общей продолжительности военной службы 20 лет либо ранее указанного срока в случае увольнения с военной службы в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями (при наличии на момент увольнения общей продолжительности военной службы не менее 10 лет).

Однако при введении данного вполне разумного правила возник вопрос: а как быть с военнослужащими, которые приобрели право на получение жилых помещений по ранее действовавшему Закону Российской Федерации «О статусе военнослужащих» от 22 января 1993 г. № 4338-1, который с 1 января 1998 г. утратил силу? В соответствии с названным Законом военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и совместно проживающим с ними членам их семей на первые пять лет военной службы (не считая времени обучения в военных образовательных учреждениях) предоставлялись служебные жилые помещения или общежития. Далее при продолжении службы сверх данного срока они приобретали право на получение жилых помещений для постоянного проживания.

Согласно ч. 2 ст. 55 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Законодатель, руководству-

ясь указанной конституционной нормой, установил указанную выше рубежную дату: за военнослужащими, поступившими на военную службу в рамках прежнего правового регулирования, т. е. до 1 января 1998 г., сохранен прежний порядок жилищного обеспечения. А для тех, кто поступил на военную службу после указанной даты, установлены иные правила реализации права на жилище: на весь период прохождения военной службы им гарантируется предоставление служебных жилых помещений.

Вторая ключевая дата, которая фигурирует в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» и которая разграничивает военнослужащих на категории с точки зрения объема и форм реализации их права на жилище, – *1 января 2005 г.*

Значимость указанной даты для сферы жилищного обеспечения военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, проявляется в двояком смысле:

– *во-первых*, с указанного времени вступил в силу Федеральный закон «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих». Все офицеры, закончившие военные образовательные учреждения после 1 января 2005 г., и граждане, поступившие на военную службу по контракту после указанной даты, являются участниками накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения. На время прохождения военной службы им предоставляются служебные жилые помещения, а право на получение постоянного жилья они реализуют путем участия в указанной системе;

– *во-вторых*, с 1 января 2005 г. в соответствии с Федеральным законом от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ (вошедшим в историю как «Закон о монетизации льгот») с органов местного самоуправления снята функция жилищного обеспечения граждан, увольняемых с военной службы. За теми гражданами, которые были уволены с военной службы и успели встать в органах местного самоуправления по избранному месту жительства на учет в качестве нуж-

дающихся в жилых помещениях в рамках прежнего правового регулирования, т. е. до 1 января 2005 г., сохранилось право на получение жилых помещений от органов местного самоуправления, но за счет средств федерального бюджета, специально выделяемых на эти цели. Те же военнослужащие, которые увольняются с военной службы после 1 января 2005 г. (кроме участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения), обеспечиваются жилыми помещениями теми федеральными органами исполнительной власти, в которых они проходили военную службу, на условиях и в порядке, установленных для военнослужащих.

Третьей датой, разграничивающей военнослужащих на категории по порядку и формам реализации их права на жилище, является *1 января 2014 г.* – дата вступления в силу Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О статусе военнослужащих”» от 28 декабря 2013 г. № 405-ФЗ, предусматривающего предоставление военнослужащим, признанным нуждающимися в получении жилых помещений, субсидии на строительство или приобретение жилых помещений.

По первоначальному замыслу разработчиков данного Закона переход от предоставления жилья «в натуре» к получению соответствующих денежных средств на эти цели должен был коснуться всех военнослужащих, имеющих право на жилищное обеспечение. Однако такой подход вступил бы в противоречие с приведенной выше конституционной нормой о том, что в Российской Федерации не должны издаваться законы, умаляющие права граждан.

В связи с изложенным выше первоначальная редакция законопроекта была доработана и порядок применения новой формы жилищного обеспечения военнослужащих (кроме участников накопительно-ипотечной системы) сформулирован следующим образом:

– за военнослужащими, признанными нуждающимися в получении жилых поме-

щений до 1 января 2014 г., сохранено право выбора формы жилищного обеспечения: либо получение жилого помещения по договору социального найма, либо в собственность бесплатно, либо получение жилищной субсидии на приобретение или строительство жилья;

– для военнослужащих, которые будут признаны нуждающимися в получении жилых помещений после 1 января 2014 г., получение жилищной субсидии будет единственной формой жилищного обеспечения. К их числу будут относиться военнослужащие, которые достигли общей продолжительности военной службы 20 лет и более после 1 января 2014 г., либо которые будут признаны нуждающимися в жилых помещениях после 1 января 2014 г. в связи с увольнением с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более.

Таким образом, исходя из времени поступления на военную службу, военнослужащие по объему и формам жилищного обеспечения подразделяются на три большие группы:

1) военнослужащие, заключившие первый контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г.;

2) военнослужащие, заключившие первый контракт о прохождении военной службы в период с 1 января 1998 г. по 1 января 2005 г.;

3) военнослужащие, заключившие первый контракт о прохождении военной службы в период после 1 января 2005 г.

В силу естественных причин число военнослужащих первых двух категорий с течением времени будет постепенно снижаться, наступит время (примерно к 2025 г.), когда разделение военнослужащих на категории по рассматриваемому признаку исчезнет вовсе и в отношении всех военнослужащих будет действовать единая форма жилищного обеспечения – накопительно-ипотечная.

Что касается граждан, уволенных с военной службы, то вся их совокупность подразделяется на две группы:

а) граждане, уволенные с военной службы до 1 января 2005 г. (их жилищное обеспечение осуществляется органами местного самоуправления по избранному месту жительства за счет средств федерального бюджета, выделяемых на эти цели, или путем выдачи государственных жилищных сертификатов);

б) граждане, уволенные с военной службы в период с 1 января 2005 г. по 1 января 2014 г. (их жилищное обеспечение осуществляется соответствующими федеральными органами исполнительной власти на условиях, предусмотренных для военнослужащих).

С течением времени численность обеих указанных групп постепенно уменьшится до нуля, поскольку, как отмечалось выше, примерно к 2025 г. в Российской Федерации останется единственная форма жилищного обеспечения военнослужащих и лиц, проходивших военную службу, – участие в накопительно-ипотечной системе.

Гарантии реализации права военнослужащих на жилище. Право военнослужащих на жилище может стать реальностью только в том случае, если имеются соответствующие гарантии реализации данного важнейшего социального права.

Под *гарантиями* (от фр. *garantie* – ручательство, условие, обеспечивающее что-либо)⁷ понимаются материальные, финансовые, организационные, духовные и юридические условия и средства, обеспечивающие военнослужащим возможность получать установленные законодательством виды довольствия, компенсации, пользоваться правами, свободами, льготами. Гарантии в жилищном обеспечении охватывают совокупность объективных и субъек-

тивных факторов, направленных на реализацию жилищных прав военнослужащих.

Ключевое место в системе гарантий занимают правовые (юридические) гарантии, под которыми понимаются содержащиеся в нормах права средства и способы защиты прав и свобод личности, а также правомерная деятельность государства, правоохранительных органов, органов местного самоуправления, правозащитных организаций, направленная на их обеспечение⁸. Система юридических гарантий включает в себя обязанности органов государственной власти и их должностных лиц по созданию условий и средств реализации статуса военнослужащих, ответственность за их ненадлежащее исполнение, надзор и контроль органов прокуратуры и суда (объективные гарантии), а также возможность применения военнослужащими законных способов и средств восстановления нарушенных прав, в том числе через обращение в суд (субъективные гарантии)⁹.

Таким образом, «гарантии – это правовые средства, направленные на обеспечение реализации того или иного права человека. Конкретное право каждого человека может быть реализовано только тогда, когда ему соответствует чья-то обязанность его обеспечить»¹⁰.

К основным гарантиям жилищных прав военнослужащих относятся:

– наличие правовых норм, юридически закрепляющих необходимый объем их жилищных прав;

– достаточность финансовых средств, выделяемых на реализацию законодательства о жилищном обеспечении военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы;

– законодательно закрепленная обязанность государственных органов и должностных лиц обеспечивать реализацию жи-

⁷ Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 6. М., 1971. С. 118; Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С. 136.

⁸ Калашников С.В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества // Государство и право. 2002. № 10. С. 19.

⁹ Мигачев Ю.И. Правовой статус военнослужащих, гарантии его реализации и защиты в Российской Федерации // Государство и право. 1997. № 7. С. 73 – 82.

¹⁰ Иваненко В.А. Социальные права человека и социальные обязанности государства. СПб., 2003. С. 97.

листных прав указанных категорий граждан;

– наличие специальных уполномоченных органов и должностных лиц, в функциональные обязанности которых входит реализация жилищных прав военнослужащих;

– предусмотренная законодательством юридическая ответственность органов и должностных лиц за нарушение жилищных прав военнослужащих;

– наличие юридически оформленных правил и процедур защиты и восстановления нарушенных жилищных прав военнослужащих.

Комплекс гарантий жилищного обеспечения военнослужащих содержится в Федеральном законе «О статусе военнослужащих». Данный Закон в п. 1 ст. 15 закрепляет важное положение о том, что государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений либо предоставления им жилых помещений в порядке и на условиях, установленных законодательством, за счет средств федерального бюджета.

В Федеральном законе «О статусе военнослужащих» закреплены следующие гарантии реализации права военнослужащих на жилище:

1) установление предельного трехмесячного срока со дня прибытия на новое место военной службы для предоставления семье военнослужащего служебного жилого помещения по установленным нормам (п. 1 ст. 15);

2) сохранение за военнослужащими, обеспечиваемыми служебными жилыми помещениями, на первые пять лет военной службы по контракту (не считая времени обучения в военных профессиональных образовательных организациях или военных образовательных организациях высшего образования) права на жилые помещения, занимаемые ими до поступления на военную

службу; запрет на снятие указанных военнослужащих в течение пяти лет с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по месту жительства до призыва (поступления) на военную службу (п. 1 ст. 15);

3) возможность регистрации военнослужащих и членов их семей до получения жилых помещений по адресам воинских частей и предоставление на этот период пригодных для проживания жилых помещений (п. 3 ст. 15);

4) предоставление военнослужащим, имеющим в собственности индивидуальные жилые дома (квартиры) либо являющимся членами жилищно-строительных (жилищных) кооперативов, при переводе к новому месту военной службы в другую местность служебных жилых помещений на весь период военной службы в данной местности (п. 4 ст. 15);

5) возможность бронирования¹¹ занимаемых военнослужащими жилых помещений в домах государственного или муниципального жилищного фонда, за исключением служебных жилых помещений, в случае направления военнослужащих для прохождения военной службы за пределы территории Российской Федерации, в районы Крайнего Севера, приравненные к ним местности и другие местности с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, на все время их пребывания за пределами территории Российской Федерации или в указанных районах и местностях (п. 9 ст. 15);

б) право органов местного самоуправления в первоочередном порядке предоставлять право на вступление в жилищно-строительные (жилищные) кооперативы либо выделять земельные участки для строительства индивидуальных жилых домов военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и гражданам, уволенным с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с

¹¹ Бронирование жилой площади – процедура, направленная на оформление сохранности жилого помещения в период временного отсутствия военнослужащего (Военно-юридический энциклопедический словарь. С. 51).

организационно-штатными мероприятиями, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, а также военнослужащим, проходящим военную службу за пределами территории Российской Федерации, в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях и других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями (п. 12 ст. 15);

7) запрет на снятие без их согласия с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по последнему перед увольнением месту военной службы граждан, уволенных с военной службы, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более (п. 13 ст. 15);

8) право военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, которым жилые помещения предоставляются в собственность, на получение с их согласия жилых помещений общей площадью, превышающей норму предоставления площади жилого помещения, с оплатой излишка общей площади жилого помещения за счет собственных средств таких граждан (п. 16 ст. 15);

9) право военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, имеющих трех и более детей, на внеочередное получение денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений либо жилых помещений в собственность бесплатно или по договору социального найма (п. 17 ст. 15);

10) предоставление отдельным категориям военнослужащих права на дополнительную общую площадь жилого помещения в пределах от 15 до 25 квадратных метров (военнослужащие, имеющие воинское звание полковника, ему равное и выше, проходящие военную службу либо уволенные с военной службы по достижении предель-

ного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями; командиры воинских частей; военнослужащие, имеющие почетное звание Российской Федерации; военнослужащие – преподаватели военных профессиональных образовательных организаций или военных образовательных организаций высшего образования, военных кафедр при государственных образовательных организациях высшего образования; военнослужащие, являющиеся научными работниками, имеющие ученую степень и (или) ученое звание) (п. 2 ст. 15.1);

11) возможность предоставления жилого помещения общей площадью, превышающей размер общей площади жилого помещения, определенный исходя из нормы предоставления (с учетом конструктивных и технических параметров многоквартирного дома или жилого дома). Такое превышение может составлять не более 9 квадратных метров общей площади жилого помещения в общей сложности, а для одиноко проживающего военнослужащего, гражданина, уволенного с военной службы, члена семьи погибшего (умершего) военнослужащего, члена семьи погибшего (умершего) гражданина, уволенного с военной службы, – не более 18 квадратных метров (п. 3 ст. 15.1);

12) запрет на увольнение с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями военнослужащих, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающихся в улучшении жилищных условий, без их согласия без предоставления им жилых помещений или жилищной субсидии.

Рассмотренные жилищные гарантии свидетельствуют о том, что государство рассматривает военнослужащих как специальных субъектов жилищных правоотношений. Как указывает З.Х. Акчурин, право на

обеспечение жилыми помещениями военнослужащих – специальное право военнослужащих на жилище, обусловленное действием норм специального (военного) законодательства в области обеспечения жилищных прав военнослужащих, установлением в законодательстве (в том числе и на конституционном уровне) в отношении военнослужащих особого (специального) порядка реализации права на жилище, распространяющегося только на них, наличием у военнослужащих особого правового положения (статуса), заключающегося в снабжении данной категории граждан жильем на условиях и в порядке, предусмотренном законодательством¹².

Уполномоченные органы жилищного обеспечения военнослужащих. Важнейшей гарантией реализации жилищных прав военнослужащих является наличие специальных уполномоченных органов и должностных лиц, на которые возложена обязанность обеспечивать реализацию указанного права. Во всех федеральных органах исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба, подобные уполномоченные органы созданы.

В Минобороны России согласно приказу Министра обороны Российской Федерации «Об уполномоченном органе Министерства обороны Российской Федерации и специализированных организациях Министерства обороны Российской Федерации по вопросам жилищного обеспечения в Вооруженных Силах Российской Федерации» от 3 ноября 2010 г. № 1455 таким уполномоченным органом определен *Департамент жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации (ДЖО МО)*. Установлено, что данный уполномоченный орган осуществляет свои функции через специализированные организации Минобороны России:

– ФГУ «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Минобороны России;

– ФГУ «Центральное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации»;

– ФГУ «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» Минобороны России;

– ФГУ «Южное региональное управление жилищного обеспечения» Минобороны России.

Указанные специализированные организации осуществляют следующие функции:

а) принимают заявления от военнослужащих для признания их нуждающимися в жилых помещениях;

б) признают военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях в порядке, установленном законодательством;

в) снимают военнослужащих с учета нуждающихся в жилых помещениях;

г) принимают решения о предоставлении жилых помещений в собственность бесплатно по избранному постоянному месту жительства.

Согласно Положению, утвержденному приказом Министра обороны Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 1888, основными задачами ДЖО МО являются:

1) организация обеспечения жилыми помещениями военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей;

2) организация работы в Минобороны России по выполнению государственных программ жилищного обеспечения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей;

3) участие в разработке правовых актов по вопросам жилищного обеспечения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей.

Кроме того, приказом Министра обороны Российской Федерации от 28 февраля 2013 г. № 166 на ДЖО МО возложены функции по формированию и ведению реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Феде-

¹² Акчурина З.Х. Правовое регулирование обеспечения жилыми помещениями военнослужащих, проходящих военную службу по контракту: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 11.

рации (далее – участники НИС), предоставлении участникам НИС информации о состоянии их именных накопительных счетов, подготовке сведений о количестве участников НИС для формирования бюджетной проектировки, предоставлении сведений об участниках НИС, изъявивших желание получить целевой жилищный заем, подготовке сведений о лицах, имеющих право на использование накоплений для жилищного обеспечения военнослужащих Вооруженных Сил и изъявивших желание реализовать это право, по организации в Вооруженных Силах работы по выплате участникам НИС или членам их семей денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения.

Важная функция возложена на ДЖО МО приказом Министра обороны Российской Федерации от 26 января 2012 г. № 119. Согласно данному приказу в целях организации деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации по исполнению Порядка формирования списков граждан – участников подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011 – 2015 годы, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1050, состоящих на учете в Министерстве обороны Российской Федерации и изъявивших желание получить государственный жилищный сертификат (ГЖС) в планируемом году, учета граждан, проживающих на территории закрытых военных городков, оформления и выдачи государственных жилищных сертификатов в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 8 ноября 2011 г. № 2050, ДЖО МО назначено уполномоченным органом Минобороны России по вопросам реализации в Вооруженных Силах указанного Порядка.

Важное место в реализации жилищных прав военнослужащих занимает ФГКУ

«Федеральное управление накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих», созданное в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2005 г. № 800 во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 20 апреля 2005 г. № 449. На данное учреждение возложены следующие основные задачи:

- открытие и ведение именных накопительных счетов участников НИС. На именных накопительных счетах учитываются накопления для жилищного обеспечения военнослужащих. Именные накопительные счета открываются и ведутся непосредственно в указанном учреждении;

- передача накапливаемых на именных накопительных счетах средств в доверительное управление управляющим компаниям в соответствии с нормативными и правовыми актами Российской Федерации в порядке и сроки, которые установлены договорами доверительного управления;

- предоставление участникам НИС целевых жилищных займов для приобретения жилья в собственность;

- погашение за счет средств целевых жилищных займов ипотечных кредитов (займов), полученных участниками НИС;

- выплата денежных средств с именных накопительных счетов военнослужащим (либо членам их семей) при возникновении права на использование накоплений;

- другие функции, предусмотренные законодательством.

В иных федеральных органах исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба, функции жилищного обеспечения военнослужащих возложены на соответствующие *жилищные комиссии*. Деятельность жилищных комиссий, а также порядок жилищного обеспечения военнослужащих регламентируются ведомственными нормативными правовыми актами:

- 1) в ФСО России – приказом ФСО России «О порядке обеспечения жильем помещений в ФСО России» от 13 ноября 2002 г. № 362;

2) в ФСБ России – приказом ФСБ России «Об утверждении Правил организации в органах федеральной службы безопасности работы по обеспечению жилыми помещениями» от 24 октября 2011 г. № 590;

3) в Службе специальных объектов при Президенте Российской Федерации – приказом ГУСП «Об обеспечении жилыми помещениями военнослужащих Службы специальных объектов при Президенте Российской Федерации» от 16 января 2012 г. № 3;

4) в спасательных воинских формированиях МЧС России – приказом МЧС России «Об организации в Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий мероприятий по учету военнослужащих – граждан Российской Федерации, проходящих военную службу по контракту в спасательных воинских формированиях МЧС России, нуждающихся в жилых помещениях, и предоставления им жилых помещений (социальных выплат)» от 16 мая 2016 г. № 262.

Информация

В Чеченской Республике осуждены старшие офицеры

24.08.2017

Доказательства, собранные 506 военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации, признаны судом достаточными для вынесения приговора военнослужащим войсковой части 65384 майорам Б. и П., а также старшине С. Они в зависимости от роли каждого признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 (мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения в крупном размере), ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 159 (пособничество мошенничеству, совершенное лицом с использованием своего служебного положения в крупном размере), ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное в особо крупном размере).

Следствием и судом установлено, что в июне 2011 года Б. вовлек в преступную деятельность П. и С., которые уговорили 7 военнослужащих по контракту составить рапорты с ходатайством о перерасчете им денежных средств (уголовное дело в отношении них прекращено на основании ст. 28 УПК РФ).

Полученные рапорты Б. приобщил к приказу с недостоверными сведениями о якобы назначении указанных военнослужащих на вакантные должности с более высоким тарифным разрядом и об установлении им окладов по данным воинским должностям.

В последующем военнослужащим в связи с назначением на старшие воинские должности был произведен перерасчет на сумму 1 501 824 рубля 11 копеек, часть из них получили Б. и П.

По аналогичной схеме в 2015 году Б., П. и С. совершили хищение денежных средств на сумму 1 249 000 рублей.

Грозненским гарнизонным военным судом Б. назначено наказание в виде лишения свободы на срок 3 года 6 месяцев с отбыванием в исправительной колонии общего режима, П. и С. – 3 года и 1 год условно соответственно. Кроме того, судом удовлетворен гражданский иск о взыскании с осужденных суммы причиненного государству ущерба в полном объеме.

<http://gvsu.gov.ru/>

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОХОЖДЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: КРАТКИЙ КОММЕНТАРИЙ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 4 ИЮЛЯ 2017 ГОДА № 789

Ю.Н. Туганов, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия, профессор Российской таможенной академии;

С.И. Журавлев, доцент кафедры организационно-кадровой работы в органах государственной власти Московского технологического университета (МИРЭА), кандидат юридических наук, доцент

В Российской Федерации установлен особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву, – альтернативная гражданская служба. Вопросы прохождения данного вида службы исследовались многими учеными-правоведами¹. Авторы же в своей статье проанализируют постановление Правительства Российской Федерации от 4 июля 2017 г. № 789.

Гражданин может воспользоваться своим правом на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой, если несение военной службы противоречит его убеждениям или вероисповеданию или он относится к коренному малочисленному народу, ведет традиционный

образ жизни, осуществляет традиционное хозяйство и занимается традиционными промыслами.

Порядок организации прохождения альтернативной гражданской службы устанавливается Федеральным законом «Об альтернативной гражданской службе» от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ и Положением о порядке прохождения альтернативной гражданской службы². Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2017 г. № 789, вступившим в силу с 14 июля 2017 г., внесены изменения в Положение о порядке прохождения альтернативной гражданской службы.

В соответствии с указанными нормативными правовыми актами альтернативную гражданскую службу можно проходить в

¹ См., напр.: *Гаврюшенко П.И.* Конституционно-правовое регулирование права граждан на альтернативную гражданскую службу: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 175 с.; *Долова А.З.* Призыв работника на военную службу или направление его на альтернативную гражданскую службу – основание прекращения трудового договора // *Права и интересы сторон в отношениях, регулируемых нормами трудового права: актуальные проблемы согласования и защиты: межвуз. сб. науч. ст.* Саратов, 2009. С. 224 – 230; *Ефремов А.В.* О заключении контракта о прохождении военной службы с военнослужащими, проходящими военную службу по призыву // *Право в Вооруженных Силах.* 2011. № 12. С. 83 – 84; *Украинцева В.С.* Конституционное право граждан Российской Федерации на альтернативную гражданскую службу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 21 с.; *Шалахов А.Н.* Право на альтернативную гражданскую службу. Предложения по совершенствованию федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» // *Роль социальных факторов в реализации конституционных прав и свобод личности в России: сб. науч. ст. и докл.* Ставрополь, 2007. С. 379 – 381 и др.

² Утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 мая 2004 г. № 256.

государственных организациях, подведомственных органам власти (на федеральном или региональном уровне), а также Вооруженным Силам Российской Федерации, другим войскам, воинским формированиям и органам. Точный список организаций приведен в приказе Минтруда России от 8 февраля 2017 г. № 152Н. В него входят:

- региональные отделения «Почты России»;
- медико-санитарные части;
- поликлиники, больницы и различные медицинские центры;
- театры;
- дома-интернаты для престарелых и др.

Изменения в порядке прохождения альтернативной гражданской службы касаются в первую очередь лиц, воспользовавшихся своим правом для нахождения в отпуске по уходу за ребенком. Срок пребывания в данном отпуске и время проезда к месту использования отпуска и обратно теперь не засчитывается в срок прохождения альтернативной гражданской службы. Напомним, что на основании ст. 5 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» срок прохождения данной службы в 1,75 раза превышает установленный Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» срок военной службы по призыву.

На основании ч. 2 ст. 256 Трудового кодекса Российской Федерации правом на отпуск по уходу за ребенком могут воспользоваться отец ребенка или другие родственники или опекуны, фактически осуществляющие уход за ребенком. В том числе такое право распространяется на лиц, реализующих свое право на альтернативную гражданскую службу.

При этом, если гражданин, проходящий альтернативную гражданскую службу, использует указанный отпуск, работодатель предоставляет ему свободное от работы время для проезда к месту использования отпуска и обратно.

Еще одной новацией Постановления Правительства Российской Федерации от

4 июля 2017 г. № 789 является установление новых требований к работодателям, у которых граждане проходят альтернативную гражданскую службу. Они обязаны информировать руководителей следственного органа своего региона в письменной форме о наступлении следующих фактов:

- о неявке лица к месту прохождения альтернативной гражданской службы в указанные в предписании сроки;
- об отказе от заключения срочного трудового договора, а также от исполнения трудовых обязанностей;
- об оставлении населенного пункта, в котором расположена организация, где гражданин проходит альтернативную гражданскую службу, без согласования с представителем работодателя;
- о неявке в срок в место нахождения организации, где гражданин проходит альтернативную гражданскую службу, или неявке в место работы при переводе, из отпуска или из стационара медицинского учреждения.

О наступлении указанных случаев работодатель обязан одновременно письменно уведомить военный комиссариат, направивший гражданина на альтернативную гражданскую службу, и государственный орган, которому подведомственна организация, в которой проходит службу гражданин.

Форма заявления официально пока не установлена, работодатель может использовать собственную форму, но как сказано в Постановлении Правительства Российской Федерации от 4 июля 2017 г. № 789, оно должно быть составлено в письменном виде «в целях проведения проверки в соответствии с законодательством Российской Федерации».

При наступлении вышеназванных случаев работодатель обязан составить акт об отсутствии работника на рабочем месте или его отказе от заключения срочного трудового договора. Эти документы станут приложением к письменному заявле-

нию в следственный орган, комиссариат и учредителю.

Заявление и документы необходимо направить по истечении двух рабочих дней со дня наступления вышеназванных случаев. Отправить данные документы необходимо заказным письмом с уведомлением о вручении или в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью.

Статья 22 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» устанавливает следующие виды ответственности граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу: дисциплинарную; административную; материальную; гражданско-правовую и уголовную.

Лицо, уклоняющееся от прохождения альтернативной гражданской службы, может быть привлечено к уголовной ответственности в соответствии с ч. 2 ст. 328 Уголовного кодекса Российской Федерации, которой предусмотрена санкция в виде штрафа в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательных работ на

срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо арест на срок до шести месяцев.

Руководитель территориального подразделения Следственного комитета Российской Федерации, получивший письменное заявление о случае уклонения гражданина от прохождения альтернативной гражданской службы, на основании ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации организует проведение доследственной проверки и при наличии оснований возбуждает уголовное дело.

Порядок привлечения гражданина, проходящего альтернативную гражданскую службу, к дисциплинарной ответственности определяется Трудовым кодексом Российской Федерации, с учетом требований Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе».

Статьей 192 Трудового кодекса Российской Федерации определен перечень дисциплинарных взысканий. При этом важно отметить, что логика закона не предусматривает для лица, проходящего альтернативную гражданскую службу, такого дисциплинарного взыскания, как увольнение по соответствующим основаниям.

ОСНОВНЫЕ НАРУШЕНИЯ ПОРЯДКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА НЕСООБЩЕНИЕ СВЕДЕНИЙ О РАБОТНИКАХ В ВОЕННЫЕ КОМИССАРИАТЫ

Я.О. Соколов, юрист, г. Ростов-на-Дону

Часть 3 ст. 21.4 является самой распространенной среди норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), по которым сотрудники военных комиссариатов привлекают к ответственности должностных

лиц организаций. Достаточно часто назначенные наказания отменяются судами по жалобам граждан, подвергнутых штрафам, и по протестам прокуроров. Попробуем разобраться, чем вызвана столь критическая оценка качества работы военкоматов в

этом направлении. Вначале рассмотрим состав данного правонарушения.

Ответственность по ч. 3 ст. 21.4 КоАП РФ наступает при «несообщении руководителем или другим ответственным за военно-учетную работу должностным лицом организации в военный комиссариат или в иной орган, осуществляющий воинский учет, сведений о принятых на работу (учебу) либо об уволенных с работы (отчисленных из образовательных организаций) гражданах, состоящих или обязанных состоять, но не состоящих на воинском учете». В качестве санкции предусмотрено «наложение административного штрафа в размере от трехсот до одной тысячи рублей».

Наказуемость данного бездействия объясняется интересами обороны государства. Основная цель уведомления военкомата о месте работы или учебы гражданина – обеспечение возможности оперативного вручения ему повестки в случае призыва на военную службу как в мирное, так и в военное время. От скорости пополнения Вооруженных Сил Российской Федерации напрямую зависит их боеспособность, а значит, и эффективность защиты страны. Сведения из организаций также помогают военкоматам разыскать призывников, уклоняющихся от выполнения воинского долга. Смена места жительства и тактика «закрытых дверей» перед чиновниками военного ведомства перестают себя оправдывать, когда у последних появляется возможность вручать повестки по месту работы или учебы. Аналогичным образом выявляются граждане, сознательно избежавшие постановки на воинский учет, т. е. те, кто полностью выпал из поля зрения военкоматов.

Объектом правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 21.4 КоАП РФ, является порядок исполнения должностными лицами организаций обязанностей по воинскому учету. Этот порядок определен Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (далее – Закон № 53-ФЗ), Положением о воинском учете, утвержденным Постановлением Правительст-

ва Российской Федерации от 27 ноября 2006 г. № 719 (далее также – Положение), а также Методическими рекомендациями Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации по ведению воинского учета в организациях от 11 апреля 2008 г.

В соответствии с пп. 2 – 3 Положения «основной целью воинского учета является обеспечение полного и качественного укомплектования призывными людскими ресурсами Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в мирное время, а также обеспечение в периоды мобилизации, военного положения и в военное время:

а) потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований в мобилизационных людских ресурсах путем заблаговременной приписки (предназначения) граждан, пребывающих в запасе, в их состав;

б) потребностей органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций в трудовых ресурсах путем закрепления (бронирования) за ними необходимого количества руководителей и специалистов из числа граждан, пребывающих в запасе, работающих в этих органах и организациях».

К задачам воинского учета относятся:

– обеспечение исполнения гражданами воинской обязанности;

– документальное оформление сведений о призывниках и гражданах, состоящих в запасе Вооруженных Сил Российской Федерации;

– анализ количественного состава и качественного состояния призывных и мобилизационных людских ресурсов для их эффективного использования в интересах обеспечения обороны страны и безопасности государства;

– подготовка необходимого количества военно-обученных граждан, пребывающих в запасе, для обеспечения мероприятий по переводу Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов с мирного на военное время в период мобилиза-

ции и поддержание их укомплектованности на требуемом уровне в военное время.

Согласно п. 14 Положения на воинском учете состоят:

а) призывники, т. е. граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, подлежащие призыву на военную службу;

б) военнообязанные, т. е. граждане, пребывающие в запасе Вооруженных Сил Российской Федерации.

К военнообязанным относятся граждане мужского пола:

– прошедшие военную службу по призыву с зачислением в запас;

– уволенные с военной службы по контракту с зачислением в запас;

– уволенные с военной службы по призыву или по контракту без постановки на воинский учет и в последующем поставленные на воинский учет в военных комиссариатах;

– успешно завершившие обучение на военных кафедрах при государственных вузах по программам военной подготовки офицеров запаса, сержантов и старшин запаса либо программам военной подготовки солдат и матросов запаса;

– не прошедшие военную службу в связи с освобождением от призыва;

– не прошедшие военную службу в связи с предоставлением отсрочек от призыва на военную службу или не призванные на военную службу по каким-либо другим причинам, по достижении ими возраста 27 лет;

– прошедшие альтернативную гражданскую службу;

Военнообязанными являются также граждане женского пола, имеющие военно-учетные специальности. Эти специальности перечислены в приложении к Положению о воинском учете (радиотелеграфисты, радиотехники, операторы ЭВМ, метеорологи, фармацевты, медицинские работники и пр.).

Еще одной категорией лиц, пребывающих на воинском учете, являются граждане мужского пола допризывного возраста. На основании п. 1 ст. 9 Закона № 53-ФЗ, п. 34

Положения они подлежат первоначальной постановке на воинский учет с 1 января по 31 марта в год достижения возраста 17 лет.

В соответствии с п. 1 ст. 8 Закона № 53-ФЗ, п. 15 Положения на воинском учете не состоят граждане:

а) освобожденные от исполнения воинской обязанности (как указано в п. 4 ст. 23 Закона № 53-ФЗ, таковыми являются признанные не годными к военной службе по состоянию здоровья);

б) проходящие военную службу;

в) отбывающие наказание в виде лишения свободы;

г) женского пола, не имеющие военно-учетной специальности;

д) постоянно проживающие за пределами России;

е) имеющие воинские звания офицеров и пребывающие в запасе Службы внешней разведки и Федеральной службы безопасности.

Объективная сторона состава правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 21.4 КоАП РФ, выражается в неисполнении обязанностей, установленных Законом № 53-ФЗ и Положением о воинском учете. Согласно п. 1 ст. 4 Закона № 53-ФЗ, подп. «а», «б» п. 32 Положения работники, осуществляющие воинский учет в организациях, должны:

– направлять в двухнедельный срок в соответствующие военные комиссариаты и (или) органы местного самоуправления¹ сведения о приеме на работу или увольнении, поступлении на обучение или отчислении граждан, которые подлежат воинскому учету;

– направлять в двухнедельный срок по запросам военных комиссариатов и (или) органов местного самоуправления необходимые сведения о данных гражданах.

Таким образом, обязанность сообщать в военкомат информацию о гражданах, состоящих на воинском учете или обязанных на нем состоять, возникает у должностного лица организации в трех случаях:

1) при приеме на работу (поступлении на обучение) этих граждан;

¹ В соответствии с п. 8 Положения о воинском учете в поселениях (городских округах), где нет военных комиссариатов, первичный воинский учет граждан по месту их жительства или месту пребывания осуществляется органами местного самоуправления.

- 2) при их увольнении (отчислении);
- 3) при получении запроса военкомата.

В соответствии с п. 33 Методических рекомендаций Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации от 11 апреля 2008 г. к сведениям воинского учета относятся: фамилия, имя, отчество, год рождения гражданина, его воинское звание, военно-учетная специальность, состав семьи и место жительства, дата приема на работу (поступления на обучение) и должность, дата увольнения (отчисления). Кроме того, в военкомат сообщается полное наименование организации, ее адрес и номер телефона отдела кадров или военно-учетного стола².

Каким образом работодатель может установить, подлежит ли его подчиненный воинскому учету? На основании ст. 65 Трудового кодекса Российской Федерации граждане, состоящие на воинском учете, при трудоустройстве предъявляют соответствующие документы. Для призывников таковым является удостоверение гражданина, подлежащего призыву на военную службу, а для военнообязанных – военный билет, временное удостоверение или справка³. Если данные документы отсутствуют, но гражданин может принадлежать к одной из вышеперечисленных категорий, информировать военкомат о его приеме на работу также необходимо.

Несообщение военно-учетных сведений совершается в форме бездействия. Состав данного правонарушения формальный, т. е. оно считается оконченным с момента, когда истек срок направления указанной информации.

Согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «в случае совершения

административного правонарушения, развившегося в форме бездействия, срок привлечения к административной ответственности исчисляется со дня, следующего за последним днем периода, предоставленного для исполнения соответствующей обязанности». Для сообщения сведений воинского учета данный период, как указано в Положении и Законе № 53-ФЗ, составляет две недели.

Таким образом, рассматриваемое правонарушение не относится к длящимся⁴. Длящимся является такое противоправное деяние, которое выражается в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении предусмотренных законом обязанностей. Но если эти обязанности следовало исполнить к определенному сроку, то, по мнению Верховного Суда Российской Федерации⁵, длящимся такое правонарушение считать нельзя.

В соответствии с ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к ответственности по ч. 3 ст. 21.4 данного Кодекса составляет два месяца. Отсчет начинается со дня, следующего за последним днем двухнедельного срока для направления сведений.

Как установлено п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, истечение срока давности является обстоятельством, исключающим производство по делу и привлечение лица к административной ответственности.

Субъектом рассматриваемого правонарушения выступает должностное лицо организации, ответственное за ведение воинского учета. Если руководитель организации никому не поручил эту работу, то он сам и будет отвечать за непредставление военно-учетных сведений.

Субъективная сторона выражается в умысле или неосторожности.

² Как правило, ведение воинского учета в организациях поручается работникам отдела кадров. В соответствии с п. 19 Методических рекомендаций Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации от 11 апреля 2008 г. «при наличии в организациях 2 и более работников, осуществляющих воинский учет, они объединяются в отдельное подразделение – военно-учетный стол».

³ Временное удостоверение взамен военного билета выдается сроком на один месяц в случае отсутствия документов, являющихся основанием для выдачи военного билета, или при необходимости проверки их подлинности. Справка взамен военного билета выдается гражданам, не прошедшим военную службу по призыву, не имея на то законных оснований. Порядок оформления и выдачи этих документов определен приказом Министра обороны Российской Федерации от 18 июля 2014 г. № 495.

⁴ При длящемся административном правонарушении сроки давности привлечения к административной ответственности начинают исчисляться не со дня совершения, а со дня обнаружения административного правонарушения.

⁵ Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5.

Наиболее распространенные нарушения, которые допускают сотрудники военкоматов в ходе привлечения виновных к административной ответственности по ч. 3 ст. 21.4 КоАП РФ, заключаются не столько в неправильной квалификации деяний, сколько в неисполнении процессуальных требований. Эта проблема возникает при рассмотрении военкоматами дел в отношении должностных лиц организаций и по другим статьям КоАП РФ: ст.ст. 21.1, 21.2, 21.3.

Данные нарушения можно разделить на две группы: неправомерное ограничение прав лиц, в отношении которых ведется производство, и несоблюдение требований к оформлению процессуальных документов.

В первую группу входят следующие нарушения:

1. Составление протокола в отсутствие привлекаемого к административной ответственности лица без его надлежащего извещения.

В июле 2016 г. Южно-Сахалинский городской суд отменил постановление начальника отдела военного комиссариата, вынесенное по ч. 3 ст. 21.4 КоАП РФ в отношении Б., ответственного за ведение воинского учета в организации⁶. Причиной послужило составление протокола об административном правонарушении в отсутствие Б. В результате было нарушено право гражданина на участие в производстве по делу. В соответствии с ч. 4.1 ст. 28.2 КоАП РФ составление протокола в отсутствие привлекаемого к административной ответственности лица возможно только в том случае, если это лицо было в установленном законом порядке извещено о проведении данного процессуального действия и не явилось. Однако Б. об этом никто не извещал.

Порядок извещения лиц, участвующих в производстве по делам об административных правонарушениях, определен в ст. 25.15 КоАП РФ. Оно может осуществляться несколькими способами: заказным письмом с уведомлением о вручении, повесткой, телефонограммой или телеграммой, с помощью факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование извещения или вызова и его вручение адресату. Извещения, адресованные гражданам, в том числе индивидуальным предпринимателям, направляются по месту их жительства.

2. Рассмотрение дела об административном правонарушении в отсутствие лица, в отношении которого ведется производство.

Такое нарушение было допущено начальником отделения планирования, предназначения, подготовки и учета мобилизационных ресурсов отдела военного комиссариата Костромской области по г. Кострома в мае 2015 г.⁷ Надлежащего извещения генерального директора организации, который привлекался к ответственности, сотрудники военкомата не провели. Этим было нарушено требование ч. 2 ст. 25.1 КоАП РФ. Данной нормой установлено, что дело об административном правонарушении рассматривается с участием лица, в отношении которого ведется производство. В отсутствие указанного лица дело может быть рассмотрено лишь в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ⁸, либо если имеются данные о надлежащем извещении лица о месте и времени рассмотрения дела и если от лица не поступило ходатайство об отложении рассмотрения дела, либо если такое ходатайство было оставлено без удовлетворения. Несоблюдение этих условий, если оно помешало всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело, является в соответ-

⁶ Решение Южно-Сахалинского городского суда от 14 июля 2016 г. по делу № 12-1007/16. URL: https://u-sahalinsky-sah.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14207857&delo_id=1502001&new=0&text_number=1&case_id=9293591.

⁷ Решение Ленинского районного суда г. Костромы от 3 июня 2015 г. № 12-233/2015. URL: https://leninsky-kst.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33066793&delo_id=1502001&new=0&text_number=1&case_id=31205641.

⁸ Это исключение не связано с производством по делам об административных правонарушениях в военных комиссариатах и касается административных правонарушений в области дорожного движения или благоустройства территории, зафиксированных с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи.

вии с п. 4 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ основанием для отмены судом постановления должностного лица военного комиссариата.

Ленинский районный суд г. Костромы выявил и другие нарушения сотрудника военкомата. Среди них: несоставление протокола вопреки требованию ч. 1 ст. 28.2 КоАП РФ, отличие содержания оригинала обжалуемого постановления от его копии, выданной руководителю организации. Срок давности привлечения к административной ответственности также оказался пропущен. В результате оспариваемое постановление было отменено, а производство по делу прекращено.

3. Нарушение права лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на юридическую помощь защитника.

Так, в июле 2016 г. в г. Кирове начальник отдела военкомата попытался привлечь к ответственности по ч. 3 ст. 21.4 КоАП РФ генерального директора одного из операторов сотовой связи⁹. Руководителю организации вменялось в вину то, что он не сообщил в военкомат о приеме призывника А. на работу в местный филиал компании. Когда защитник прибыл к указанному в извещении времени рассмотрения дела, оно не состоялось, так как начальник отдела военкомата уехал по служебным делам. Защитнику предложили прийти через два часа. Но во второй раз его просто не допустили к участию в производстве по делу. Основание – отсутствие полномочий. Хотя в предъявленной доверенности было предусмотрено право представлять интересы выдавшего ее лица «во всех организациях и учреждениях, органах государственной власти», чиновники отказались ее признавать, сославшись на то, что в ней не были

прописаны полномочия представлять интересы доверителя «именно в военном комиссариате Кировской области, в том числе и в отделе по Ленинскому и Нововятскому районам г. Киров».

Дело было рассмотрено в отсутствие защитника, а руководитель организации признан виновным и оштрафован на 1 000 руб. Это решение он обжаловал. Хотя суд и согласился с военкоматом в виновности должностного лица, недопуск защитника на рассмотрение дела был признан незаконным. Оспариваемое постановление было отменено, а производство по делу прекращено, так как сроки давности привлечения к административной ответственности на момент рассмотрения жалобы истекли.

Ущемление процессуальных прав лиц, в отношении которых ведется производство, и поверхностное рассмотрение обстоятельств дела могут привести к назначению наказаний невиновным. Так, в июне 2015 г. начальник отдела военного комиссариата Челябинской области по г. Миассу привлек к административной ответственности за несообщение военно-учетных сведений менеджера компании Б., несмотря на то, что информация о сотрудниках организации была направлена в военкомат вовремя и не дошла до его руководства только из-за несогласованности в работе чиновников. Состав правонарушения отсутствовал. Суд отменил неправомерное постановление начальника отдела. Ранее этот же чиновник назначил 23 штрафа по ч. 3 ст. 21.4 КоАП РФ директору другого юридического лица. Вынесенные в один день, все они были отменены судом из-за грубых нарушений порядка рассмотрения дела и пропуска срока давности привлечения к административной ответственности¹⁰.

⁹ Решение Ленинского районного суда г. Кирова от 25 октября 2016 г. по делу № 12-619/2016. URL: https://leninsky-kir.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=135380154&dello_id=1502001&hide_parts=0.

¹⁰ URL: https://miass-chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=r&dello_id=1502001&case_type=0&new=0&adm1_parts__NAMESS=&adm1_case__CASE_NUMBERSS=&dello_table=adm1_case&adm1_case__PR_NUMBERSS=&adm1_case__ENTRY_DATEID=&adm1_case__ENTRY_DATE2D=&ADM1_CASE__JUDGE=&adm1_case__RESULT_DATEID=&adm1_case__RESULT_DATE2D=&ADM1_CASE__RESULT=&ADM1_EVENT__EVENT_NAME=&adm1_event__EVENT_DATEDD=&adm1_parts__PARTS_TYPESS=&adm1_parts__LAW_ARTICLESS=&lawbookarticles%5B%5D=21.4+%F7.3&lawbookarticles%5B%5D=21.4+%F7.2&lawbookarticles%5B%5D=21.4+%F7.1&adm1_parts__BREAKING_LAWSS=&adm1_document__PUBL_DATEID=&adm1_document__PUBL_DATE2D=&ADM1_CASE__VALIDITY_DATEID=&ADM1_CASE__VALIDITY_DATE2D=&Submit=%CD%E0%E9%F2%E8#

Ко второй группе нарушений военкоматов относятся ошибки при заполнении процессуальных документов – протокола об административном правонарушении и постановления по делу. Наиболее распространенные упущения в этой работе: отсутствие в протоколе и постановлении обстоятельств дела и мотивов вынесения того или иного решения. Не всегда указывается должность привлекаемого к ответственности лица, пребывая на которой оно было обязано направить сведения о работнике в военный комиссариат¹¹. Все это влечет отмену постановлений в суде на основании п. 4 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ в протоколе об административном правонарушении указываются: «дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, фамилии, имена, отчества, адреса места жительства свидетелей и потерпевших, если имеются свидетели и потерпевшие, место, время совершения и событие административного правонарушения, статья настоящего Кодекса или закона субъекта Российской Федерации, предусматривающая административную ответственность за данное административное правонарушение, объяснение физического лица или законного представителя юридического лица, в отношении которых возбуждено дело, иные сведения, необходимые для разрешения дела».

Согласно ч. 1 ст. 29.10 КоАП РФ в постановлении по делу об административном правонарушении, вынесенном должностным лицом военного комиссариата, отражаются следующие сведения:

- 1) должность, фамилия, имя, отчество должностного лица, его служебный адрес;
- 2) дата и место рассмотрения дела;
- 3) данные о лице, в отношении которого рассмотрено дело;
- 4) обстоятельства, установленные при рассмотрении дела;
- 5) статья КоАП РФ, предусматривающая административную ответственность за совершение административного правонарушения, либо основания прекращения производства по делу;
- 6) мотивированное решение по делу;
- 7) срок и порядок обжалования постановления.

При наложении административного штрафа в постановлении также указывается информация о получателе штрафа, необходимая для перечисления платежа.

Постановление подписывается должностным лицом, его вынесшим.

Дела по ч. 3 ст. 21.4 КоАП РФ рассматривают военные комиссары, начальники отделов и отделений военкоматов. Не все военкоматы имеют в штате юристов, которые могли бы разъяснять начальству порядок административного производства. Однако среди ошибок, допускаемых чиновниками, немало и таких, которые свидетельствуют не столько об отсутствии юридического образования, сколько об элементарной небрежности и нежелании вникать в требования закона. В протоколах и постановлениях не указываются номер части статьи 21.4 КоАП РФ¹², дата вынесения постановления¹³, в качестве наказания назначается предупреждение¹⁴, хотя ни одной из частей ст. 21.4 КоАП оно не предусмотрено.

Из-за подобных упущений постановления должностных лиц военкоматов отменяются судами. При этом на новое рассмот-

¹¹ Решение Красноуральского городского суда Свердловской области от 31 марта 2016 г. по делу № 12-22/2016. URL: https://krasnoouralsky-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=161666605&delo_id=1502001&new=0&text_number=1.

¹² Решение Ленинского районного суда г. Костромы от 3 июня 2015 г. № 12-233/2015. URL: https://leninsky-kst.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33066793&delo_id=1502001&new=0&text_number=1&case_id=31205641.

¹³ Решение Булунского районного суда Республики Саха (Якутия) от 22 марта 2013 г. по делу № 12-ZH-2/2013. URL: https://bulun-jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=12167300&delo_id=1502001&new=0&text_number=1.

¹⁴ Решение Актаньшского районного суда Республики Татарстан от 2 февраля 2015 г. по делу № 12-6/2015. URL: https://aktanyshsky-tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=218334784&delo_id=1502001&new=0&text_number=1.

рение дела возвращаются очень редко – к моменту принятия решения по жалобе или протесту двухмесячный срок давности привлечения к ответственности истекает, и производство по делу прекращается.

В результате виновные в несообщении военно-учетных сведений избегают наказания, а репутация военкомата как органа, способного эффективно реагировать на правонарушения, подрывается. У работника организации не возникает стимула выстраивать систематическое взаимодействие с чиновниками и неукоснительно соблюдать порядок и сроки направления информации, так как возможность привлечения к ответственности за повторное игнорирование требований закона представляется ему сомнительной.

За поверхностный подход к административной практике военкоматы расплачиваются и проблемами с оповещением призывников. В соответствии с п. 1 ст. 4 Закона № 53-ФЗ, подп. «ж» п. 32 Положения о воинском учете и п. 7 Положения о призыве на военную службу¹⁵ руководители и должностные лица, ответственные за воинский учет в организациях, обязаны вручать работникам (учащимся) направленные военкоматами повестки и обеспечивать возможность своевременной явки по ним. За неисполнение этих обязанностей ст. 21.2 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность в виде штрафа в размере от 500 до 1 000 руб. Но работодатели, уже убедивши-

ся в безнаказанности нарушения требований воинского учета, нередко уклоняются и от вручения призывникам повесток, препятствуют явке граждан в рабочее время на призывные мероприятия под угрозой штрафов и дисциплинарных взысканий. Это осложняет набор пополнения в Вооруженные Силы Российской Федерации.

А самим призывникам приходится выбирать между наказанием на работе и санкциями за неявку в военкомат, вплоть до уголовной ответственности¹⁶. Например, в апреле 2016 г. жителю Челябинской области работодатель засчитал нахождение в военкомате за прогул и объявил выговор, а затем лишил призывника половины месячного заработка. А после того как призывная комиссия направила молодого человека на обследование, начальник сообщил ему, что такой подчиненный ему не нужен, и вынудил уволиться¹⁷. Административного наказания за воспрепятствование призывным мероприятиям должностное лицо не понесло.

В подобной ситуации может оказаться любой призывник, чей работодатель ставит свои служебные и коммерческие интересы выше выполнения гражданами воинского долга по защите Отечества. И так будет продолжаться до тех пор, пока военкоматы не наладят эффективный механизм привлечения должностных лиц организаций к ответственности за нарушение законодательства о призыве на военную службу и воинском учете.

**Объединенная редакция военно-правовых изданий (Центр правовых коммуникации)
сообщает о выходе в свет книги**

**Титов В.В. Справочник по совершению нотариальных действий в военных организациях
(М.: Центр правовых коммуникаций, 2017).**

Книгу можно заказать, направив заявку на электронную почту pvsypo@mail.ru
Более подробную информацию по книге можно получить на сайте www.voennpravo.ru

Редакция

¹⁵ Положение о призыве на военную службу граждан Российской Федерации, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2006 г. № 663.

¹⁶ Статьей 21.5 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за неявку по повестке военного комиссариата, ч. 1 ст. 328 УК РФ – уголовная ответственность за уклонение от призыва на военную службу.

¹⁷ Решение Кизильского районного суда Челябинской области от 31 мая 2016 г. по делу № 2-321/2016. URL: https://kizil—chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=290237377&delo_id=1540005&new=0&text_number=1.

ИЗЪЯТИЕ ОРГАНОВ ИЛИ ТКАНЕЙ У ЛИЦ, ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА, КАК ВИД ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ

(статья 356 Уголовного кодекса Российской Федерации)

*Д.А. Дорогин, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Российского государственного университета правосудия;*

*М.О. Ноженко, аспирантка кафедры уголовного права Российского государственного
университета правосудия*

Проблема привлечения к ответственности виновных в прижизненном и посмертном изъятии органов или тканей у лиц, лишенных свободы в условиях вооруженного конфликта и находящихся во власти противника, не является новой в теории международного права и практике международных судебных органов. Так, в деле «США против К. Брандта и др.»¹, рассмотренном Нюрнбергским военным трибуналом, подсудимым, среди прочего, вменялось в вину проведение медицинских экспериментов в концентрационном лагере Равенсбрюк, в ходе которых у подопытных изымались части костей, мускулов и нервов. При этом лица, подвергшиеся подобным операциям, испытывали страдания и получили тяжелые увечья. Нюрнбергским военным трибуналом данные деяния были квалифицированы как военные преступления согласно п. «b» ст. 10 Закона Контрольного Совета № 10².

В последующем известность получили случаи изъятия у людей органов или тканей в ходе вооруженного конфликта в Ко-

сово, а также непосредственно после окончания военных действий. Первоначально расследованием указанных фактов занималась специальная группа, сформированная из представителей Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово (УНМИК) и Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (далее – МТБЮ). В 2004 г. ими был посещен так называемый «желтый дом» недалеко от г. Буррель в северной части Албании, где были найдены некоторые медикаменты, остатки перевязочных средств, следы крови³. Однако по причине недостаточности полученных сведений, а также в силу того, что юрисдикция МТБЮ не распространялась на территорию Албании, расследование не принесло существенных результатов.

Значительным прогрессом в расследовании случаев предполагаемого изъятия органов или тканей человека стала публикация в 2010 г. доклада члена Парламентской ассамблеи Совета Европы Дика Марти о

¹ Обвинительное заключение по делу № 1 «США против К. Брандта и др.» (United States of America v. Karl Brandt, et al.) // Office of Military Government For Germany (US). Nuremberg, 1946. P. 8. URL: <<http://www.legal-tools.org/doc/f33f83/>> (дата обращения: 07.08.2017).

² Закон Контрольного Совета № 10 (принят 20 декабря 1945 г. в г. Берлине) // Lillian Goldman Law Library. URL: <<http://avalon.law.yale.edu/imt/imt10.asp>> (дата обращения: 07.08.2017).

³ From Kosovo's Organ-Harvesting Controversy to Special Court // Balkan Insight. URL: <<http://www.balkaninsight.com/en/article/timeline-kosovo-organ-harvesting>> (дата обращения: 07.08.2017).

преступлениях, совершенных членами Армии освобождения Косова (далее – АОК) в ходе вооруженного конфликта и непосредственно после него⁴. В частности, была выявлена целая сеть специальных секретных мест, располагавшихся на территории Албании, в которых содержались лица из числа как военнопленных, так и гражданского населения, подвергавшиеся в ходе своего заключения пыткам и жестокому обращению. Более того, непосредственно после окончания военных действий, в период 1999 – 2000 гг., члены АОК убивали пленных лиц и изымали у них органы для последующей трансплантации. Один из лидеров АОК, премьер-министр (а ныне президент) Республики Косово и член так называемой «Дреницкой группы» (преступное сообщество) Хашим Тачи был прямо обвинен в организации процесса изъятия человеческих органов и руководстве этим процессом.

Существование развитой организованной преступной сети, занимавшейся торговлей органами и тканями человека в Косово и Албании, подтверждают и процессы по делу о клинике «Медикус» в Приштине, в рамках которых были осуждены пять человек, но одни из главных фигурантов – доктор Юзуф Эрчин Сонмез и посредник в торговле Моше Харрель – в настоящее время находятся в международном розыске⁵.

Есть информация о случаях противоправного изъятия органов во время вооруженного конфликта в Сирии⁶, что позволяет сделать вывод о достаточной распространенности таких преступлений и их серьезной опасности как для мирового сообщества в целом, так и для отдельных государств.

Одним из главных условий привлечения к ответственности за прижизненное или посмертное изъятие органов и тканей у лиц, лишенных свободы в условиях вооруженного конфликта, является правильная квалификация совершенных деяний. Этот вопрос необходимо рассматривать с учетом бланкетной составляющей, т. е. в контексте существующих обычаев и норм, регламентирующих порядок обращения с покровительствуемыми лицами.

Заслуживает внимания специфика потерпевших, которая образуется их особым правовым статусом, установленным в актах международного гуманитарного права, и уязвимым положением лиц, лишенных свободы и находящихся во власти противника. Кроме того, необходимым признаком рассматриваемого преступления выступает обстановка его совершения – вооруженный конфликт международного или немеждународного характера.

Так, в соответствии со ст. 11 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов 1977 г.⁷ (далее – Дополнительный протокол I), выделяется четыре категории лиц, лишенных свободы в условиях вооруженного конфликта: находящиеся во власти противной стороны, интернированные, задержанные или иным образом лишенные свободы в условиях вооруженного конфликта.

Понятие военнопленных определено в ст. 4 Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.⁸ (далее – Третья Женевская конвенция). Такими признаются лица, попавшие во власть

⁴ Inhuman treatment of people and illicit trafficking in human organs in Kosovo // Parliamentary Assembly of the Council of Europe. URL: <http://assembly.coe.int/CommitteeDocs/2010/20101218_ajdoc462010provamended.pdf> (дата обращения: 07.08.2017).

⁵ Organ Trafficking in Kosovo: Yusuf Sonmez found in the Netherlands // InSerbia News. URL: <<https://ins Serbia.info/today/2014/09/organ-trafficking-in-kosovo-yusuf-sonmez-found-in-the-netherlands/>> (дата обращения: 07.08.2017).

⁶ Organ Smuggling: Turkish Hospitals Traffic Injured Syrian Citizens' Organs // Global Research – Centre for Research on Globalization. URL: <<http://www.globalresearch.ca/organ-smuggling-turkish-hospitals-traffic-injured-syrian-citizens-organs/5367869>> (дата обращения: 07.08.2017).

⁷ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) (подписан в г. Женеве 08.06.1977 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. 46. М., 1993.

Протокол ратифицирован Постановлением Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 г. № 330-I с заявлением.

⁸ Женевская конвенция об обращении с военнопленными (заключена в г. Женеве 12 августа 1949 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957.

Конвенция ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 апреля 1954 г. с оговорками.

противной стороны. Указаны и категории лиц, имеющих статус военнопленных (например, личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, личный состав ополчения и добровольческих отрядов, входящих в эти вооруженные силы), а также лица, которые должны подвергаться такому же обращению, как военнопленные. В частности, согласно подп. 1 п. «b» ст. 4 Третьей Женевской конвенции к ним относятся лица, принадлежащие или принадлежавшие к вооруженным силам оккупированной страны, если оккупирующая держава считает необходимым по причинам принадлежности данных лиц интернировать их, даже если она вначале их освободила, в то время, когда военные действия происходили за пределами оккупированной ею территории, и особенно, когда эти лица безуспешно пытались присоединиться к вооруженным силам, к которым они принадлежат и которые принимают участие в военных действиях, или когда они не подчинились вызову, сделанному с целью их интернирования.

Лица, лишённые свободы в условиях вооруженного конфликта, находятся в особо уязвимом положении, при котором свобода их действий существенно ограничена. Это значит, в частности, что указанные лица при совершении каких-либо посягательств на их жизнь, здоровье или физическую неприкосновенность не могут оказать адекватное сопротивление.

Прижизненное изъятие органов или тканей человека по своей правовой природе приравнивается к биологическим, медицинским и научным экспериментам⁹ и представляет собой военное преступление, а именно серьезное нарушение международного гуманитарного права (подп. «a» («ii»)

п. 2 ст. 8 Римского статута Международного уголовного суда¹⁰ (далее – Римский статут МУС), п. «b» ст. 2 Устава МТБЮ¹¹). В ст. 11 Дополнительного протокола I запрещено применение к лицам, находящимся во власти противной стороны, медицинской процедуры, которая не требуется по состоянию здоровья и не соответствует общепринятым медицинским нормам. При этом в качестве самостоятельной медицинской процедуры прямо называется удаление органов или тканей для пересадки.

В соответствии со ст. 13 Третьей Женевской конвенции с военнопленными следует всегда обращаться гуманно. При этом любой незаконный акт или бездействие со стороны державы в плену державы, приводящие к смерти военнопленного, находящегося в ее власти, или ставящие здоровье военнопленного под серьезную угрозу, запрещаются и рассматриваются как серьезные нарушения международного гуманитарного права. Ни один военнопленный не может быть подвергнут физическому калечению либо научному или медицинскому опыту какого бы то ни было характера, который не оправдывается соображениями лечения такого лица и его интересами.

Российское уголовное право не оперирует терминами «военные преступления» или «серьезные нарушения международного гуманитарного права», а в единственной подходящей норме используется иной понятийный аппарат. Так, в наименовании ст. 356 УК РФ упоминаются запрещенные средства и методы ведения войны, а признаками объективной стороны выступают: жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупирован-

⁹ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М., 2000. С. 509.

¹⁰ Римский статут Международного уголовного суда (принят в г. Риме 17 июля 1998 г. Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда). Документ официально опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Российская Федерация подписала Римский статут 13 сентября 2000 г., однако 16 ноября 2016 г. заявила о своем намерении выйти из состава его участников.

¹¹ Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии (принят 25 мая 1993 г. Резолюцией 827 (1993) на 3217-м заседании Совета Безопасности ООН) // Международное публичное право: сб. док. Т. 2. М., 1996.

ной территории, а также применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации. Для уголовно-правовой оценки изъятия органов или тканей человека в условиях вооруженного конфликта из них подходит только первое деяние – жестокое обращение.

При этом понятие «жестокое обращение» («cruel treatment») ни на национальном, ни на международном уровне нормативно не определено. В основных актах в области международного гуманитарного права либо содержится простое указание на жестокое обращение (подп. «а» п. 1 ст. 3 общей для всех Женевских конвенций), либо перечисляются деяния, признаваемые таковыми (подп. «а» п. 2 ст. 4 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов немеждународного характера, от 8 июня 1977 г.¹²). В практике международных судебных органов жестокое обращение раскрывается, исходя из анализа положений международного гуманитарного права, а также в связи с другим понятием – «бесчеловечное обращение» («inhuman(e) treatment»). Как указывается в одном из решений МТБЮ, жестокое обращение представляет собой умышленное действие или бездействие, причиняющее серьезные психические или физические страдания или травмы либо представляющее собой серьезное посягательство на человеческое достоинство (§ 552)¹³.

МТБЮ пришел к выводу, что жестокое обращение по своему содержанию равнозначно бесчеловечному обращению, которым, в свою очередь, признается наруше-

ние фундаментального принципа международного гуманитарного права – принципа гуманного обращения с покровительствуемыми лицами (§ 552). При этом последний определяется негативно – через перечисление актов, которые рассматриваются, в частности, как бесчеловечное обращение (например, когда военнопленный подвергается биологическому, медицинскому или научному эксперименту какого бы то ни было характера, не оправданному соображениями его лечения и его интересами) (§ 526 – 527, 532).

В связи с изложенным выше есть основания полагать, что жестокое обращение по смыслу ст. 356 УК РФ представляет собой военное преступление, включающее, в частности, такое серьезное нарушение международного гуманитарного права, как проведение биологических, медицинских или научных экспериментов¹⁴ и, как следствие, изъятие органов или тканей человека в условиях вооруженного конфликта. Поэтому прижизненное изъятие у военнопленного органов или тканей следует квалифицировать по ст. 356 УК РФ.

Санкция ч. 1 ст. 356 УК РФ является существенно более строгой по сравнению с возможным наказанием за умышленное причинение вреда здоровью человека. Это видится справедливым, поскольку общественная опасность изъятия органов или тканей у лиц, лишенных свободы в условиях вооруженного конфликта, явно выше аналогичной характеристики соответствующего деяния в отношении любого другого лица.

Посмертное изъятие органов или тканей у лиц, лишенных свободы в условиях вооруженного конфликта, опосредует убийство

¹² Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) (подписан в г. Женеве 08.06.1977 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. 46. М., 1993.

Протокол ратифицирован Постановлением Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 г. № 330-1 с заявлением.

¹³ Решение МТБЮ от 16.11.1998 г. по делу «Прокурор против З. Делалича, З. Мусича, Х. Делича и Э. Ландзо» («Prosecutor v. Z. Delalic, Z. Mucic, H. Delic, E. Landzo») (Дело № IT-96-21-T) // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. URL: <http://www.icty.org/x/cases/mucic/tjug/en/981116_judg_en.pdf> (дата обращения: 07.08.2017).

¹⁴ Русина В.Н. Нарушение международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная ответственность и судебное преследование. М., 2006. С. 98 – 99; Князькина А.К. Конвенционные преступления в уголовном праве Российской Федерации: понятие, виды, общая характеристика. М., 2010. С. 131.

военнопленных. В международном уголовном праве это деяние также рассматривается как серьезное нарушение международного гуманитарного права (подп. «а» («i»)) п. 2 ст. 8 Римского статута МУС, п. «а» ст. 2 Устава МТБЮ). Существует и соответствующая судебная практика¹⁵.

Убийство покровительствуемых лиц также может охватываться понятием жестокого обращения, однако это порождает вопрос о квалификации содеянного. Исходя из сравнительного анализа санкций названных норм, можно сделать вывод, что составом преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ, охватывается любое насилие, кроме умышленного причинения смерти при отягчающих обстоятельствах, которое является более тяжким преступлением, в связи с чем содеянное следует квалифицировать по совокупности¹⁶. При этом убийство, сопряженное с изъятием органов или тканей человека, будет именно квалифицированным (скорее всего, за счет признаков, предусмотренных пп. «в», «ж» и «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Признавая обоснованность такого подхода, все же необходимо отметить, что в случае посмертного изъятия органов или тканей у военнопленного, окончательное наказание, назначенное по совокупности ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 356 УК РФ, будет чрезмерно суровым. В то же время при квалификации деяний виновного только по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ не будет учтен ни особый объект преступления, ни статус потерпевшего лица, ни обстановка совершения преступления.

Самостоятельного рассмотрения заслуживает вопрос о возможности признания лица, лишеного свободы в условиях вооруженного конфликта, находящимся в беспомощном состоянии. Как представляется, с учетом его особого статуса и повышен-

ной уязвимости этот вопрос необходимо решать положительно. Подобное мнение уже высказывалось в доктрине¹⁷.

Однако в настоящее время для этого нет правовых оснований. Согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1 для целей п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ беспомощным состоянием признается неспособность лица в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний сознает это обстоятельство. Обычно примерами беспомощного состояния являются малолетний или престарелый возраст, болезнь, психическое расстройство, бессознательное состояние и т. п.

Существует несколько вариантов решения указанной проблемы. В частности, можно изменить законодательное регулирование вопроса, дополнив ч. 2 ст. 105 УК РФ новым пунктом, предусматривающим совершение преступления в отношении лица, находящегося под защитой норм международного гуманитарного права, либо в отношении лица, лишеного свободы в условиях вооруженного конфликта. Но более простым способом видится изменение правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации в части расширения круга лиц, относящихся к потерпевшим в рамках п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Действующая редакция ст. 356 УК РФ содержит существенные недостатки, затрудняющие привлечение виновных лиц к уголовной ответственности. Прежде всего, не все из категорий лиц, лишенных свободы в условиях вооруженного конфликта, охватываются используемыми в отечественном законодательстве понятиями (военнопленных и гражданского населения),

¹⁵ Решение МТБЮ от 27.09.2007 г. по делу «Прокурор против М. Мршкича, М. Радича и В. Шливанчанина» («Prosecutor v. Mile Mrkšić, Miroslav Radić and Veselin Šljivančanin») (Дело № IT-95-13/IT) // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. URL: <<http://www.icty.org/x/cases/mrksic/tjug/en/070927.pdf>> (дата обращения: 07.08.2017).

¹⁶ Адельханян Р.А. Военные преступления в современном праве. М., 2003. С. 151; Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества. СПб., 2004. С. 122.

¹⁷ Топильская Е.В. Беспомощное состояние потерпевшего от преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1992.

что, безусловно, является пробелом. Если потерпевшими выступают другие категории лиц, пользующихся защитой международного гуманитарного права, такие действия будут квалифицированы по нормам о преступлениях против здоровья (ст.ст. 105, 111, 112, 115 УК РФ). Такой подход не позволяет учесть в полной мере как особенности ранее указанного особого статуса покровительствуемых лиц, так и специфику объекта, охраняемого нормами гл. 34 УК РФ, – общественных отношений, затрагивающих мировой правопорядок и выполнение международных обязательств государств¹⁸ в рамках принципа *pacta sunt servanda*¹⁹.

В связи с вышесказанным представляются небезосновательными предложения по внесению изменений в ч. 1 ст. 356 УК РФ. К примеру, Т.И. Курносова представила проект редакции нормы, предусматривающий расширение круга потерпевших от жестокого обращения за счет указания на раненых и больных лиц, а также медицинский или духовный персонал²⁰. Однако такие изменения видятся явно недостаточными, поэтому такой вариант вряд ли может быть принят.

Анализируемая норма обладает и иными недостатками, относящимися к другим ас-

пектам уголовной ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны, на которые уже обращалось внимание в научной литературе²¹. В этой связи представляется рациональным предложение о расширении содержания соответствующего уголовно-правового запрета путем его формулирования следующим образом: «Нарушение законов и обычаев ведения вооруженных конфликтов, предусмотренных международным правом»²². Подобное изменение позволило бы признавать преступным любое нарушение норм международного гуманитарного права, включая и те деяния, которые отражены в ст. 356 УК РФ, в том числе изъятие органов у лиц, лишенных свободы в условиях вооруженного конфликта. В настоящее время преступлением против мира и безопасности человечества является только изъятие органов или тканей у военнопленных и гражданского населения.

Следовательно, необходимо внесение изменений как в диспозицию, так и в санкцию ч. 1 ст. 356 УК РФ с тем, чтобы указанной нормой охватывались все нарушения международного гуманитарного права, могущие опосредовать изъятие органов или тканей у лиц, лишенных свободы в условиях вооруженного конфликта.

Информация

В Калининграде военными прокурорами восстановлены права работников на своевременную оплату труда

28.08.2017

Военной прокуратурой Балтийского флота при проверке установлено, что 32 работникам АО «94 автомобильный ремонтный завод» не выплачена заработная плата на сумму почти 900 тыс. рублей.

По результатам прокурорского реагирования права граждан восстановлены, задолженность перед работниками организации погашена.

<http://gvp.gov.ru/>

¹⁸ Князькина А.К. Международный договор как основание криминализации деяний // *Lex russica*. 2015. № 9. С. 76.

¹⁹ Договоры должны соблюдаться (лат.).

²⁰ Курносова Т.И. Имплементация международно-правовых норм о военных преступлениях и преступлениях против человечности в российское уголовное законодательство: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 246.

²¹ См., напр.: Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М., 2007. С. 281 – 282.

²² Князькина А.К. Конвенционные преступления в уголовном праве Российской Федерации: понятие, виды, общая характеристика. С. 135.

КОММЕНТАРИЙ К ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАКОНУ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ В СТАТЬЮ 5 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА “О МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ”» ОТ 18 ИЮЛЯ 2017 ГОДА № 170-ФЗ

Я.Н. Ермолович, преподаватель Военного университета, кандидат юридических наук

18 июля 2017 г. Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона “О материальной ответственности военнослужащих”»¹. Согласно внесенным изменениям были уточнены порядок и основания привлечения к полной материальной ответственности военнослужащих. В прежней редакции Закона указывалось, что военнослужащие несут материальную ответственность в полном размере ущерба в случаях, когда ущерб причинен, в частности, в результате действий (бездействия) военнослужащего, содержащих признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации. Вступившим в силу Федеральным законом этот абзац ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» был изменен. В новой редакции Закона указывается, что военнослужащие несут материальную ответственность в полном размере ущерба в случаях, когда ущерб причинен, в частности, в результате преступных действий (бездействия) военнослужащего, установленных вступившим в законную силу приговором суда.

Принятие вышеуказанного Закона было обусловлено тем, что Конституционный

Суд Российской Федерации в ноябре 2016 г. признал не соответствующим Конституции Российской Федерации абз. 3 ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой², в результате рассмотрения жалобы бывшего командира воинской части Д.В. Батарагина, который обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой о проверке конституционности положений Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», позволяющих привлекать к материальной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный ими при исполнении обязанностей военной службы имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, когда ущерб причинен действиями (бездействием) военнослужащего, содержащими признаки состава преступления, а также положений Закона о том, что возмещение ущерба производится независимо от привлечения военнослужащего к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности за действия (бездействие), которыми причинен ущерб. Нарушение оспариваемыми положениями названного

¹ О внесении изменения в статью 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих»: федер. закон от 18 июля 2017 г. № 170-ФЗ // Рос. газ. 2017. 21 июля.

² По делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» в связи с жалобой гражданина Д.В. Батарагина [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 8 нояб. 2016 г. № 22-П. Дата обновления: 8.11.2016. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Закона своих прав, гарантированных Конституцией Российской Федерации, Д.В. Батарагин усматривал в том, что они позволяют суду в рамках гражданского судопроизводства делать вывод о виновности военнослужащего в совершении преступления и причинении им ущерба в результате преступных действий при отсутствии приговора суда, которым установлен как сам факт совершения преступления данным лицом, так и его вина³.

Конституционный Суд Российской Федерации удовлетворил жалобу Д.В. Батарагина и признал взаимосвязанные положения абз. 3 ст. 5 и п. 5 ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой эти положения – по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, – допускают возможность привлечения военнослужащего, уголовное дело в отношении которого прекращено на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, к материальной ответственности вследствие установления в его действиях (бездействии) признаков состава преступления (и тем самым – фактического признания его виновным в совершении преступления) иным, отличным от вынесенного в процедуре уголовного судопроизводства приговора суда, правоприменительным решением, включая постановление суда, принятое в рамках гражданского судопроизводства на основании содержащихся в акте органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела сведений о фактических обстоятельствах деяния и его выводов относительно совершения этого деяния данным лицом.

Мотивируя свое решение, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что истолкование оспариваемых законопо-

ложений в качестве допускающих возможность привлечения военнослужащего к материальной ответственности за ущерб, причиненный его действиями (бездействием) как содержащими признаки состава преступления, – притом что уголовное дело в отношении данного военнослужащего прекращено на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, а наличие в действиях (бездействии) этого лица признаков состава преступления установлено судом в рамках гражданского судопроизводства на основании данных предварительного расследования – не согласуется с конституционным требованием обеспечения прав, вытекающих из презумпции невиновности, и приводит к нарушению гарантий, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. Кроме того, привлечение военнослужащего к материальной ответственности в связи с установлением в его действиях (бездействии) признаков состава преступления судом в рамках гражданского судопроизводства, а равно иными органами и должностными лицами не может быть оправдано ни особым характером военной службы и обусловленной им спецификой правового статуса военнослужащих, ни повышенными требованиями к обеспечению сохранности военного имущества и создает предпосылки для нарушения в отношении данной категории граждан конституционного принципа равенства.

Само по себе решение о прекращении уголовного дела, отмечается в решении Конституционного Суда Российской Федерации, не подменяет приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено ст. 49 Конституции Российской Федерации. Соответственно, принимая решение о прекращении уголовного дела на досудебных ста-

³ См. подробнее: *Ермолович Я.Н.* Комментарий к постановлению Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона “О материальной ответственности военнослужащих” в связи с жалобой гражданина Д.В. Батарагина» от 8 ноября 2016 года № 22-П // *Право в Вооруженных Силах*. 2017. № 2. С. 72 – 78.

дях уголовного процесса, компетентные государственные органы должны исходить из того, что лица, в отношении которых прекращено уголовное преследование, виновными в совершении преступления либо (что равнозначно) в деянии, содержащем все признаки состава преступления, не признаны, а значит, и не могут быть названы таковыми. Предоставление лицам, в отношении которых принимается решение о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, права настаивать на продолжении расследования и рассмотрении дела в судебном заседании направлено, как указывает Конституционный Суд Российской Федерации, на обеспечение судебной защиты их прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства.

Решение о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, принятое органом предварительного расследования, не равнозначно приговору суда ни с точки зрения юридической силы, ни с точки зрения полноты и достоверности фактических обстоятельств. В силу этого в соответствующем акте органа предварительного расследования не могут быть разрешены те вопросы, которые подлежат разрешению исключительно судом при вынесении приговора, в том числе о возможности признания деяния, инкриминируемого лицу, подвергавшемуся уголовному преследованию, преступлением, а также о виновности этого лица в совершении этого преступления. Данные предварительного расследования не имеют преюдициального значения для гражданского судопроизводства. Привлечение военнослужащего, действиями (бездействием) которого был причинен ущерб имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, к материальной ответственности по основанию, предусмотренному абз. 3 ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», предполагает наличие вступившего в закон-

ную силу приговора суда, которым в совершенном военнослужащим деянии установлены признаки состава преступления, указывается в решении Конституционного Суда Российской Федерации.

Вместе с тем, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что сами по себе положения абз. 3 ст. 5 и п. 5 ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» соответствуют Конституции Российской Федерации в той мере, в какой эти положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают привлечение военнослужащего к материальной ответственности за ущерб, причиненный им имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, в случае совершения преступления, что установлено вступившим в законную силу приговором суда, и не препятствуют при отсутствии такого приговора принятию в пределах срока, определенного п. 4 ст. 3 данного Федерального закона, решения о взыскании с военнослужащего причиненного им ущерба в ограниченном либо в полном размере при условии установления в надлежащей процедуре юридически значимых обстоятельств, необходимых и достаточных для привлечения этого лица к соответствующему виду материальной ответственности.

Таким образом, Конституционный суд Российской Федерации в соответствии со ст. 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в редакции от 28 декабря 2016 г.) принял решение о признании нормативного акта либо его отдельных положений не соответствующими Конституции Российской Федерации. Положения нормативных актов, признанных Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, утрачивают силу, они не могут применяться судами, другими органами и должност-

ными лицами. Признание не соответствующими Конституции Российской Федерации федерального закона или отдельных его положений является основанием для отмены в установленном порядке положений других нормативных актов либо договоров, основанных на признанном неконституционным полностью или частично нормативном акте либо воспроизводящих его или содержащих такие же положения, какие были признаны неконституционными.

Статья 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривает обязанность государственных органов и должностных лиц по приведению законов и иных нормативных актов в соответствие с Конституцией Российской Федерации в связи с решением Конституционного Суда Российской Федерации в случае, если этим решением нормативный акт признан не соответствующим Конституции Российской Федерации полностью или частично либо из постановления Конституционного Суда Российской Федерации о признании нормативного акта либо отдельных его положений соответствующими Конституции Российской Федерации в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании вытекает необходимость устранения пробела или противоречий в правовом регулировании.

Таким образом, издание Федерального закона «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона “О материальной ответственности военнослужащих”» от 18 июля 2017 г. № 170-ФЗ является исполнением решения Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности абзаца третьей статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона “О материальной ответственности военнослужащих” в связи с жалобой гражданина Д.В. Батарагина» от 8 ноября 2016 г. № 22-П. Однако следует отметить, что в решении Конституционного Суда Российской Федерации речь шла о взаимосвязанных поло-

жениях абз. 3 ст. 5 и п. 5 ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих». Изменения же были внесены только в абз. 3 ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», п. 5 ст. 8 указанного Федерального закона остался без изменений. Рассматриваемая правовая норма предписывает производить возмещение ущерба независимо от привлечения военнослужащего к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности за действия (бездействие), которыми причинен ущерб. В этом можно усмотреть некоторое противоречие с вновь введенными положениями абз. 3 ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», где указывается на вступивший в силу приговор суда. Поскольку привлечь военнослужащего к полной материальной ответственности по основанию, предусмотренному абз. 3 ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», возможно только на основании приговора суда, постановленного в соответствии с УПК РФ, а иной порядок признания лица совершившим преступление в законодательстве Российской Федерации отсутствует, постольку было бы целесообразным исключить из п. 5 ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» указание на уголовную ответственность.

Также следует отметить, что современное состояние российского законодательства и правовой системы Российской Федерации таково, что сомнительной является сама концепция материальной ответственности военнослужащих. В результате причинения имущественного вреда умышленно или по неосторожности своими неправомерными действиями военнослужащий привлекается к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности. При этом у военнослужащего возникает гражданско-правовая обязанность вследствие причинения вреда другому лицу (ст. 8 ГК РФ). В соответствии со ст. 1064 ГК РФ вред, при-

чиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Глава 59 ГК РФ регламентирует основания и способы возмещения вреда. Исковой порядок защиты нарушенных имущественных прав предусмотрен ГПК РФ (подразд. II разд. II ГПК РФ), либо имущественный вред возмещается в порядке уголовного судопроизводства посредством подачи гражданского иска по уголовному делу, который рассматривается совместно с уголовным делом (чч. 3, 4 ст. 42, ст.ст. 44, 54, 135, 250 УПК РФ). Таким образом, правовой механизм возмещения ущерба, причиненного при исполнении обязанностей военной службы имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, определяется законодательством о гражданском и уголовном судопроизводстве и правовой институт материальной ответственности военнослужащих становится излишним. Более того, в ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» указывается, что вопрос о возмещении ущерба, размер которого превышает один оклад месячного денежного содержания военнослужащего и одну месячную надбавку за выслугу лет, решается судом по иску командира (начальника) воинской части, т. е. в порядке того же искового производства.

Кроме того, ст. 4 и ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» предусматривают ограниченную материальную ответственность

военнослужащих, т. е. возмещение ущерба, размер которого не превышает одного оклада месячного денежного содержания военнослужащего и одной месячной надбавки за выслугу лет, по приказу командира (начальника) воинской части путем удержаний из денежного довольствия военнослужащего, причинившего ущерб, т. е. во внесудебном порядке, что противоречит п. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации (никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда).

Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих» был принят в 1999 г., в этот период еще действовали ГПК РСФСР 1964 г., УПК РСФСР, утвержденный Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. Часть вторая ГК РФ была введена в действие 1 марта 1996 г. и действовала только три года к моменту издания Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих». Федеральный закон «Об исполнительном производстве» был принят только в 2007 г. Таким образом, Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих» соответствовал состоянию российского законодательства и правовой системы в конкретно-исторических условиях конца 90-х гг. XX в. В настоящее время принято соответствующее законодательство, созданы правовые механизмы защиты имущественных прав и возмещения причиненного имущественного вреда, все это в совокупности, по мнению автора, делает излишним существование правового института материальной ответственности военнослужащих.

Книгу «Сборник судебной практики военных судов по вопросам военной службы, статуса военнослужащих и уголовным делам (2015 - 2016 г.)»

можно приобрести, направив заявку на электронную почту

pvsypo@mail.ru

ПОНЯТИЕ «ВОЕННЫЙ ОБЪЕКТ» В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

*Е.В. Соколова, старший преподаватель кафедры гражданского права
Военного университета*

Важнейшим условием эффективной работы по правовому обеспечению национальной безопасности государства являются определенность и четкость норм законодательства. В свою очередь, точность нормативно-правовых предписаний зависит от использования конкретных юридических понятий и терминов, имеющих однозначное и недвусмысленное значение.

В теории государства и права юридическое понятие определяется как явление, имеющее правовое значение. Краткое содержание юридического понятия передается посредством его определения, или дефиниции (от лат. *definition* – точное указание). Термин понимается как словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний, основной понятийный элемент языка для специальных целей¹.

Классическое определение юридического термина сформулировано А.С. Пиголкиным, по мнению которого «юридический термин – это слово (или словосочетание), которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличается смысловой однозначностью, функциональной ус-

тойчивостью», «...термин всегда однозначен, его значение не должно зависеть от контекста. Без смысловой однозначности термин не может выполнять функцию специального понятия»².

Одним из приемов юридической техники является использование специальных терминов как в одной, так и в нескольких областях права.

В частности, в военном и международном гуманитарном праве широко используется термин «военный объект», правильное понимание которого имеет важное правоприменительное значение, в том числе при решении вопросов, относящихся к сферам конституционного (государственного), гражданского, налогового и иных отраслей права.

В Словаре русского языка С.И. Ожегова под «объектом» понимается «явление, предмет, на который направлена чья-нибудь деятельность, чье-нибудь внимание»³. Толковый словарь В.И. Даля позволяет трактовать словосочетание «военный объект» как предмет (от лат. *objectum*), вещь, относящиеся к войску, т. е. к военной силе, армии⁴. Однако такая трактовка носит достаточно общий, расширительный характер, не отвечающий современным реалиям.

¹ Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории / отв. ред. Т.П. Канделаки. 2-е изд. М., 2003. С. 14.

² Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990. С. 60, 65.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1990. С. 439.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. С. 230 – 231, Т. 2. С. 635, Т. 3. С. 386. 6-е изд., стереотип. М., 2011.

В действующем российском законодательстве термин «военный объект» упоминается в различных нормативных правовых актах, однако легальное определение данного термина законодательство Российской Федерации не содержит.

Так, например, в ст. 41 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ содержится норма, согласно которой требования в области охраны окружающей среды, предъявляемые при размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, вводе в эксплуатацию, эксплуатации и выводе из эксплуатации зданий, строений, сооружений и иных объектов, в полной мере распространяются на военные и оборонные объекты, вооружение и военную технику, за исключением чрезвычайных ситуаций, препятствующих соблюдению требований в области охраны окружающей среды.

В то же время в указанном Федеральном законе отсутствует определение как термина «военный объект», так и термина «оборонный объект». В одном из комментариев к названному Закону такие термины определяются следующим образом: «военными объектами являются: а) вооруженные силы, кроме военно-медицинских служб и военного духовного персонала и их имущества; б) учреждения, здания и позиции, где дислоцируются вооруженные формирования и их имущество (например, позиции, казармы, склады); в) другие объекты, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и чье полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация при существующих в данный момент обстоятельствах дают явное военное преимущество... Оборонный объект – это соответствующее сооружение, необходимое для обороны от наступающего противника»⁵.

Следует отметить, что приведенное определение термина «военный объект» основано на том определении, которое содержится в п. 2 ст. 52 Дополнительного протокола (Протокол I) к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (принят на дипломатической конференции в Женеве 8 июля 1977 г.)⁶.

В ряде нормативных правовых актов Российской Федерации содержатся не только указания на термин «военный объект», но и перечисления тех объектов, которые относятся или могут быть отнесены к числу военных.

Так, в Указе Президента Российской Федерации «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» от 30 ноября 1995 г. № 1203 под «военными объектами» понимаются боевые позиции войск, воинские части, стационарные пункты управления, военные научно-исследовательские организации, полигоны, узлы связи, базы, склады, комплексы или отдельные здания и другие сооружения военного назначения.

В дальнейшем в данный Указ Президента Российской Федерации вносились неоднократные изменения и дополнения, в том числе касающиеся понятия «военный объект», а именно под военными объектами в разное время понимались:

- 1) боевые позиции войск, пункты управления, полигоны, узлы связи, базы, склады и другие сооружения военного назначения (Указ Президента Российской Федерации «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне» от 24 января 1998 г. № 61);
- 2) боевые позиции войск, воинские части, стационарные пункты управления, военные научно-исследовательские организации, полигоны, узлы связи, базы, склады, комплексы или отдельные здания и другие сооружения военного назначения (Указ

⁵ Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» / под ред. О.Л. Дубовик. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 19.08.2017).

⁶ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 8 июня 1977 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. 46. М., 2001.

Президента Российской Федерации «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне» от 11 февраля 2006 г. № 90).

В Постановлении Правительства Российской Федерации «Об установлении запретных и иных зон с особыми условиями использования земель для обеспечения функционирования военных объектов Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны страны» от 5 мая 2014 г. № 405 в качестве «военных объектов» перечисляются такие объекты, как существующие или планируемые к строительству полигоны, аэродромы, узлы связи, базы, склады, арсеналы и иные используемые для нужд обороны страны и безопасности государства объекты, а также объекты недвижимого имущества, расположенные на позициях войск и воинских частей, на стационарных пунктах управления, в военных научно-исследовательских организациях, комплексы зданий и отдельные здания, строения и сооружения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны.

В определенной степени перечисление тех объектов, которые относятся к военным объектам, содержится в Методических рекомендациях по разработке схем зонирования территории городов МДС 30-1.99 (одобренны Госстроем России, протокол от 10 июня 1999 г. № 01-НС-15/7), в приложении «Ж» («Зоны военных объектов и иные зоны режимных территорий»)⁷ которых в качестве разрешенных «по праву застройки» видам использования относятся военные базы, городки, полигоны, аэродромы, иные объекты безопасности и космического обеспечения, образовательные учреждения, реализующие военные профессиональные программы, предприятия, учреждения и организации федеральных органов исполнительной вла-

сти, выполняющих задачи по обороне, безопасности и космическому обеспечению. К неосновным и сопутствующим видам использования отнесены жилые дома, общественные здания, сооружения, связанные с выращиванием овощей, парники, теплицы; хозяйственные постройки; гаражи, открытые стоянки; а к числу условно разрешенных видов использования (требующих специального согласования) – производственные здания, учреждения связи и иные коммуникации, превышающие установленные параметры, временные сооружения.

В качестве еще одного примера того, какие объекты в Российской Федерации понимаются в качестве военных, можно привести соглашения Российской Федерации с иностранными государствами о размещении на их территории российских военных баз. Так, в частности, в ст. 2 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об объединенной российской военной базе на территории Республики Южная Осетия от 7 апреля 2010 г. под «военным объектом Российской Федерации» понимается объединенная российская военная база в местах дислокации, а также воинское формирование объединенной российской военной базы с его инфраструктурой, иные сооружения, в частности понтонные мосты, вышки, ретрансляторы, окопы и блиндажи, расположенные вне места дислокации и предназначенные для обеспечения функционирования объединенной российской военной базы⁸.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что в настоящее время в российском законодательстве не только отсутствует легальное (законодательное) определение термина «военный объект», но и в принципе у законодателей отсутствует единое понимание того, что следует относить к таким объектам.

Правоприменительная практика, в том числе судебная, также свидетельствует об

⁷ Методические рекомендации по разработке схем зонирования территории городов МДС 30-1.99 (одобренны Госстроем России, протокол от 10 июня 1999 г. № 01-НС-15/7). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 19.08.2017).

⁸ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об объединенной российской военной базе на территории Республики Южная Осетия (Москва, 7 апреля 2010 г.) // Бюл. междунар. договоров. 2010. № 12.

отсутствии единства в понимании судами указанного термина. Так, арбитражными судами военными объектами были признаны:

1) военкомат (решение Арбитражного суда Самарской области от 17 июня 2015 г. по делу № А55-6987/2015);

2) судно (плавобъект) – воинский эшелон № 10024 (постановление 15-го Арбитражного апелляционного суда от 26 февраля 2009 г. по делу № А53-9075/2008). При этом обращает на себя внимание тот факт, что, принимая решение об отнесении судна к числу военных объектов, суд руководствовался лишь тем, что «государственный контракт № 7/07/МТ-Б от 20 сентября 2007 года служит подтверждением того, что буксируемое судно являлось военным объектом, об этом свидетельствует и само наименование объекта – воинский эшелон»;

3) жилые и нежилые здания, расположенные в военном городке № 34 в н. п. Высокий Оленегорского гарнизона Мурманской области (решение Арбитражного суда Мурманской области от 21 ноября 2012 г. по делу № А42-4945/2012). Однако в других случаях суды не признавали жилые и иные здания военными объектами. Например, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа указал, что жилой дом со встроенными помещениями детского сада-яслей, а также здания и сооружения санатория, летнего кинотеатра, спортивных площадок и т. д., находящиеся на земельном участке, занимаемом ФГКУ «Санаторно-курортный комплекс “Сочинский”» Министерства обороны Российской Федерации, являются не военными, а гражданскими объектами (постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29 апреля 2016 г. по делу № А32-42102/2014). Жилые дома были признаны объектами жилья, а не военными объектами Арбитражным судом Уральского округа (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 9 июня 2017 г. № Ф09-2590/17 по делу № А60-33310/2016) и 18-м Арбитражным апелляционным судом (постановление 18-го

Арбитражного апелляционного суда от 16 февраля 2009 г. № 18АП-8203/2008 по делу № А76-9705/2008);

4) маяк Брюса (по мнению Арбитражного суда Приморского края маяк является военным объектом, так как входит в организационно-штатную структуру воинской части и имеет охранную зону) (решение Арбитражного суда Приморского края от 15 декабря 2016 г. по делу № А51-18182/2016);

5) поселок Томицы (так как распоряжением Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня имеющих жилищный фонд закрытых военных городков Вооруженных Сил Российской Федерации и органов федеральной службы безопасности» от 1 июня 2000 г. № 752-р поселок включен в перечень закрытых военных городков, имеющих жилищный фонд) (постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 апреля 2006 г. по делу № А26-9938/2005-22).

Постановлением 17-го Арбитражного апелляционного суда военным объектом было признано ФБУ воинской части, так как доступ к данной территории является закрытым (постановление 17-го Арбитражного апелляционного суда от 29 июня 2011 г. № 17АП-5000/2011-АК по делу № А60-3713/2011). Однако представляется, что хотя в Указе Президента Российской Федерации «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне» от 11 февраля 2006 г. № 90 воинские части и названы военными объектами, признание их таковыми должно быть дифференцированным, так как не все воинские части осуществляют непосредственную деятельность по обеспечению обороны и безопасности государства. Отдельные воинские части могут осуществлять лишь деятельность, способствующую обеспечению обороны и безопасности, как это и имело место в данном случае, так как указанное выше ФБУ было создано в 2009 г. как комплексная база материально-технического обеспечения, имеющая четыре филиала по хранению материальных и технических средств службы горючего.

В качестве военных объектов арбитражными судами нередко признаются и лесничества Министерства обороны Российской Федерации (леса, переданные Министерству обороны Российской Федерации в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации «О закреплении лесов, расположенных на землях обороны, за федеральным органом исполнительной власти по вопросам обороны» от 2 февраля 1998 г. № 135).

Однако, например, по мнению Департамента земельных и имущественных отношений Приморского края Владивостокское и Партизанское лесничества Министерства обороны Российской Федерации не подпадают под понятие военного объекта, так как в границах, в частности Владивостокского лесничества Министерства обороны Российской Федерации, находятся территории, застроенные объектами жилого фонда, социально-бытового, производственного и иного назначения, не являющиеся военными объектами, т. е. не вся территория лесничества представляет собой военный объект. Тем не менее, арбитражным судом Владивостокское лесничество было признано военным объектом в целом (решения Арбитражного суда Приморского края от 24 августа 2016 г. по делу № А51-8424/2016, от 18 июля 2017 г. по делу № А51-11275/2017 и др.).

Никаких сомнений относительно того, что лесничество Министерства обороны Российской Федерации является военным объектом, не возникло и у арбитражного суда, рассматривавшего заявление ООО «К-Резерв» о признании частично недействительным приказа заместителя Министра обороны Российской Федерации «Об установлении запретной зоны военного объекта – Новосибирское лесничество Министерства обороны РФ» от 8 декабря 2015 г. Арбитражный суд г. Москвы посчитал, что Постановление Правительства Российской Федерации «Об установлении запретных и иных зон с особыми условиями использования земель для обеспечения функциони-

рования военных объектов Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны страны» от 5 мая 2014 г. № 405 (далее – Постановление № 405) содержит открытый перечень военных объектов, в отношении которых может быть установлена запретная зона, поэтому к данным объектам следует также отнести и земельные участки, являющиеся самостоятельными объектами недвижимости, на которых располагаются военные лесничества и прилегающие к ним территории, военные городки и иные военные объекты в пределах границ земель обороны (решение Арбитражного суда г. Москвы от 31 мая 2017 г. № А40-254135/16-33-2141).

Подобная позиция суда является, по нашему мнению, не аргументированной, так как, во-первых, из самого названия Постановления № 405 следует, что военными объектами являются объекты, расположенные на земле (землях), а не сами земельные участки (земли). Во-вторых, леса, расположенные на землях обороны, передаются Министерству обороны Российской Федерации для постоянного использования их для обеспечения нужд обороны (в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации «О закреплении лесов, расположенных на землях обороны, за федеральным органом исполнительной власти по вопросам обороны» от 2 февраля 1998 г. № 135), а к числу таких нужд могут относиться и строительство казарм, столовых, медпунктов и т. д., т. е. объектов, назначением которых является обеспечение жилищных, социально-бытовых и т. п. нужд военнослужащих, членов их семей и лиц из числа гражданского персонала и членов их семей.

Кроме того, согласно п. 17 Порядка ведения лесного хозяйства, использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, расположенных на землях обороны (утвержденного Рослесхозом и Минобороны России 5 мая, 5 июня 1998 г.) в лесах, рас-

положенных на землях Министерства обороны Российской Федерации, могут осуществляться такие виды лесопользования, как заготовка древесины и живицы, а также второстепенных лесных ресурсов (пней, коры, бересты, пихтовых, сосновых, еловых лап, новогодних елок и др.); побочное лесопользование (сенокосение, пастьба скота, размещение ульев и пасек, заготовка древесных соков, заготовка и сбор дикорастущих плодов, ягод, грибов, других пищевых лесных ресурсов, лекарственных растений и технического сырья, сбор мха, лесной подстилки и опавших листьев, камыша и другие виды побочного пользования, перечень которых определяется в установленном порядке); пользование лесами для нужд охотничьего хозяйства и др.

Таким образом, перечисленные в п. 17 указанного Порядка виды лесопользования явно свидетельствуют о том, что та часть военного лесничества, в которой они осуществляются, не может быть признана военным объектом.

В дополнение к сказанному приведем еще один пример. Инспекция ФНС по Ленинскому району г. Ставрополя предъявила требование о взыскании с ФГКОУ «Ставропольское президентское кадетское училище» задолженности по уплате земельного налога. Свои требования Инспекция ФНС аргументировала тем, что учебно-административные корпуса ФГКОУ «Ставропольское президентское кадетское училище» к военным объектам не относятся; доказательства того, что военный городок, в котором расположено училище, является воинской частью или на территории училища находится воинская часть, в материалах дела не представлены. Содействие укреплению безопасности страны в деятельности училища при организации и проведении военно-патриотического воспитания граждан не может служить основанием для отнесения земельного участка, используемого в этих целях, к землям, используемым непосредственно для обеспечения обороны и безопасности, а также для освобождения

от уплаты земельного налога. Целью деятельности училища является осуществление образовательного процесса в соответствии с основными общеобразовательными программами общего, среднего (полного) общего образования, а также дополнительными образовательными программами для подготовки несовершеннолетних граждан к гражданской службе. Фактически на спорном земельном участке расположены гражданские объекты, используемые в общеобразовательном процессе. Спорный земельный участок не изъят и не ограничен в обороте, относится к землям поселений, категория – земли населенных пунктов.

В удовлетворении заявленных Инспекцией ФНС по Ленинскому району г. Ставрополя требований арбитражным судом было отказано в полном объеме, так как, по мнению суда, закрепленный за училищем земельный участок на праве постоянного (бессрочного) пользования относится к земельным участкам, изъятым из оборота, поскольку учреждение входит в систему органов Министерства обороны Российской Федерации, имущество (здания, строения, сооружения) принадлежит ему на праве оперативного управления, все имущество и земельный участок находятся в собственности Российской Федерации, а спорный земельный участок используется училищем в целях обороны страны.

Как было указано судом, поскольку училище реализует дополнительные образовательные программы, имеющие целью военную подготовку несовершеннолетних граждан мужского пола, является наиболее продуктивной отечественной школой подготовки квалифицированных кадров для профессионального служения государству и поступления в высшие учебные заведения конкретного вида и рода войск, а также на гражданскую и военную службу, являющиеся одним из элементов обороны России в части воспитания и подготовки граждан, то, следовательно, спорный земельный участок фактически используется училищем в целях обороны (постановление Арбитражного суда Северо-Кав-

казского округа от 6 марта 2015 г. № Ф08-598/15 по делу № А63-1980/2014).

Представляется, что последний приведенный пример наиболее ярко свидетельствует о том, что назрела необходимость законодательного закрепления собственно понятия «военный объект» (при этом просто перечисления отдельных объектов в данном случае явно недостаточно) в целях совершенствования законодательства Российской Федерации и, как следствие, единообразного его применения. В связи с этим необходимо определить, что, собственно говоря, следует понимать под военным объектом, так как вышеприведенные примеры показывают, что нередко к военным объектам причисляют любые объекты только на том основании, что они имеют отношение к Министерству обороны Российской Федерации. При этом, как правило, не принимается во внимание то, для каких целей такие объекты используются: 1) военных (непосредственно связанных с войной, военными действиями, обеспечением обороны и безопасности страны), 2) гражданских (например, для проживания военнослужащих и членов их семей, медицинского, социально-бытового и т. п. обслуживания) или 3) для целей двойного назначения (например, для хранения горюче-смазочных материалов, которые могут использоваться как для военной техники (танки, БТР и т. п.), так и для иной техники (грузовые автомобили и т. п.). Иными словами, в приведенных выше примерах, как правило, не делалось различий между военными и гражданскими объектами.

Знание такого различия имеет важнейшее не только теоретическое, но и практическое значение (как в мирное время, так и в период международных и немеждународных вооруженных конфликтов). И здесь следует обратиться к нормам международного гуманитарного права.

Так, согласно норме обычного международного гуманитарного права «...стороны, находящиеся в конфликте, должны в любое время проводить различие между гражданскими объектами и военными объектами. Нападения не могут быть направлены против гражданских объектов»⁹.

Согласно Римскому статуту Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.) «умышленные нападения на гражданские объекты, т. е. объекты, которые не являются военными целями» (Статут МУС, ст. 8 (2) (b) (ii) составляют военное преступление в международных вооруженных конфликтах¹⁰.

Как отмечает Д.С. Маликов, «Статут Международного уголовного суда прямо не называет нападение на гражданские объекты военным преступлением во время немеждународных вооруженных конфликтов. Однако он включает в число военных преступлений уничтожение имущества неприятеля, за исключением случаев, когда такое уничтожение или захват настоятельно диктуются обстоятельствами конфликта. Следовательно, нападение на гражданский объект является военным преступлением по Статуту МУС, т. к. такое нападение не диктуется настоятельно обстоятельствами конфликта»¹¹.

Согласно ст. 52 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), от 8 июня 1977 г. (вступил в силу для СССР 29 марта 1990 г.) (далее по тексту – Дополнительный протокол) нападения должны строго ограничиваться военными объектами, которые ограничиваются теми объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрали-

⁹ Хенкерте Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. МККК., 2006. Т. 1. С. 32.

¹⁰ Римский статут Международного уголовного суда (Статут МУС). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 19.08.2017).

¹¹ Маликов Д.С. Использование понятийного аппарата и норм международного гуманитарного права при квалификации военных преступлений. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.08.2017).

зация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество (п. 2). Гражданские объекты не должны являться объектом нападения или репрессалий (п. 1). В случаях сомнения в том, не используется ли объект, который обычно предназначен для гражданских целей, например, место отправления культа, жилой дом или другие жилые постройки или школа, для эффективной поддержки военных действий, предполагается, что такой объект используется в гражданских целях (п. 3).

Как отмечает В.А. Батырь, «в 1956 г. МККК составил вместе с военными экспертами список объектов, которые обычно рассматриваются как военные. Они включают: оснащение, используемое вооруженными силами; позиции, которые они занимают; министерские службы, курирующие вооруженные силы; склады горючего и автотехники; линии и средства связи и телекоммуникаций; военную промышленность, металлургию, машиностроение и химию. Эти объекты должны приносить военное преимущество. Однако оно должно быть оправдано военной необходимостью. **Вовсе не обязательно разрушать военный объект, если достаточно им овладеть или его нейтрализовать**»¹².

В некоторых случаях исследователи предлагают понимать под военными объектами «войска, находящиеся в районах дислокации, сосредоточения, на марше, на исходных огневых и стартовых позициях, аэродромы, военно-морские базы, военные корабли и транспорты, пункты управления, узлы связи, радиотехнические системы обнаружения, наведения и управления оружием, органы тыла, предприятия, учреждения и организации Вооруженных Сил и других войск, а также объекты, являющиеся местом их военной деятельности»¹³.

В международном гуманитарном праве и практике государств гражданскими объек-

тами считаются города, деревни, жилые районы, жилища, дома и школы, гражданские транспортные средства, больницы, медицинские учреждения и медицинские отделения, исторические памятники, места отправления культа и культурные ценности, а также окружающая среда, при условии, что они не становятся военными объектами. Гражданский объект может подвергаться нападению, когда он утрачивает свой гражданский характер. Кроме того, присутствие гражданских лиц на военных объектах или рядом с ними не предоставляет таким объектам иммунитет от нападений.

В качестве примера можно привести ситуацию, ставшую предметом разбирательства (в части требований заявителей о компенсации морального вреда и имущественного ущерба) Европейского суда по правам человека (постановление от 3 мая 2011 г. «Дело “Керимова и другие (Kerimova and Others) против Российской Федерации”»). Суть дела такова: в октябре 1999 г. в Чеченской Республике вооруженные боевики организовали оборону в населенном пункте Урус-Мартан, запрещая жителям покидать свои дома и используя их в качестве живого щита. Командные пункты боевики расположили в центральной части города, в школе № 7 и здании городской администрации, а в подвалах этих зданий разместили пленных и местных жителей, задержанных за отказ сотрудничать с ними. Федеральными властями было принято решение об уничтожении точечными авиаударами баз боевиков, складов боеприпасов и других важных целей. В связи с этим самолеты нанесли бомбовые удары по базам экстремистов, расположенным в школе № 7 и здании городской администрации. Самолеты также бомбили прямоугольник № 75443 на восточной окраине Урус-Мартана, где находились жилые постройки, подготовленные боевиками к длительной обороне. В этот прямоугольник входили дома Керимовой и других заявителей

¹² Батырь В.А. Международное гуманитарное право: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 19.08.2017).

¹³ URL: <http://textarchive.ru/c-2540447-p7.html>

(всего 19). В результате у заявителей были разрушены дома, а у некоторых погибли родственники. Рассмотрев дело, Европейский суд по правам человека удовлетворил требования заявителей частично, в том числе из-за недостаточной доказанности причинной связи между действиями военных организаций и причиненным вредом и (или) его размером¹⁴.

Данная ситуация наглядно показывает, что военным объектом следует считать объект, являющийся легитимным для разрушения, захвата, нейтрализации или уничтожения, а не любой объект, закрепленный на праве хозяйственного ведения или оперативного управления за воинскими частями и иными организациями, подведомственными Министерству обороны Российской Федерации. Иными словами под военным объектом, по нашему мнению, следует понимать любой материальный объект, в том числе гражданского назначения, который при определенных условиях может представлять собой «военную цель», т. е. цель, на которую направлены действия по ее захвату, уничтожению, нейтрализации, а также иные боевые действия.

Несмотря на то что определение военного объекта, содержащееся в п. 52 Дополнительного протокола, носит общий характер и в определенной степени является оценочным, оно достаточно точно передает конкретное содержание (суть) данного термина. В связи с этим, а также на основании того, что согласно п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации и ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ общепризнанные

принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора, определение военного объекта, сформулированное в Дополнительном протоколе, целесообразно закрепить в федеральном законе в качестве легального.

Следует отметить и тот факт, что в нормативных правовых актах и международных соглашениях Российской Федерации наряду с термином «военный объект» используются и такие термины, как «объект военной инфраструктуры», «объект военного назначения» и др. Представляется, что данные термины не тождественны и не являются синонимом термина «военный объект», хотя в определенном смысле и являются близкими по смыслу¹⁵.

Так, например, согласно ст. 2 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Армения о совместном использовании объектов военной инфраструктуры (Москва, 1 октября 2002 г.) под объектами военной инфраструктуры понимаются размещенные в границах региона пункты управления войсками, места дислокации войск (сил), система инженерного оборудования местности, позиции и объекты сил и средств ПВО, аэродромы, узлы и линии связи, полигоны, арсеналы, базы, склады, предприятия по ремонту военной техники и другие объекты, которые используются войсками (силами) при повседневной деятельности в мирное время и которые планируется использовать в период военных действий¹⁶.

¹⁴ Постановление Европейского суда по правам человека от 3 мая 2011 г. «Дело “Керимова и другие (Kerimova and Others) против Российской Федерации”» (жалобы № 17170/04, 22448/04, 23360/04, 5681/05 и 5684/05 (Первая секция) // Бюл. Европейского суда по правам человека. Рос. изд. 2013. № 1.

¹⁵ См., например: Федеральный закон «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ; Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения о совместном использовании объектов военной инфраструктуры (Москва, 1 октября 2002 г.); Указ Президента Российской Федерации «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» от 16 августа 2004 г. № 1082; Постановление Правительства Российской Федерации «О противопожарном режиме» от 25 апреля 2012 г. № 390; Постановление Правительства Российской Федерации «Об определении органами государственной власти субъектов Российской Федерации мест массового скопления граждан и мест нахождения источников повышенной опасности, в которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции, а также определении органами местного самоуправления границ прилегающих к некоторым организациям и объектам территорий, на которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции» от 27 декабря 2012 г. № 1425.

¹⁶ Бюл. междунар. договоров. 2004. № 6.

Под объектами военной инфраструктуры в Постановлении Правительства Российской Федерации «Об утверждении правил выдачи разрешений на строительство объектов недвижимости федерального значения, а также объектов недвижимости на территориях объектов градостроительной деятельности особого регулирования федерального значения» от 10 марта 2000 г. № 221 понимаются специальные технологические комплексы, здания и сооружения, предназначенные для управления войсками, размещения и хранения военной техники, военного имущества и оборудования, испытания вооружения, а также военные городки, производственные предприятия, общественные здания и сооружения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, обеспечивающих оборону и безопасность Российской Федерации.

Таким образом, объекты военной инфраструктуры представляют собой часть военного имущества (под которым, в свою очередь, следует понимать все движимое и недвижимое имущество, закрепленное на праве хозяйственного ведения и оперативного управления за воинскими частями и иными организациями, подведомственными Министерству обороны Российской Федерации), а именно недвижимое имущество, входящее в определенный имущественный комплекс.

Примечательно, что слово «инфраструктура» происходит от латинских слов *infra* – «под», «ниже» и *structura* – «расположение», «строение» и в современном общеупотребительном значении понимается как совокупность предприятий, учреждений, систем управления, связи и т. п., обеспечивающих деятельность общества или какой-либо ее сферы; термин появился в 1920 – 1928 гг. в английском языке и первоначально использовался в военной сфере для обозначения комплекса сооружений, обеспечивающих действия вооруженных сил.

Военный энциклопедический словарь, размещенный на официальном сайте Министерства обороны Российской Федерации, содержит следующее определение термина «военная инфраструктура» – это «совокупность военных объектов и отдельных сооружений, предназначенных для обеспечения выполнения войсками стратегических, оперативно-стратегических, оперативных и боевых задач вооруженной борьбы, а также для размещения и проведения повседневной подготовки войск и обслуживания военного производства в мирное время. Военная инфраструктура включает: пункты управления, пункты дислокации войск, аэродромы, военно-морские базы, ракетные позиции, системы связи, системы инженерного оборудования местности, полигоны, склады и др. Создание объектов военной инфраструктуры направлено на поддержание постоянной готовности войск (сил), на достижение их высокой мобильности и живучести, а также на бесперебойное и всестороннее их обеспечение в повседневной деятельности и в ходе ведения военных (боевых) действий»¹⁷. Представляется, что данное понятие, наряду с понятием «военный объект», также целесообразно закрепить в законе.

Что касается понятия «объект военного назначения», то оно содержится, в частности, в Указе Президента Российской Федерации «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» от 16 августа 2004 г. № 1082, в котором указано, что Министерство обороны Российской Федерации осуществляет, в частности, полномочия по организации совместно с иными заинтересованными федеральными органами исполнительной власти спасания на море военных кораблей и военно-вспомогательных судов, а также поиска и эвакуации с места посадки спускаемых космических объектов военного назначения. В отличие от термина «военный объект» термин «объект военного назначения» широкого распространения не получил и

¹⁷ URL: www.encyclopedia.mil.ru

употребляется в нормативных правовых актах крайне редко. Можно предположить, что «объект военного назначения» может в конкретных случаях пониматься и как военное имущество, и как военный объект.

На основании вышеизложенного считаем целесообразным дополнить п. 12 ст. 1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ абзацами следующего содержания:

«Часть имущества Вооруженных Сил Российской Федерации относится к военным объектам, под которыми понимаются объекты, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает военное преимущество в случае немеждународного или международного вооруженного конфликта.

Совокупность военных объектов и отдельных сооружений, закрепленных за Вооруженными Силами Российской Федера-

ции и предназначенных для обеспечения выполнения ими стратегических, оперативно-стратегических, оперативных и боевых задач вооруженной борьбы, а также для размещения и проведения повседневной подготовки войск и обслуживания военного производства в мирное время, составляет военную инфраструктуру Вооруженных Сил Российской Федерации».

В заключение следует отметить, что понятийный аппарат и нормы международного гуманитарного права и военного права Российской Федерации, в том числе определения понятий военных объектов, объектов военной инфраструктуры и т. п., обладают явно выраженной спецификой, научное познание которой является одной из актуальных проблем современной правовой и в первую очередь военно-правовой науки. Проведение соответствующего научного исследования не только обогатило бы современную науку военного права, но и способствовало бы повышению уровня обороноспособности и безопасности Российской Федерации.

ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЗАБЫЛИ ВКЛЮЧИТЬ В СИСТЕМУ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ

Е.А. Глухов, старший преподаватель Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии, подполковник юстиции, кандидат юридических наук

Всякое общество вправе требовать от власти: «Правьте нами так, чтобы нам удобно жилось».

Но бюрократия думает иначе:

«Нет, вы живите так, чтобы нам удобно было управлять вами».

Василий Ключевский

Более семи лет прошло с тех пор, как в России был принят Федеральный закон «Об

организации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹, различными федеральными законами в него были внесены уже 27 изменений, однако до настоящего времени имеются пробельности в сфере его регулирования. В частности, до настоящего времени у различных правоприменителей и толкователей данного Закона нет единого мнения о том, какие же виды деятельности чиновников к оказанию

¹ Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (в редакции от 28 декабря 2016 г.).

этих услуг относятся, а какие – не относятся. Вот этот вопрос и постараемся рассмотреть в настоящей статье на примере довольно большой части российского общества – военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы.

Итак, в соответствии с ч. 1 ст. 2 названного Федерального закона «государственная услуга – это *деятельность по реализации функций* (здесь и далее курсив мой. – Е. Г.) соответственно федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, которая осуществляется *по запросам* заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий органов, предоставляющих государственные услуги».

Из анализа приведенного определения следует, что к государственным услугам относятся любые действия государственных чиновников в пределах своих полномочий по реализации функций своих же государственных органов, если эти действия осуществляются по запросам заявителей.

Как верно указывают комментаторы вышеназванного Федерального закона, под государственными и муниципальными услугами можно понимать деятельность органов исполнительной власти (учреждения) в соответствии со своей компетенцией по исполнению запроса физического и юридического лица о признании, установлении, изменении или прекращении его прав и

обязанностей, установлении юридических фактов, получении материальных и финансовых средств в случаях и порядке, которые предусмотрены законодательством, а также о предоставлении документированной информации. Государственная услуга – это практически любые действия органа власти, которые он обязан выполнить в отношении гражданина или организации, все, на что получатель имеет право при наличии соответствующих условий, что он вправе потребовать от государства по закону².

Предоставление услуги выражается в действиях органа власти (решениях), влекущих правовые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения акта о праве, т. е. оказание государственной услуги имеет юридические последствия, что оформляется документально (критерий – юридически значимая деятельность органа). По этому критерию можно четко отграничить государственную услугу от обслуживания граждан (консультирование, прием обращений, иные действия, не влекущие правовых последствий)³.

Проще говоря, когда гражданин обращается за реализацией своего субъективного права к государству или местным органам власти, то такие правоотношения должны регулироваться именно законодательством о публичных услугах.

Автор полностью поддерживает мнение авторов методики разработки стандартов образовательных услуг⁴, которые выделяют в качестве базовых следующие признаки государственных услуг: адресность (наличие конкретного лица, обратившегося за получением услуги), ведь даже в тех случаях, когда инициатором оказания услуги выступает государство (например, замена водительских удостоверений, регистрация по месту жительства), всегда есть конкретное лицо, которое обращается за получением

² Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (постатейный) / Р.В. Амелин [и др.]; под ред. С.Ю. Наумова. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Мицкевич Л.А. Предоставление публичных услуг как вид государственного управления // Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): сб. / под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. М., 2007. С. 65.

⁴ Методика разработки стандартов государственных услуг, разработанная в рамках реализации проекта «Обобщение лучшей практики, разработка и внедрение методик проведения стартовых мероприятий административной реформы», поддержанного Трастовым фондом ММР Великобритании по техническому содействию реформе государственной службы в Российской Федерации.

ем этой услуги; связь с правами и обязанностями граждан (в большинстве случаев государственная услуга является способом реализации гражданином (организацией) принадлежащих ему прав и свобод либо способом реализации возложенной на него обязанности); наличие властного субъекта (органа исполнительной власти или иного субъекта, действующего по его поручению).

В теории пока, вроде бы, все гладко. Но, как известно, дьявол кроется в деталях.

Дело в том, что в Федеральном законе «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – Закон № 210-ФЗ) весьма подробно изложены тонкости относительно прав заявителей, ведения электронного взаимодействия различных органов, порядка обжалования, деятельности многофункциональных центров и т. п. Но в самом Законе не прописано главное – какая деятельность государственных и муниципальных органов подпадает под определение государственных и муниципальных услуг, а какая – не подпадает. В Законе № 210-ФЗ нет ни наименования государственных услуг, ни указания сфер жизни, в которых они должны оказываться, не конкретизировано, какие субъекты должны оказывать какие государственные услуги. По-видимому, авторы законопроекта сочли, что и так все понятно и незачем детализировать эти мелочи в законе. Однако не существует и иного нормативного акта, где содержался бы исчерпывающий перечень публичных услуг или хотя бы сфер деятельности, в которых граждане реализуют свои субъективные права в порядке получения публичных услуг.

Однако в реальности такая юридическая техника законодателя привела к некой путанице. Тем более сами публичные органы власти далеко не всегда заинтересованы в том, чтобы к их деятельности применялись положения Закона № 210-ФЗ.

Поясним данную проблему подробнее. Начнем с того, что сам Закон № 210-ФЗ содержит труднопонимаемые формулировки с предложениями, состоящими из нескольких причастных оборотов, а также близкие по звучанию, но разные по смыслу дефиниции, что вводит в заблуждение правоприменителей. Так, кроме собственно определения «государственные и муниципальные услуги», Закон оперирует еще и другим словосочетанием – «услуги, предоставляемые государственными и муниципальными учреждениями и другими организациями, в которых размещается государственное задание (заказ) или муниципальное задание (заказ)».

Анализ положений Закона № 210-ФЗ свидетельствует о том, что приведенные выше дефиниции не тождественны. Вторая категория услуг оказывается не органами государственной власти, а подведомственными им учреждениями и другими организациями, и лишь при наличии государственного (муниципального задания (заказа)) на предоставление такого рода услуг. И только указанные виды услуг (оказываемые учреждениями по заказам органов власти) подлежат включению в реестр государственных или муниципальных услуг и предоставляются в электронной форме, да и сам Перечень услуг, утвержденный Правительством Российской Федерации⁵, распространяется только на них.

Таким образом, «услуги, предоставляемые государственными и муниципальными учреждениями и другими организациями, в которых размещается государственное задание (заказ) или муниципальное задание (заказ)» являются одним из видов государственных (муниципальных) услуг. Но, кроме них, существуют и другие виды государственных и муниципальных услуг.

В научной литературе выделяют следующие виды государственных и муниципаль-

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня услуг, оказываемых государственными и муниципальными учреждениями и другими организациями, в которых размещается государственное задание (заказ) или муниципальное задание (заказ), подлежащих включению в реестры государственных или муниципальных услуг и предоставляемых в электронной форме» от 25 апреля 2011 г. № 729-р (в редакции от 19 июля 2017 г.).

ных услуг, которые оказывают учреждения. Первая группа – услуги, закрепленные в ч. 3 ст. 1 Закона № 210-ФЗ (услуги, оказываемые в рамках государственного или муниципального задания в электронной форме, внесенные в реестр государственных и муниципальных услуг). Вторая группа – услуги, оказываемые государственными или муниципальными учреждениями, выступающими в роли подведомственных государственному органу или органу местного самоуправления организаций (абз. 8 ст. 2, ст.ст. 4, 6 и другие статьи Закона № 210-ФЗ). К таким услугам относятся необходимые и обязательные услуги для оказания государственных и муниципальных услуг (например, выдача справки о состоянии здоровья, которая необходима для получения государственной услуги «выдача водительского удостоверения»). Наконец, третья группа услуг – это услуги, оказываемые государственными и муниципальными учреждениями в сфере образования, здравоохранения, культуры, спорта, социальной защиты и пр.⁶

Чем хорош Закон № 210-ФЗ? Как указывалось в проекте данного закона, представленном на подпись Президенту Российской Федерации, его принятие позволит обеспечить:

- снижение издержек граждан на преодоление административных барьеров, взаимодействие с органами власти;
- повышение качества и эффективности исполнения принимаемых решений;
- повышение уровня удовлетворенности граждан качеством и доступностью государственных и муниципальных услуг;
- единообразную правовую регламентацию действий и процедур по исполнению государственных функций, процедур внутренней деятельности органов власти и их взаимодействия между собой;

– оптимизацию показателей исполнения государственной функции, в том числе в интересах граждан и организаций, реализация прав и обязанностей которых обеспечивается исполнением государственной функции;

– доступность информации о порядке и ходе исполнения государственной функции на каждой стадии;

– контроль исполнения государственных функций⁷.

Действительно, с вступлением в силу Закона № 210-ФЗ государственные и муниципальные услуги должны предоставляться на бесплатной основе, многие из них стали доступны и в электронной форме, а публичные органы власти более не вправе требовать от заявителя:

1) представления документов и информации или осуществления действий, которые не предусмотрены нормативными правовыми актами, регулирующими отношения в связи с предоставлением государственных и муниципальных услуг;

2) представления документов и информации, в том числе подтверждающих внесение заявителем платы за предоставление услуг, которые находятся в распоряжении органов, предоставляющих государственные услуги, органов, предоставляющих муниципальные услуги, иных государственных органов, органов местного самоуправления либо подведомственных им организаций (за редким исключением, оговоренным в самом Законе);

3) осуществления действий, в том числе согласований, необходимых для получения государственных и муниципальных услуг и связанных с обращением в иные организации (за исключением случаев, оговоренных в самом Законе)⁸.

Обобщенная цель принятия Закона № 210-ФЗ – оптимизация (повышение качест-

⁶ Кирилова Н.А. Учреждения как субъекты оказания государственных и муниципальных услуг // Конституцион. и муницип. право. 2014. № 12. С. 61 – 65.

⁷ Проект федерального закона № 254940-5 «Об общих принципах организации предоставления государственных (муниципальных) услуг и исполнения государственных (муниципальных) функций». Данный Федеральный закон впоследствии был принят Государственной Думой.

⁸ Статья 7 Закона № 210-ФЗ.

ва) оказания услуг населению, повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти, ориентация деятельности государственных органов на человека. Однако все эти правильные по сути вещи хороши, когда нет спора о предмете указанных выше государственных услуг.

Исходя из того что реализовывают в рамках сервисных правоотношений субъективные права граждан государственные органы и эта деятельность является функцией публичных органов власти, рассмотрим законодательство о функциях публичных органов в указанной сфере. Согласно подп. «д» п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314⁹ под функциями по оказанию государственных услуг понимается предоставление федеральными органами исполнительной власти непосредственно или через подведомственные им федеральные государственные учреждения либо иные организации услуг гражданам и организациям в области образования, здравоохранения, социальной защиты населения и в других областях, установленных федеральными законами. Из данного нормативного акта следует вывод о том, что граждане получают государственные услуги в первую очередь по социальным вопросам¹⁰, именно в этой сфере отношений и требуется максимально возможно организовать государственные услуги населению.

На практике население пользуется тем, что есть, тем, что ему дала власть. Те услуги, которые указаны на едином портале государственных и муниципальных услуг (www.gosuslugi.ru), по мнению органов власти, и относятся к публичным услугам; которые там не указаны – не относятся.

Однако от того, разместили ли чиновники в Интернете какую-либо услугу либо не разместили, ее суть не меняется. Размещение публичной услуги на сайте или перевод ее в электронный вид не изменяет самого характера взаимодействия получателя государственной услуги, пытающегося реализовать свое субъективное право, и органа власти, обязанного лично или через сторонние организации эту услугу предоставить.

Правоту вышеприведенного утверждения подтверждает и то, что количество государственных и муниципальных услуг, предоставляемых гражданам в многофункциональных центрах, постоянно растет. Так, по данным, предоставленным официальными должностными лицами различных субъектов России, в ноябре 2012 г. многофункциональные центры (МФЦ) оказывали 17 государственных услуг¹¹, в августе 2016 г. – 90 государственных услуг¹², а по состоянию на июль 2017 г. – 268 государственных услуг¹³.

Кроме того, необходимо учитывать, что не все даже общепризнанные государственные услуги переведены в полностью электронный вид (например, это все, что касается паспортов). Как пояснил руководитель Федеральной службы по аккредитации А.И. Херсонцев, даже с бурным развитием электронных услуг, к сожалению, в ближайшем будущем не пропадет потребность получить финальный результат услуги в бумаге¹⁴.

Таким образом, и многофункциональные центры не являются монополистами на оказание государственных и муниципальных услуг, некоторые из них можно получить как в МФЦ, так и в государственном (му-

⁹ Указ Президента Российской Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г. № 314 (в редакции от 22 июня 2010 г.).

¹⁰ Глухов Е.А. Предоставление государственных услуг в сфере жилищного обеспечения военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2013. № 6. С. 52 – 62.

¹¹ Интервью министра информационной политики и массовых коммуникаций Чувашской Республики В. Андреевой от 20 ноября 2012 г. URL: http://info.cap.ru/news/2012/11/20/16-00_Valentina_Andreeva_-_gostj_programmi_Vesti_intervjyu.

¹² Интервью заместителя директора по основной деятельности ГБУ «МФЦ» Курганской области С. Казакова от 29 августа 2016 г. URL: <https://www.mfc45.ru/news/548.html>.

¹³ Интервью директора ГБУ «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг» Свердловской области Н. Лунеговой. URL: <https://www.vashkontrol.ru/articles/1456>.

¹⁴ URL: http://www.mfc-chita.ru/chita/novosti/mfc-moi-dokumenty/intervyu-direktora-departamenta-gosudarstvennogo-regulirovaniya-ekonomike-ministerstva-ekonomicheskogo-razvitiya-rf-alekseya-hersonceva-chto-takoe-mfc-o-ego-strukture-razvitiya-perspektivah-i-planah_10275

ниципальном) органе, а некоторые – только в государственном (муниципальном) органе.

Учитывая, что количество государственных и муниципальных услуг, предоставляемых МФЦ, постоянно растет, а также то, что некоторые из них до настоящего времени не переведены в электронную форму, получаем, что нет четко определенной сферы действия Закона № 210-ФЗ, а сами граждане не могут применить его положения ко многим этапам взаимоотношений с чиновниками.

Так в чем же практическая проблема описанной ситуации для военнослужащих? В том, что при применении Закона № 210-ФЗ органами власти военнослужащие оказались людьми «второго сорта» по сравнению с обычными гражданами.

Поясним на примере. На едином портале государственных услуг среди самых распространенных есть, например, следующие:

- установление пенсии;
- предоставление санаторно-курортного лечения;
- учет нуждающихся в жилье.

На указанном портале заявителям предлагается заполнить и подать соответствующее заявление по назначению или перерасчету пенсии, получению путевки на санаторно-курортное лечение, узнать особенности постановки на жилищную очередь в своем регионе. И обычные граждане могут получить государственные услуги по данным социальным гарантиям.

Если же по тем же самым вопросам обратятся не обычные граждане, а военнослужащие, то это уже якобы и не является государственными услугами.

Различие состоит в субъектах, которые реализуют указанные субъективные права заявителей. Да, действительно, если обычные граждане получают пенсию из Пенси-

онного фонда, то бывшим военнослужащим пенсию начисляет и выплачивает военное ведомство. Если предоставление санаторно-курортного лечения обычным имеющим на то право гражданам осуществляет Фонд социального страхования, то военнослужащим – военное ведомство. Если обеспечение жильем (и соответственно учет нуждающихся в жилье) обычных граждан осуществляют органы местного самоуправления, то военнослужащих – органы военного управления.

Однако разница в государственных органах, обязанных реализовывать субъективные права граждан, не изменяет самой сути правоотношений. Если для всех граждан это государственная услуга, то и для военнослужащих это должно быть так.

Аналогично можно привести пример оказания государственной услуги Минобрнауки России по присвоению ученых званий доцента и профессора¹⁵. Так почему не признать государственной услугой присвоение военнослужащим статуса ветерана военной службы или ветерана боевых действий?

Кроме того, в Перечень услуг, которые являются необходимыми и обязательными...¹⁶ входят и те государственные услуги, которые издавна оказываются военным ведомством. Это, например, медицинское освидетельствование для определения причинной связи увечий, заболеваний у военнослужащих и выдача заключения о причинной связи увечий (травм, ранений, контузий), заболеваний военно-врачебными комиссиями, выдача справки о получении увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания в период прохождения военной службы военно-медицинскими учреждениями.

Вместе с тем, на едином портале государственных услуг автор действительно обнаружил перечень услуг, которые предо-

¹⁵ Приказ Минобрнауки России «Об утверждении Административного регламента Министерства образования и науки Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по присвоению ученых званий профессора и доцента» от 25 декабря 2014 г. № 1620 (URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 21.05.2015).

¹⁶ Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Перечня услуг, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления федеральными органами исполнительной власти, Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» государственных услуг и предоставляются организациями, участвующими в предоставлении государственных услуг, и определении размера платы за их оказание» от 6 мая 2011 г. № 352 (в редакции от 15 февраля 2017 г.).

ставляет, например, Минобороны России (<https://www.gosuslugi.ru/structure/10000001265>). Их семь, но ни одна из них не предоставляется военнослужащим, ни одна не связана с их социальными правами.

Видимо, как это довольно часто бывает, авторы концепции перехода к сервисному государству, не предусмотрели, что довольно большая часть населения России (военнослужащие и граждане, уволенные с военной службы) получает многие социальные гарантии в особом порядке – от военного ведомства. В соответствии с пп. 2 и 3 ст. 3 Федерального закона «О статусе военнослужащих»¹⁷ правовая защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является функцией государства и предусматривает закрепление в законах и иных нормативных правовых актах прав, социальных гарантий и компенсаций указанных лиц и иных мер их социальной защиты, а также правовой механизм их реализации. Социальная защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является также функцией государства и предусматривает в том числе реализацию их прав, социальных гарантий и компенсаций органами государственной власти, федеральными государственными органами, органами военного управления и органами местного самоуправления; а также совершенствование механизмов и институтов социальной защиты указанных лиц.

В некоторой мере корреспондирует с вышеприведенной нормой Федерального закона «О статусе военнослужащих» и п. 1 ст. 32 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»¹⁸, согласно которому контракт о прохождении военной службы (где указано на предоставление социальных гарантий) заключается военнослужащим, с одной стороны, и от имени

Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, в котором законом предусмотрена военная служба, – с другой, т. е. стороны контракта: гражданин и военное ведомство, именно они и выражают согласие исполнять свои обязанности.

В положениях о федеральных органах исполнительной власти, в которых предусмотрено прохождение военной службы, также закрепляются положения о социальной защите личного состава и обеспечении его всеми видами довольствия. Так, например, на Минобороны России возложены задачи по социальной защите военнослужащих и членов их семей, в полномочия Минобороны России входит расквартирование и обустройство войск (сил), управление и распоряжение закрепленным за ним жилищным фондом, организация пенсионного обеспечения¹⁹.

Кроме того, что социальные гарантии предоставляются военнослужащим военным ведомством, некоторые из них могут быть реализованы военнослужащим только после подачи соответствующего заявления (рапорта). В Федеральном законе «О статусе военнослужащих», например, приведены следующие права военнослужащих, имеющие заявительный характер: получение денежной компенсации за неиспользованные сутки отдыха (п. 3 ст. 11) и денежной компенсации за вещевое имущество (п. 2 ст. 14), предоставление дополнительного отпуска по личным обстоятельствам (п. 10 ст. 11), регистрация по месту жительства по адресам военных организаций (п. 3 ст. 15) и т. д. А рассмотрение государственными служащими заявлений граждан по вопросам их социального обеспечения, образования, здравоохранения, жилищного обеспечения уже само по себе является оказанием государственной услуги²⁰.

¹⁷ Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (в редакции от 1 июля 2017 г.).

¹⁸ Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (в редакции от 26 июля 2017 г.).

¹⁹ Положение о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» от 16 августа 2004 г. № 1082.

²⁰ См., например, определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 октября 2011 г. № 56-Г11-16 (URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=463546).

Таким образом, можно констатировать, что реализация тех социальных прав военнослужащих, которая осуществляется по их заявлениям, имеет все основания быть отнесенной к сфере оказания государственных услуг. Однако в настоящее время такая практика не налажена, военнослужащим и бывшим военнослужащим органы военного управления отказывают в применении к возникшим с ними правоотношениям Закона № 210-ФЗ, что влечет для заявителей дополнительные трудности (самостоятельное получение документов из других государственных организаций, замедление сроков рассмотрения документов, необходимость отрыва от исполнения служебных обязанностей и т. п.). Если для реализации прав военнослужащего один чиновник дает справку, другой справку на справку, а третий проверяет первых двух, то отмена этой бумаги или замена ее электронным документом из единой базы данных втрое сокращает и затраты, и волокиту, и нервы заявителей.

По-видимому, такое положение дел стало возможным в результате незаинтересованности чиновников военного ведомства переходить на систему межведомственного взаимодействия, так как повышается ответственность за качество работы (все их действия становятся прозрачными), сокращаются рабочие места (человека заменяет компьютер). Информационная закрытость военной службы позволяет чиновникам быть неотягощенными контролем, который могло бы осуществлять гражданское общество.

Еще одна очень серьезная причина – это бюрократизм, который проявляется в неэффективном принятии решений по внедрению технологий электронного взаимодействия власти и населения. Усложняя различными требованиями о получении справок, прибытии на личный прием, возлагаяременительные или незаконные обязанности на обычных граждан, бюрократия в то

же время забывает об их правах. Ставя в трудное положение обычного человека (своего потенциального клиента), бюрократ вправе рассчитывать на дополнительный приработок, взятку с его стороны за помощь или совет в решении вопроса данного клиента, за уклонение человека от юридической ответственности и т. п. Чем больше бесконтрольная власть бюрократии, тем больше возможности у бюрократических хапуг требовать взятки или работать по принципу «будешь должен».

И поэтому во многих программных документах, касающихся государственных услуг при реализации социальных прав граждан, военные ведомства не указаны в качестве исполнителей. Так, например, в соответствии с приказом Минфина России от 16 июня 2014 г. № 49н²¹ федеральным органам исполнительной власти предписано провести работу по выработке общей политики предоставления услуг, по утверждению их базовых перечней. Однако такого рода деятельность в области социальной защиты населения целиком возложена на Минтруд России, а предоставление такого рода услуг в МФЦ – на Минэкономразвития России. Военные ведомства отстранены от ведения данной работы, хотя имеется явная необходимость в переходе на электронное взаимодействие со многими заявителями, что приведет и к более объективной независимой оценке деятельности чиновников военного ведомства.

Следует отметить, что в СМИ иногда встречаются инициативы военного ведомства по использованию технологий государственных услуг. Так, 12 июля 2017 г. на официальном сайте Минобороны России была опубликована новость о том, что в Москве стартовал пилотный проект городского военного комиссариата и центров государственных услуг «Мои документы», который повысит для граждан доступность мероприятий по воинскому учету. Теперь

²¹ Приказ Минфина России «Об утверждении Перечня видов деятельности, по которым федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленных сферах деятельности, формируются базовые (отраслевые) перечни государственных и муниципальных услуг и работ» от 16 июня 2014 г. № 49н (в редакции от 17 ноября 2016 г.).

военнослужащие запаса, обратившись в центры госуслуг, смогут встать на воинский учет или сняться с него, изменить персональные данные, а также получить военные билеты взамен утраченных, негодных или потерявших актуальность. Специалисты центров подготовят необходимые документы вместе с сотрудниками военкоматов. Пока проект проходит апробацию на базе центров десяти районов Москвы²².

Подводя итог, хотелось бы отметить, что государство создано для оказания услуг гражданам, что удовлетворение потребностей граждан – основная цель существования государства. Российская Федерация провозглашает приоритет прав человека как высшей ценности, определяющей смысл и содержание деятельности государственных органов.

Ключевым моментом проводимой уже целое десятилетие административной реформы является переход к управлению по результатам. В значительной степени определение результативности деятельности органов власти связано с качеством услуг, предоставляемых ими (непосредственно или через подведомственные организации) гражданам и организациям. Так, в соответствии с Концепцией административной реформы одной из основных ее целей являлось повышение качества и доступности государственных услуг.

Президентом Российской Федерации еще в 2012 г. поставлены задачи достижения следующих показателей:

– уровень удовлетворенности граждан России качеством предоставления государственных и муниципальных услуг к 2018 г. – не менее 90 %;

– доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, к 2018 г. – не менее 70 %;

– доля граждан, имеющих доступ к получению государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна» по месту пребывания, в том числе в многофункциональных центрах предоставления государственных услуг, к 2015 г. – не менее 90 %²³.

К сожалению, получившая в последние годы распространение концепция «сервисного государства» и «государственных услуг», призванная обеспечить особый уровень эффективности публичных функций органов государственной власти во взаимодействии с обществом, во взаимоотношениях военнослужащих и бывших военнослужащих с военным ведомством не дала ожидаемых результатов. Государство, по мнению автора, обязано принять меры по переводу многих процессов реализации социальных гарантий военнослужащих и бывших военнослужащих в русло предоставления государственных услуг.

Информация

В Калининградской области по материалам военных прокуроров управляющая компания привлечена к административной ответственности

08.09.2017

Проверкой 73 военной прокуратуры гарнизона установлено, что управляющей компанией ООО «Главное управление жилищным фондом» надлежащая эксплуатация 11 жилых домов в г. Ладушкин Калининградской области не обеспечивается, лицензионные требования к содержанию жилого фонда в полном объеме не исполняются.

По материалам военных прокуроров юридическое лицо – ООО «Главное управление жилищным фондом» привлечено к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.1.3 КоАП РФ (осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами с нарушением лицензионных требований) в виде штрафа 600 тыс. рублей.

<http://gvp.gov.ru/>

²² URL: <https://tvzvezda.ru/news/forces/content/f8c0991f67d11732a23a30b24c1d86ca51d01ec1d17fd36eca778bc1bf299a76>

²³ Указ Президента Российской Федерации «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» от 7 мая 2012 г. № 601.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА ПО ВОЕННОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

(вопросы совершенствования правовой работы)

*О.А. Овчаров, кандидат юридических наук, кафедра военной администрации,
административного и финансового права Военного университета*

Религиозная деятельность духовенства в войсках и сопровождение военным духовенством действующих армий во время военных походов имеет давнюю историю как в России, так и за рубежом. Правовое регулирование этой деятельности в современной России в условиях воссоздания штатного военного духовенства представляет особенный интерес, поскольку военное законодательство создает ряд проблем надлежащей деятельности штатного военного духовенства в войсках и требует соответствующего дальнейшего совершенствования.

Корни мировой истории военного духовенства уходят к ветхозаветным временам. Из книги Иисуса Навина мы знаем, что священники сопровождали израильскую армию и проводили богослужения в походе (Иис. Нав. 3: 6,14; 6: 3, 5, 7 – 8, 11 – 12, 15). Хотя ветхозаветное духовенство не может рассматриваться как священники с современной точки зрения, их роль в вооруженных формированиях Израиля того времени является примером организованного духовного окормления воинов. В языческих государствах полководцы никогда не отправлялись в походы без жрецов и гадалей, которые должны были поднимать бо-

евой дух у воинов. Первое узаконивание участия священников в военной службе произошло в 742 или 743 гг. Такое решение было принято на первом восточно-франкском соборе (Consilium Germanicum), который прошел в г. Регенсбург (Германия)¹.

В большинстве современных стран церковь формально отделена от государства. Тем не менее, она имеет прочные позиции в вооруженных силах. Ее представители в армии и на флоте – капелланы – пользуются всеми правами и привилегиями офицеров, находятся на полном содержании военного ведомства. Так, например, в наставлении американской армии FM 16-5 «Капеллан» записано: «Капеллан является первым советником и консультантом командира по всем вопросам, связанным с религией, нравственностью и моральным состоянием личного состава части». Здесь же подчеркивается, что в обязанности капеллана входит «помощь военнослужащим в выработке таких качеств, как стойкость, выносливость, непримиримость к врагу, почтительность к командирам и начальникам». Иными словами, круг обязанностей военного священника выходит далеко за пределы чисто религиозной деятельности и вклю-

¹ Колесов П. Роль института военных священников в вопросе укрепления морального духа военнослужащих иностранных армий [Электронный ресурс]. URL: <http://pentagonus.ru/publ/5-1-0-590> (дата обращения: 29.06.2017).

чает в себя формирование воинских качеств солдат и матросов, их взглядов и настроений, морально-политического облика². В Германии, например, формы работы военных священников определены директивой минобороны ФРГ: богослужения и обряды; работа в советах при командирах частей, занятия вопросами морали; групповые и индивидуальные беседы с воинами; участие в организации их досуга и т. д. Важность и сложность религиозной деятельности в войсках оказались настолько велики, что в 1978 г. было создано научно-исследовательское учреждение Военно-церковной службы бундесвера – католический институт теологии и мира³.

Современное российское законодательство также возлагает на командиров и военных священнослужителей ряд полномочий в области религиозных правоотношений, при применении которых на практике перед ними встает ряд проблем и противоречий, обусловленных несовершенством законодательства и правовой работы, не успевающими за бурно меняющимися событиями и социальными процессами. Рассмотрим кратко некоторые из них.

1. В соответствии с п. 3 ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» религиозная *символика*, религиозная *литература* и *предметы культа* используются военнослужащими *индивидуально*. Вместе с тем, ст. 28 Конституции России устанавливает, в том числе право исповедовать любую религию не только индивидуально, но и *совместно с другими*. При этом Конституция России не устанавливает каких-либо ограничений в отношении религиозной символики, религиозной литературы или предметов культа, используемых при совместном вероисповедании, в том числе в отношении такой категории граждан, как военнослужащие. В этой связи возникает ряд вопросов.

Не противоречит ли п. 3 ст. 8 вышеназванного Закона ст. 28 Конституции России, ограничивая право верующих военнослужащих исповедовать свою религию совместно с другими гражданами, в том числе и военнослужащими, используя религиозную символику, религиозную литературу и предметы культа? Как быть с воинскими храмами – христианскими символами, которых становится в войсках все больше и больше и в которых совместно молятся военнослужащие, исповедуя таким образом свою религию? Как быть с религиозными обрядами и богослужениями, совершаемыми в этих храмах военнослужащими? Как быть с используемыми совместно на этих богослужениях Библией, Евангелием, Апостолом, Псалтирью и другой религиозной литературой – ведь они содержат религиозную символику, являются предметами культа, при этом используются военнослужащими совместно с другими военнослужащими под общим руководством военного священнослужителя, т. е. коллективно, а не индивидуально? Что делать командирам – запрещать такую деятельность во исполнение Федерального закона «О статусе военнослужащих» и нарушать тем самым Конституцию России или разрешать подобные коллективные богослужения на территориях воинских частей во исполнение Конституции России и нарушать указанный Закон? И в том и в другом случае командир, как видно, становится правонарушителем.

Анализ п. 3 ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в сопоставлении с положениями Конституции России по данному вопросу и деятельностью воссоздаваемого по решению руководства страны военного духовенства в войсках показывает, что он во многом устарел и требует доработки с учетом динамично меняющейся обстановки и условий жизни, религиозной ситуации и военных угроз, решений

² Религиозная пропаганда в зарубежных армиях [Электронный ресурс] // Зарубежное военное обозрение. 7.01.2014. URL: <http://www.zvo.su/voennye-problemy/religioznaaya-propaganda-v-zarubezhnyh-armiyah.html> (дата обращения: 19.07.2017).

³ Баранов В. Военные священники: зарубежный опыт [Электронный ресурс] // Белорус. воен. газ. 29.09.2011. № 185. URL: <http://vsr.mil.by/2011/09/29/voennye-svyashhenniki-zarubezhnyj-opyt/> (дата обращения: 19.07.2017).

руководителей государства и воли большинства верующих военнослужащих – воли, через которую реализуется закрепленный в ст. 1 Конституции России принцип демократизма.

С учетом данных обстоятельств представляется целесообразным п. 3 ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» изложить в следующей редакции:

«3. Религиозная символика, религиозная литература и предметы культа используются военнослужащими индивидуально или совместно. По желанию большинства военнослужащих, решению командования, согласованному с представителем военного духовенства, военная организация может иметь религиозную символику, в библиотеке – религиозную литературу, не запрещенную законодательством и согласованную с военным духовенством, а на территории военной организации могут размещаться предметы культа (храмы, часовни, иконы, кресты, хоругви, Священное Писание, молитвослов, святые источники, крещенская вода и т. п.)».

2. Согласно п. 4 ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» *государство не несет обязанностей* по удовлетворению потребностей военнослужащих, связанных с их религиозными убеждениями и необходимостью отправления религиозных обрядов. Данная законодательная норма также уже значительно устарела и не вполне согласуется со ст. 2 Конституции России, не только провозглашающей в качестве высшей ценности права и свободы, в том числе и право на свободу вероисповедания (ст. 28), но и прямо устанавливающей, что *признание, соблюдение и защита прав* (в том числе военнослужащих на свободу вероисповедания) – *обязанность государства*.

Нет ли здесь некоторого противоречия между возложением указанной обязанности на государство Конституцией России и освобождением от этой обязанности государства (его уполномоченных представителей, в том числе командиров) вышеназванным Федеральным законом? Ведь удовле-

творение религиозных потребностей, в том числе и отправление религиозных обрядов, есть не что иное, как удовлетворение конституционного права на свободу вероисповедания (ст. 28 Конституции России). А удовлетворение конституционного права как раз предполагает его признание, соблюдение и защиту государством и его уполномоченными органами, в том числе и командованием. Невозможно соблюдать конституционные права, не удовлетворяя их, так как неудовлетворенное, нереализованное право есть его несоблюдение, по сути – нарушение. Обязанность по такому соблюдению прав (предполагающему их удовлетворение) Конституцией России как раз и возложена на государство, а значит и на командиров, представляющих государственную власть в военных организациях.

Если наше государство не выполняет указанную обязанность и отменяет названным выше Федеральным законом требования Конституции России, то зачем же тогда оно воссоздает штатное военное духовенство, зачем введены должности помощников командиров по работе с верующими военнослужащими? Не являются ли эти меры, предпринимаемые государством, эти широко известные факты прямым доказательством того, что государство понимает необходимость в реализации указанной конституционной обязанности по признанию, соблюдению и защите прав воинов на свободу вероисповедания, а не уклонению от этой обязанности посредством Федерального закона «О статусе военнослужащих»?

Вместе с тем, как известно, предполагается, что военное духовенство будет представлять четыре традиционных для России и населяющих ее народов религиозных вероучения: Православие, Ислам, Буддизм и Иудаизм. Набор представителей других вероисповеданий в штатное военное духовенство не предполагается. Следовательно, посредством воссоздания в войсках штатного военного духовенства государство, по сути, реализует возложенную на него обязанность по удовлетворению прав

на свободу вероисповедания подавляющего большинства военнослужащих, исповедующих указанные традиционные вероучения. Что касается нетрадиционных вероучений остальной части военнослужащих (подавляющего меньшинства), то некоторые из этих вероучений могут иметь экстремистскую, террористическую, тоталитарную или иную общественно опасную направленность, представлять угрозу не только отдельной личности, но и обороне, безопасности страны. А потому все они требуют отдельного глубокого научного исследования на предмет безопасности или пользы для государства и его военной организации. А также на предмет того, являются ли они вообще религиозными системами и несут ли людям подлинное вероисповедание в правильном, конституционном понимании этого термина, не являются ли они «подделками», искусственно созданными заинтересованными силами для решения своекорыстных интересов, в том числе и в области обороны и безопасности государства.

Таким образом, п. 4 ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» требует соответствующих уточнений, устраняющих несогласованность с Конституцией России и войсковой практикой. Представляется целесообразным изложить этот пункт в следующей редакции:

«4. Государство исполняет обязанности по признанию, соблюдению и защите конституционных прав военнослужащих на свободу вероисповедания, в том числе по удовлетворению потребностей военнослужащих, связанных с их религиозными убеждениями и необходимостью отправления религиозных обрядов, в порядке, предусмотренном законодательством, соглашениями с религиозными объединениями. Для удовлетворения конституционных прав на свободу вероисповедания в условиях военной службы привлекается военное духовенство, осуществляющее религиозную деятельность в военных организациях по согласованию с командованием».

3. Согласно п. 5 ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» *создание религиозных объединений в воинской части не допускается*. Аналогичная норма содержится и в п. 3 ст. 6 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях», в соответствии с которым *создание религиозных объединений в органах государственной власти, других государственных органах, государственных учреждениях и органах местного самоуправления, воинских частях, государственных и муниципальных организациях запрещается*.

Не противоречат ли данные законодательные нормы Конституции России, ее ст. 28, устанавливающей право исповедовать *совместно с другими* любую религию? Ведь совместное исповедание религии и есть, по сути, объединение граждан по религиозному признаку – религиозное объединение. Что понимает закон под созданием религиозных объединений?

Согласно ст. 6 *Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»* религиозным объединением в Российской Федерации признается добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и обладающее соответствующими этой цели признаками:

- вероисповедание;
- совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;
- обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

При этом указанный Закон предусматривает, что религиозные объединения могут создаваться как в форме религиозных групп, так и в форме религиозных организаций. А ст. 7 данного Закона определяет, что религиозной группой признается добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регист-

рации и приобретения правоспособности юридического лица.

В связи с изложенным выше возникает ряд вопросов. Верующие военнослужащие воинской части, совместно участвующие в богослужениях и религиозных обрядах на регулярной основе под руководством помощника по работе с верующими военнослужащими, образуют такую религиозную группу, или это нечто иное, не подпадающее под указанные признаки религиозной группы? Фактическое образование вокруг штатного военного священнослужителя группы верующих военнослужащих воинской части, совместно осуществляющих религиозные обряды и обучение религии, будет ли рассматриваться как создание религиозной группы, как создание религиозного объединения в воинской части? При утвердительном ответе на эти вопросы как действовать командиру этой воинской части – уволить военного священнослужителя и в нарушение ст. 28 Конституции России запретить верующим военнослужащим совместно исповедовать свою религию и собираться вместе?

Для предотвращения подобных противоречивых правовых ситуаций, создающих проблемы правоприменения представляется целесообразным с учетом вышеизложенного первое предложение п. 5 ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих», изложить в следующей редакции: «Создание и государственная регистрация новых религиозных организаций в воинской части не допускается».

4. Кроме того, в соответствии с п. 5 ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» религиозные обряды на территории воинской части могут отправляться *по просьбе военнослужащих за счет их собственных средств с разрешения командира*. Данная законодательная норма содержит три условия, при которых могут отправляться религиозные обряды на территории воинской части. Эти законодательно установленные условия порождают ряд противоречий и создают определенные пробле-

мы при реализации на практике указанной нормы.

Во-первых, неясно, что значит «по просьбе военнослужащих»? Как доказать, что религиозный обряд проведен по просьбе военнослужащих и закон не нарушен? Перед каждым богослужением, молебном, освящением, панихидой и другими религиозными обрядами обходить личный состав и собирать письменные просьбы и подписи за проведение этого обряда, а потом с этими письменными просьбами идти к командиру за разрешением? И почему по просьбе только военнослужащих, ведь в воинских частях и на территориях закрытых военных городков могут трудиться и проживать лица гражданского персонала, члены семей военнослужащих? Как не нарушить закон, если они обратятся к военному священнику с подобной просьбой? Сказать, что закон не разрешает?

Во-вторых, почему религиозные обряды на территории воинской части могут проводиться только за счет «собственных средств» военнослужащих, ведь зарплату военному священнику – помощнику командира по работе с верующими военнослужащими (который организует и проводит эти обряды) выплачивает государство – из федерального бюджета на основании заключенного с ним трудового договора? Что делать священнику, чтобы исполнить это требование закона – отказаться от зарплаты и заниматься поборам с верующих военнослужащих, в том числе проходящих военную службу по призыву и имеющих весьма скромное денежное довольствие (которого им самим-то не хватает, не то чтобы содержать на него еще и военного священника)?

В-третьих, непонятно, почему «с разрешения командира»? А если командир-атеист или негативно относится к вере, религиозной деятельности и не желает разрешать проведение подобных мероприятий на территории воинской части? Закон ему такое право, как видно, предоставляет и отдает этот вопрос на решение командира

– на полное его усмотрение. Но ведь это противоречит ст.ст. 2 и 28 Конституции России, которые прямо устанавливают, что признание, соблюдение и защита прав и свобод (в том числе военнослужащих), включая конституционное право на свободу вероисповедания, – обязанность государства. А значит, и *обязанность командира* по отношению к верующим военнослужащим и их правам на свободу вероисповедания, на проведение религиозных обрядов, в том числе и на территории воинской части.

Кроме того, рассматриваемая норма п. 5 ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» не вполне согласуется не только с Конституцией России, но и с п. 4 ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», который устанавливает, что командование воинских частей с учетом требований воинских уставов *не препятствует* участию военнослужащих в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях. Получается, что Федеральный закон «О статусе военнослужащих» позволяет командирам препятствовать военнослужащим в проведении религиозных обрядов (не разрешать их проведение), а Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» не позволяет чинить подобные препятствия. Обнаруживается столкновение интересов командования и интересов верующих военнослужащих, интересов государ-

ства с интересами религиозных объединений. Для разрешения этого противоречия необходимо установление и правовое закрепление баланса интересов путем заключения соглашения (договора) между государством (в лице уполномоченных органов) и религиозными объединениями.

А рассматриваемую норму (второе предложение п. 5 ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих») предлагается изложить в новой редакции: «Религиозные обряды на территории воинской части отправляются в порядке, установленном командиром по согласованию с военным духовенством».

Указанные выше изменения помогут внести определенную ясность в правоотношения командования с религиозными объединениями и в деятельность военного духовенства. Вышеперечисленные случаи несогласованности законодательства и его несоответствия меняющимся реалиям жизни и обстановки свидетельствуют о недостатках правовой работы, которая должна успевать за жизнью, идти «нога в ногу» со временем, учитывать меняющиеся внешние и внутренние угрозы, условия жизни людей, религиозную ситуацию в стране, уровень правосознания, систему ценностей, понимание целей и смысла жизни на земле, а не безнадежно отставать, мешая полноценному развитию общества и государства, своевременному совершенствованию и обновлению законодательства.

Информация

В Московской области за нарушение уставных правил взаимоотношений осужден военнослужащий
31.08.2017

Доказательства, собранные 51 военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации, признаны судом достаточными для вынесения приговора военнослужащему войсковой части 5126 рядовому И. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 335 УК РФ (нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, повлекшее тяжкие последствия).

Следствием и судом установлено, что 31 марта текущего года И., будучи недовольным тем, что его сослуживец рядовой Савкин разговаривал на занятиях, в присутствии других военнослужащих ударил его ногой по телу, причинив ему закрытую травму живота с разрывом селезенки.

Приговором 235 гарнизонного военного суда И. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

<http://gvsu.gov.ru/>

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЮ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КОНФЛИКТОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ИСЛАМА

С.В. Иванеев, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Университета «СИНЕРГИЯ» (г. Москва)

Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных. Неверный – это харби, враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными.

К. Маркс

Современный мир, насыщенный конфликтами, постоянным столкновением интересов различных социальных, политических и других субъектов, в настоящее время воспринимается как рискогенный. Формирование мировой информационной среды, которая содержит, как ценные научные и культурные достижения, так и диверсионные программы и на основе Интернета легко преодолевает национально-государственные границы, значительно усиливает уровень неустойчивости каждого региона, переводя его в новые и непредсказуемые ситуации. В этих условиях особое значение приобретает функция обеспечения безопасности общества и его институтов, связан-

ная с защитой его внутреннего пространства, повышением уровня сплоченности общества.

Наиболее значительным проявлением современной реальности является глобализация – формирование все более мощной единой среды с общими стандартами, возвышающейся над многообразием локальных миров. Но эти миры, их развитие и взаимодействие создают не только текст, но и «становящийся глобальным контекст»¹, воздействие которого опосредует все стороны жизни региональных сообществ. Глобализация впервые порождает единое планетарное пространство, изменения содержания которого выражают динамику и эффективность продуктивности всего планетарного сообщества.

В связи с изложенным возникает парадокс: глобализация, которая реально порождается бытием локальных сфер, возвышается над ними и диктует им свои новые стандарты. Здесь открывается некоторая автономность целого по отношению к своим частям: хотя оно складывается «снизу», но приобретает нечто принципиально иное по сравнению с простой суммой связей и взаимодействий регионов и территорий. Современный мир, в котором это целое впервые приобретает некоторый собствен-

¹ Шкерин А.В. Современная модель глобализации и проблемы // Социология и социальная работа. Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2010. № 3 (19). С. 100 – 108.

ный режим существования, теперь вовлекается в процесс, который не имеет четко выраженной основы и выступает как диктат стихийно развивающейся неопределенности, с тенденцией постоянного ускорения. А существующее до сих пор многообразие внутреннего времени относительно автономных регионов-организмов теперь все больше регулируется собственным пространством-временем глобализации, порождая требование: адаптируйся к мировым требованиям или погибнешь.

И в данном аспекте важную роль играет осознание военно-политическим руководством Российской Федерации того, что многие идеологи единства исламского мира стремятся превратить мусульманские общины, проживающие на территориях неисламских государств, в инструмент исламизации светских обществ. В этой связи еще более возрастает значение технологий разносторонней интеграции членов исламских общин в жизнь секуляризованных государств.

Формы политической активности, возникающие на религиозной основе, находятся в центре общественного внимания во всем мире, при этом многие экспертные оценки данного феномена носят эмоциональный оттенок, что значительно препятствует осознанию реального положения дел в Вооруженных Силах Российской Федерации, где проходят военную службу по призыву и по контракту военнослужащие-мусульмане.

В связи с нарастанием межэтнической напряженности в обществе вновь обострилась взаимосвязь религиозной и этнической самоидентификации. Естественно, противостояние славянского, русского населения и мусульман, о котором говорят некоторые российские политики, искусственно и провокационно. В последнее время некоторые из них стали делать выходящие за рамки всякого здравого смысла заявления и обвинять русских в фашизме. Ведь это – на грани абсурда. Кто же может в это поверить?

Мы все должны осознать, что в России массовая религиозность граждан является

потенциальным источником конфликта, так как *всякая* религиозная система, как результат антагонистических социальных условий, в своем содержании имеет (и сохраняет) недружелюбное, а то и откровенно враждебное отношение к другим религиям. Это отношение, принимая гипертрофированные формы, может экстраполироваться на целые сообщества, находящиеся вне данного религиозного культа, что особенно очевидно и опасно, когда в казарме противостоят друг другу военнослужащие с разными религиозными убеждениями. Тогда межнациональный конфликт приобретает особенно жесткие и фанатичные формы, превращаясь в религиозную войну на полное истребление противника и всех иноверцев.

С тех пор как религия приобрела характер преобладающей формы общественного сознания, она вступила в конфронтацию с инакомыслием и научной философией. Эта история продолжается и в настоящее время. Достаточно констатировать только один факт: на всем современном мусульманском Востоке мы не можем назвать ни одного философа – представителя диалектико-материалистического мировоззрения. С самых основ ислам находился в конфронтации с инакомыслием. Поначалу более-менее терпимое отношение к инакомыслию позволялось властью халифов, и об этом могут свидетельствовать мысли и взгляды отца арабской философии Аль-Кинди (ок. 800 – ок. 870), жившего в Басре и в Багдаде, который, обращая внимание на сказочные места Корана, из которых нельзя почерпнуть серьезных знаний, утверждал, что *«в нем нет порядка, стиля, изящества или тонкости композиции. С начала до конца он полон противоречий, одна сентенция уничтожает другую, а целое младенчески слабо»*². Но это был выдающийся ум, богословие ничего не могло поделать с ним, а затем начинается полоса жесточайшего преследования инакомыслия, которая дошла и до нашего времени. Примеров этому существует огромное количество.

² История философии. М., 1940. Т. 1. С. 440.

Все указанное способно выдвинуть ситуацию в мире за рамки нормальных цивилизованных межэтнических и межконфессиональных отношений. Проблема приобретает поистине общепланетарный масштаб, так как ислам рвется к мировому религиозному господству, а мусульманские ортодоксы в России консолидируются по многим вопросам с зарубежными мусульманскими кругами. Этим вызывается неприязнь к исламу со стороны представителей других конфессий и атеистов, что уже само по себе создает чуждую принципам интернационализма ситуацию разделения на основе религиозной принадлежности.

Актуальность заявленной автором темы несомненна, так как в Вооруженных Силах Российской Федерации в настоящее время среди старших и высших офицеров немало людей с полным незнанием истинной сущности и целей современного модернизма ислама, которые предпочитают оправдываться ссылками на толерантность и рассуждать с безответственной демагогией на тему «прав человека». Таких невежественных «попутчиков» В.И. Ленин называл «полезными идиотами». Подобные настроения направлены на укрепление позиций ислама в обществе, его защиты от научной критики и неверующих граждан.

Морально-идеологическая основа ислама, генерирующая и освещающая принципы джихада – войны против «неверных», такова, что мусульманский терроризм, таким образом, является уже практической реализацией этих принципов. И поскольку положения Корана возведены в неизменную догму, то терроризм будет вдохновляться и воспроизводиться до тех пор, пока в глазах мусульман эта книга не утратит своего священного ореола. Современная цивилизация дальше не может спокойно взирать на опасность мусульманского терроризма. Он должен быть решительно остановлен волей миролюбивого человечества.

Главному управлению по работе с личным составом Вооруженных Сил Россий-

ской Федерации необходимо срочно уяснить, что исламистская идеология несет в себе наиболее выраженный заряд социально-консервативных «средневековых» мировоззренческих идей, и независимо от модернистских приукрашиваний ее содержание неизменно до тех пор, пока зиждется на своем высшем авторитете – непререкаемости для всех коранических представлений.

В программу Общественно-государственной подготовки (ОГП) – важнейшего аспекта подготовки личного состава к несению военной службы, необходимо включить лекцию, посвященную религиозно-мотивированному терроризму, раскрывающую следующие вопросы:

- где и в чем истоки, вдохновляющие мусульманский терроризм? В средневековых принципах вражды и нетерпимости к немусульманскому миру, освященных Кораном;
- в чем состоят мирские цели терроризма? В утверждении господства исторически изживших себя социальных систем и соответствующих им взглядов и принципов;
- каково соотношение терроризма с культом Аллаха? Мистификация самих пиратских акций именем абсолюта;
- есть ли предел мусульманскому терроризму? Нет. Освобождение человечества от этой коварной чумы – в освобождении от воинствующих основ Корана;
- может ли человечество обуздать зарвавшихся мусульманских экстремистов? Может, если согласно предъявить принципиальные требования к мусульманским теологам и радикально изменить воинственные основы ислама.

В последнее время ввиду клерикализации светского пространства автору стало очень трудно проводить лекционные и семинарские занятия на тему светскости государства по учебной дисциплине «Конституционное право» со студентами-мусульманами, так как любая попытка говорить об исламе с позиций диалектико-материалистической теории как социально-духовном явлении вызывает с их стороны бурю протеста. Основная масса студентов-мусульман в рез-

кой и агрессивной форме начинают защищать ядро мусульманского вероучения, культ Аллаха и ортодоксальное отношение к нему.

К сожалению, на Северном Кавказе, как и в стране в целом, сложилась такая духовно-нравственная атмосфера, когда пропаганда религиозных убеждений считается нормой, а светских, научно-материалистических – отклонением от нормы и морали³. А ведь обычным стало уже открытое неповиновение призывников с Северного Кавказа приказам командиров, навязывание национальных обычаев, противоречащих уставу, отказ от обследования в ПНД и от прохождения осмотра у хирурга. Солдаты-мусульмане отказываются бриться, потому что считают себя истинными мусульманами. Вдобавок к этому большинство призывной молодежи подвержено идеям радикального ислама.

Ситуация усугубляется еще и тем, что с легкой руки недалёковидных политиков нашу страну уже и в среде научно-экспертного сообщества начали делить по конфессиональному признаку. Примером является проведенная с 22 по 25 июня 2017 г. в ДГУ (г. Махачкала) Всероссийская научная конференция «Философия и практика этнического многообразия и единства России», где автор выступал с докладом и вручил Главе Республики Дагестан Р.Г. Абдулатипову свою монографию «Континуум пространства-времени в регулировании взаимодействия образования и общества».

Вручая указанную монографию Главе Республики Дагестан Р.Г. Абдулатипову, автор преследовал главную цель, а именно: показать, что в настоящее время важной задачей российского гуманизма становится осмысление роли и смысла ценностно-культурных и образовательных инноваций, которые составляют одну из основ современного научно-демократического мировоззрения, где современное образование становится важнейшим ресурсом развития страны, эффективное освоение которого

зависит от развития самосознания самого образования и его статуса в обществе.

В процессе проведения конференции, на наш взгляд, произошли грубейшие нарушения конституционного законодательства о свободе совести, когда руководитель Департамента образования, науки и культуры Духовного управления мусульман Российской Федерации, научный сотрудник Института востоковедения РАН Кашаф Шамиль Равильевич заявил, что «...среди всех мусульманских республик Дагестан находится на первом месте». Это, конечно, не соответствует ст. 14 Конституции Российской Федерации, так как в России нет «мусульманских республик» или «православных областей», а существуют зоны компактного проживания населения, исповедующего различные религии, так как Россия такое государство, в котором не существует официальной, государственной религии и ни одно из вероучений не признается ни обязательным, ни предпочтительным.

После такого заявления, которое, кстати, никем из ученых и даже Главой Республики Дагестан не было оспорено, не приходится удивляться тому, почему призывники с Северного Кавказа в войсках демонстрируют свою мусульманскую исключительность. Мы наблюдаем, что активизация православия в России вполне закономерно спровоцировала оживление ислама вместе с его признанием как религии противостояния православию. Как говорил Ходжа Насреддин, сколько не говори «халва» – во рту слаще не станет. Поэтому, сколько бы ни говорили о «миролюбии» ислама к христианству, истины здесь ни грана. Один из самых известных знатоков исламского мира – Бернанд Льюис, профессор востоковедения Принстонского университета, это прекрасно показал в своей книге «Кризис ислама» (2007):

«Самое древнее из ныне существующих мусульманских строений религиозного значения за пределами Аравии – Купол скалы в Иерусалиме, завершённое в 692 г. н. э. и возведённое на месте Иерусалимского Хра-

³ См. подробнее: Муслимов С.Ш., Миримова А.А. Молодежь о религии и религиозном экстремизме. Махачкала, 2014. 141 с.

ма и по соседству с церковью Гроба Господня и церковью “Вознесения”, означало открытое послание в первую очередь христианам, а также евреям.

Как евреи были замещены христианами, так и христианский мировой порядок замещался мусульманской верой и исламским халифатом. Чтобы подчеркнуть эту мысль, стихи Корана, нанесенные на стены Купола скалы, относятся к тому, что мусульмане считают главными ошибками христиан: “Прославляйте Бога, который не родил сына и не имеет партнеров” и “Есть Бог, единый, вечный. Он не рождает и не был рожден, Он не имеет себе равных” (Коран, 92). Это был открытый вызов, брошенный христианству в сердце его зарождения».

Наблюдая за тем, как исламские экстремисты в Европе в последние годы все чаще используют как грузовые, так и легковые автомобили в качестве орудия терактов и нападают на мирных и безоружных людей с ножами, становятся понятными эти антигуманные акции новых варваров после интервью одного из руководителей Аль-Каиды, египтянина Альмана Зауахири, который дал следующее определение исламских земель, которые нужно освобождать от неверных: «исламские земли – это те земли, на которые хотя бы раз ступила нога мусульманина»⁴.

Ислам не только всемерно усиливает свое влияние на мусульманский мир, но и внедряется в немусульманские страны всеми допустимыми и недопустимыми методами: шумной саморекламой, угрозами и шантажом, ловкими миссионерами и подпольными организациями, мусульманскими партиями и проникновением в государственно-финансовые структуры, клерикализацией социального бытия и разбойным терроризмом. Это очевидно.

Тогда закономерен вопрос: не пора ли мировому сообществу обратить внимание

на необходимость умеривания непомерных претензий ислама на роль некоего лидера в развитии современной цивилизации под флагом идей Корана и Шариата?

Наступлению ислама и любых иных религий на государственно-правовые позиции необходимо противопоставлять научное и правовое просвещение, которое могло бы способствовать формированию у призывников в Вооруженные Силы Российской Федерации реалистичного общественного мнения по поводу этой опасной своей деструктивностью перспективы. А тем самым упреждать и ослаблять риски России оказаться изгоем. Так как научное и правовое просвещение является профилактикой деградации права и культуры к состоянию примитивного общественного устройства.

Нельзя не согласиться с И.В. Шебалкиным, утверждавшим, что «основной содержательный смысл и особенность правовой социализации личности воина в условиях демократического государства – в приобретении его к военно-правовым нормам, ценностям, к правовой культуре и практике, к сознательной социально-активной деятельности, которая является универсальным способом совершенствования социальной среды и одновременно формирования личности. Именно на юридическую систему как важнейшую составляющую правовой среды возлагается задача смягчения потенциальных социальных конфликтов. Благодаря ей социальная система приобретает должную устойчивость»⁵.

Таким образом, необходимо формировать в среде военнослужащих правовую культуру, так как в соответствии с Конституцией России Российская Федерация – светское государство, но вместо реализации конституционной свободы совести поддерживается, к сожалению, тенденция представления религии в виде некой морально-этической системы, которой она для росси-

⁴ См. подробнее: Игнатенко А.А. Исламский экстремизм в Европе и на постсоветском пространстве: выработка концептуального дискурса // Этноконфессиональные конфликты в Европе и на постсоветском пространстве. М., 2010.

⁵ Шебалкин И.В. Формирование правовой культуры военнослужащего как необходимое условие обеспечения законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации в XXI веке. М., 2007. С. 334 – 338.

ян фактически не является. Хотя, конечно, таковой ее может воспринимать круг церковной паствы, например.

Таким образом, единственным неперенным условием для сосуществования в настоящее время религии и прогресса может быть

только светскость общества и государства, где возвращение к давно отжившим социально-мировоззренческим позициям есть отказ от принципов современной цивилизации, или как замечал Маркс, «Le mort saisit le vif! [Мертвый хватает живого!]».

Информация

В Мурманской области осуждены военнослужащие и гражданское лицо

30.08.2017

Доказательства, собранные 305 военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации, признаны судом достаточными для вынесения приговора военнослужащим войсковой части 34667 майору Х. и старшему прапорщику Л., а также гражданину К. В зависимости от роли каждого они признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 286 (превышение должностных полномочий с применением насилия), ч. 1 ст. 163 (вымогательство), п. «в» ч. 2 ст. 163 (вымогательство с применением насилия) и ст. 116 УК РФ (нанесение побоев).

Следствием и судом установлено, что 29 июля 2016 года в казарме части Х., Л. и К., находившиеся в состоянии алкогольного опьянения, под предлогом недисциплинированности матроса сначала избили его, а затем с применением насилия потребовали от него передать им денежные средства.

Мурманским гарнизонным военным судом Л. и К. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года 6 месяцев и 1 год 10 месяцев соответственно с отбыванием в исправительной колонии общего режима, Х. – в виде штрафа в размере 20 тысяч рублей и 1 года лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года.

<http://gvsu.gov.ru/>

Принятыми военными прокурорами мерами по защите трудовых прав работников военно-строительных организаций погашена задолженность по заработной плате на сумму более 300 млн рублей

07.09.2017

Органами военной прокуратуры в рамках надзора за исполнением законодательства о защите прав и свобод граждан особое внимание уделяется соблюдению права на своевременную и полную оплату труда.

Проверками военных прокуроров установлено, что в текущем году в федеральных государственных унитарных предприятиях «Главное военно-строительное управление № 2», «Главное военно-строительное управление № 3» и «Главное военно-строительное управление № 6» образовалась задолженность по заработной плате.

По результатам прокурорского реагирования 1,3 тыс. работникам выплачено 306 млн рублей, в отношении юридических лиц – военно-строительных организаций возбуждены дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч.6 ст.5.27 (невыплата или неполная выплата в установленный срок заработной платы) КоАП РФ.

Работа по надзору за исполнением трудового законодательства продолжается.

<http://gvp.gov.ru/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ, АННОТАЦИИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ*

Багдасарян И.А. К вопросу о специальных административно-правовых средствах противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации

В статье рассматриваются специальные административно-правовые средства противодействия коррупции в сфере перемещений военнослужащих по военной службе: конкурсный порядок замещения отдельных воинских должностей; формирование кадрового резерва и работа с ним; применение в практике военно-кадровой политики института поручительства. Оценка коррупционных рисков в сфере перемещений военнослужащих по военной службе, уровня их распространенности в/данной сфере установление причин и/условий, мотивов воспроизводства коррупционных отношений способствует выявлению пробелов в/закондательном регулировании противодействия коррупции, проблем, возникающих в/практике их реализации, а/ также недостатков в/организационном, ресурсном, идеологическом обеспечении этой деятельности и/соответственно выработке мер, адекватных существующим возможностям и/ потребностям военной организации государства.

Ключевые слова: коррупция, конкурсный порядок замещения воинских должностей, кадровый резерв, личное поручительство, противодействие коррупции.

To the issue of special administrative-legal means of counteraction of corruption in the Armed Forces of the Russian Federation

I.A. Baghdasaryan, candidate of legal Sciences, head of Department of military law Military University

In the article the special administrative-legal means of counteraction of corruption in the field of movements of military personnel on military service: the competitive order of replacement of individual military posts; the formation of a personnel reserve and work with it; the application in practice of the military personnel policies of the Institute guarantee. The assessment of corruption risks in the sphere of movements of military personnel in military service, their level of prevalence in this area, the establishment of causes and conditions, motives for the reproduction of corrupt relations helps to identify gaps in the legislative regulation of combating corruption, the problems arising in the practice of their implementation, and shortcomings in organizational, resource, ideological support for this activities and thus the development of measures adequate to the existing opportunities and needs of the military organization of the state.

Key words: corruption, competition procedures for filling military positions, personnel reserve, personal guarantee, anti-corruption.

Библиографический список:

1. *Корякин, В.М.* Личное поручительство как средство минимизации кадровых ошибок / В.М. Корякин // *Право в Вооруженных Силах*. 2012. № 7;
2. *Разуваева, Н.И.* Подбор и аттестация кадров органов внутренних дел (административно-правовые и организационные аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Разуваева Наталья Ивановна; 12.00.14. Воронеж, 2014;
3. *Тюрин, А.И.* Назначение на высшие воинские должности как правовой стимул исполнения обязанностей военной службы / А.И. Тюрин // *Право в Вооруженных Силах*. 2005. № 9;
4. *Шанхаев, С.В.* Прохождение военной службы по контракту: практические рекомендации / С.В. Шанхаев. [Текст] – М.: За права военнослужащих, 2008. – 208 с.
5. *Настольная книга по противодействию коррупции в военной организации государства.* Под общ. ред. А.В. Кудашкина. М., 2012.
6. *Деятельность правоохранительных органов по противодействию коррупции / под общ. ред. А.В. Кудашкина.* М., 2011. 304 с.
7. *Кудашкин А.В.* Координация деятельности по противодействию коррупции в военной организации государства // *ЭНИ «Военное право»*. 2012. № 1.
8. *Кудашкин А.В.* Административно-правовые санкции за коррупционные правонарушения // *Административное и муниципальное право*. 2010. № 7.

Шеншин В.М. Особенности обеспечения войсками национальной гвардии правового режима использования и охраны отдельных видов природных ресурсов

Привлечение внимания общества к вопросам экологического развития России, сохранения биологического разнообразия и обеспечения экологической безопасности становится актуальным. Вопросы природопользования в зависимости от конкретного вида природного ресурса, осуществляемого воинскими частями войск национальной гвардии Российской Федерации (юридическими лицами) требуют некоторых пояснений.

Ключевые слова: воинская часть, войска национальной гвардии, природопользование, экологическая безопасность.

Features security troops of the national guard of the legal regime of use and protection of separate natural resources

V.M.Shenshin, Lecturer in constitutional and administrative law of the faculty (team) Saint-Petersburg military Institute of national guard troops of the Russian Federation, candidate of law.N., e-mail: vitya-shen@mail.ru

Drawing society's attention to issues of environmental development of Russia, preservation of biological diversity and ensure environmental security becomes relevant. Questions of land use depending on the specific natural resources by military units of national guard troops of the Russian Federation (legal entities) require some explanation.

Key words: military unit, the troops of the national guard, environmental management, environmental safety.

Библиографический список

1. *Дубовик О.Л.* Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». М.: 2015.
2. *Семенихин В.В.* Плата за негативное воздействие на окружающую среду и вывоз твердых бытовых отходов [Текст] / В.В. Семенихин // *Налоги*. 2010. № 48.

Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. Актуальные вопросы правового регулирования организации представления военнослужащими сведений о размещении общедоступной информации в информационно - телекоммуникационной сети «Интернет»

Данная статья посвящена изменениям и дополнениям в законодательство Российской Федерации, связанные с введением обязанности военнослужащих предоставлять в уполномоченный орган информацию, размещенную ими в интернете в общем доступе.

Ключевые слова: права и обязанности военнослужащих, ограничения права военнослужащих на свободное размещение информации, персональные и иные закрытые для всеобщего доступа данные.

Topical issues of legal regulation of the organization the submission of military personnel information about the location of publicly available information in information - telecommunication network «Internet»

Tuganov Y. N., honoured lawyer of the Russian Federation, doctor of legal Sciences, associate Professor, chief researcher of the Russian University of justice yurij-tuganov@yandex.ru;

Zhuravlev S. I., candidate of legal Sciences, associate Professor, associate Professor, Institute of management and strategic development of the organizations of the Moscow technical University (MIREA)

This article focuses on the changes and additions to the legislation of the Russian Federation related to the introduction of a military function to provide to the authorized body information placed in the Internet in the public domain.

Key words: the Rights and duties of military personnel, restrictions of the rights of servicemen on the free placement of information, personal and otherwise closed for public access data.

Библиографический список

1. *Кубышкин А.В.* Международно-правовые проблемы обеспечения информационной безопасности государства [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Кубышкин. М., 2002. 193 с.;

* В соответствии с правилами, утвержденными ВАК Минобрнауки и Минобрнауки России, в данном разделе помещена обязательная информация о статьях, носящих научный характер. В иных статьях и материалах размещение такой информации не является обязательным (примеч. - А.В. Кудашкин).

2. Марков А.А. Некоторые аспекты информационной безопасности в контексте национальной безопасности [Текст] / А.А. Марков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2011. Вып. 1. С. 43 - 48;

3. Пелевина Е.С. Особенности системы информационной безопасности как элемента международной безопасности в современном мире [Текст] / Е.С. Пелевина // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 194 - 205;

4. Садикова И.С. Защита персональных данных в аспекте обеспечения неприкосновенности частной жизни [Текст] / И.С. Садикова // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 3. С. 217 - 219;

5. Чугунова К.Ю. Информационное оружие как угроза национальной безопасности Российской Федерации [Текст] / К.Ю. Чугунова // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7 (56). С. 59 - 64.

6. Кудашкин А.В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования: Монография. М., 2003. 320 с.

Даничев Н.В., Ломакина И.Г. Уровень социальной защищенности граждан, уволенных с военной службы, в современных условиях реформирования военного законодательства

Социальное обеспечение и защита военнослужащих значительно отличается от социального обеспечения обычных граждан страны, что обусловлено особой важностью и сложностью функционала военнослужащих. Но сохраняется ли тот внушительный перечень гарантий, к числу которых относятся специальные льготы, дополнительные пособия и компенсации, когда военнослужащий уходит со службы в силу различных причин. Анализ научной и учебной литературы, судебной практики позволяет сделать вывод о наличии ряда теоретических и практических проблем. В статье дается сравнительный анализ объема социальных гарантий, полагающихся военнослужащему и лицу, уволенному со службы, а также членам их семей.

Ключевые слова: компенсации, льготы, выплаты, лица, уволенные с военной службы, ветераны боевых действий.

The level of social protection of citizens employed from the military service, in the modern conditions of reforming military legislation

Danichev N. V. Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Novosibirsk Military Institute of the Russian National Guard

Lomakina I.G. Candidate of Law, Associate Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Novosibirsk Military Institute of the Russian National Guard

Social security and protection of servicemen is significantly different from the social security of ordinary citizens of the country, which is due to the special importance and complexity of the military personnel. But is there that impressive list of guarantees, including special benefits, additional benefits and compensations, when a serviceman leaves the service for various reasons. Analysis of scientific and educational literature, judicial practice allows us to conclude that there are a number of theoretical and practical problems. The article gives a comparative analysis of the volume of social guarantees that are reputed to the serviceman and the person discharged from service, as well as to members of their families.

Key words: compensation, benefits, payments, persons discharged from military service, veterans of military operations. agreement, rent, lifelong rent, the lifelong content with the maintenance.

Библиографический список:

1. Могилевский Г. А., Санин Е. П. Об организационно-правовых формах создания войск национальной гвардии Российской Федерации как юридических лиц // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 3 (36). С. 201-205

2. Кудашкин А.В., Шеншин В.М. Особенности организации взаимодействия органов внутренних дел МВД России, войск национальной гвардии и Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных силах. - 2017. - № 3. Ломакина И.Г. Гражданский персонал внутренних войск МВД России как субъект трудовых и служебных правоотношений / В сборнике: Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) материалы международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2016. С. 83-87.

3. Полунин С.В., Васильев А.С. О структуре правового статуса военнослужащих // Право в Вооруженных силах. - 2016. - № 3

4. Ломакина Т.В. Актуальные вопросы назначения страховой пенсии по старости военным пенсионерам // Право в Вооруженных силах. - 2016. - № 1. Мананников Д.Ю. О предоставлении дополнительных гарантий гражданам, уволенным с военной службы по отдельным основаниям // Право в Вооруженных силах. - 2017. - № 6.

5. Кудашкин А.В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования: Монография. М., 2003. 320 с.

6. Кудашкин А.В. К вопросу особенностей правового положения военнослужащих по контракту, подлежащих увольнению с военной службы, но не исключенных из списков личного состава воинской части (учреждения) // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2010. № 5.

7. Кудашкин А.В., Будай С.Н. Не статусом единым (к вопросу о сохранении социальных гарантий бывшим военнослужащим, поступившим на службу в правоохранительные органы) // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2010. № 5.

Еремеев В.Ю. Использование и пользование как составляющие вещных и обязательственных прав в отношении объектов недвижимого имущества военного учреждения

В статье рассматриваются вопросы соотношения и толкования понятий использования и пользования применительно к объекту правомочий в отношении недвижимости, находящейся у военной организации на определенном вещном праве либо по договору.

Ключевые слова: военные учреждения, недвижимое имущество, использование, пользование, вещные права, обязательственные права.

Use and use as constituents of proprietary and contractual rights in respect of immovable property of the military institution

Eremeev V.Y., consultant of the military unit 55002, info5928@gmail.com

The article concerns issues of correlation and interpretation of the concepts of use and enjoyment in relation to the powers in respect of property held by a military organization at a certain proprietary right or contract.

Key words: military establishments, real estate, use, use, property law, contract law.

Библиографический список:

1. Богданов, Е.В. Современное вещное право России [Текст]: учебник / Е.В. Богданов, Н.Д. Эриашвили. - М.: Юнит, 2015. - С. 154.

2. Матеи, У. Основные положения права собственности [Текст]: монография / У. Матеи. - М.: Юристъ, 1999. - С. 180-198.

3. Хвостов, В.М. Система римского права [Текст]: монография / В.М. Хвостов; вступ. ст.: Е.А. Суханов, В.А. Томсинов. - М.: Спарк, 1996. - С. 308-311.

Статьи из журналов

1. Ахметьянова, З.А. Вещные права в гражданском праве России [Текст] / З.А. Ахметьянова // Цивилист. Научно-практический журнал. - 2006. - № 1. - С. 16-22.

2. Козлов, Д.В. Право использования чужого земельного участка собственником расположенной на нем недвижимости [Текст] / Д.В. Козлов // Юридическая наука. - 2013. - № 3. - С. 72-78.

3. Плотникова, И. Переход прав на участок [Текст] / И. Плотникова // Эж-Юрист. - 2004. - № 26. - С. 4-7.

4. Суханов, Е.А. Проблема вещных прав [Текст] / Е.А. Суханов // Эж-Юрист, - 2003. - № 46. - С. 2.

Итяшева И.А., Стражевич Ю.Н., Слепко Г.Е. Охрана прав и интересов членов семьи институтом алиментных обязательств: анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования алиментных обязательств, в том числе с участием военнослужащих, с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и соответствующие проблемы в семейном и военном законодательстве.

Ключевые слова: содержание, алименты, военнослужащий, денежное довольствие, вещное довольствие, нуждаемость, доход.

Protection of the rights and interests of family members by the institution of alimony obligations: analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation

Ityasheva I.A. Head teacher of the Civil Law and Labor Law Chair, Surgut State University (Surgut)

Strazhevich Yu.N. Candidate of juridical sciences, assistant professor, assistant professor of the Civil Law and Labor Law Chair, Surgut State University (Surgut)

Slepko G.E. Candidate of philological sciences, associated professor, assistant professor of Civil Law Chair, Military University of the Defense Ministry of the RF (Moscow), geslepko@rambler.ru

The article deals with the legal regulation of alimony obligations, including those involving military personnel, taking into account the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and corresponding gaps in family and military legislation.

Key words: alimentation, alimony, serviceman, monetary allowance, clothing allowance need, income.

Библиографический список:

1. Бодырев О., Маркин А., Подоплелова О., Храмова Т. Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 6. С. 144-155.

2. Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4.

3. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. – М.: «Юрайт-Издат», 2007.

4. Низамиева О.Н. Позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам толкования положений семейного законодательства в сфере алиментирования // Семейное и жилищное право. 2015. № 5.

5. Рустомова Ю. А. Правовое регулирование алиментных отношений в Российской Федерации и проблемы их совершенствования: Автореф. дис. ... к.ю.н. - М., 2002.

6. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005.

7. Юнусова К.В. Общий обзор и значение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам толкования отдельных положений семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2015. № 5. С. 3-6.

Корякин В.М., Кудашкин А.В. Жилищное обеспечение военнослужащих: понятие, формы, гарантии

В статье теории и практики правового регулирования рассмотрены понятие, формы и гарантии жилищного обеспечения военнослужащих.

Ключевые слова: военнослужащие, жилищное обеспечение, гарантии

Housing provision for servicemen: concept, forms, guarantees

Koryakin V.M., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Military University; Kudashkin A.V., Doctor of Law, Professor

In the article of the theory and practice of legal regulation, the concept, forms and guarantees for the provision of housing for the servicemen are considered.

Key words: servicemen, housing provision, guarantees

Библиографический список:

1. Военно-юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. А.В. Кудашкина, К.В. Фатеева. М., 2008.

2. Пчелинцева Л.М. Право военнослужащих на жилище: теоретические аспекты и проблемы реализации. М., 2004.

3. Сулова С.И. Правовые формы жилищных отношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

4. Калашников С.В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества // Государство и право. 2002. № 10.

5. Мигачев Ю.И. Правовой статус военнослужащих, гарантии его реализации и защиты в Российской Федерации // Государство и право. 1997. № 7. С. 73 – 82.

6. Иваненко В.А. Социальные права человека и социальные обязанности государства. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

7. Акчурина З.Х. Правовое регулирование обеспечения жильем помещениями военнослужащих, проходящих военную службу по контракту: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

8. А.В. Кудашкин, С.В. Шанхаев. Об основных правовых вопросах и проблемах, связанных с приватизацией гражданами жилых помещений, а также о правоприменительной практике и коррупционности законодательства о приватизации // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2010. № 7. С. 59 – 72

9. Кудашкин А.В. Приватизация жилых помещений и право военнослужащих на получение жилых помещений в собственности: вопросы теории и практики // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2016. № 4.

10. Кудашкин А.В. Разрешение жилищных споров с участием военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2009. № 9.

11. Кудашкин А.В. Пора устранить коррупциогенный механизм жилищного обеспечения лиц, увольняемых с военной службы (антикоррупционная экспертиза 1 ст. 23 ФЗ «О статусе военнослужащих») // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2009. № 5.

12. Кудашкин А.В. Порядок жилищного обеспечения военнослужащих меняется, но еще далек от совершенства // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2012. № 10.

13. Кудашкин А.В. Влияние новелл жилищного законодательства на жилищно-правовые институты военного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2014. № 9.

14. Корякин В.М., Кудашкин А.В. Жилищная энциклопедия военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей. М., 2017.

Жилищное право: Учебное пособие. / под общ. ред. А.В.Кудашкина. М. 2014.

Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. Об организации прохождения альтернативной гражданской службы в современных условиях: краткий комментарий Постановления Правительства Российской Федерации от 4 июля 2017 г. № 789

Данная статья посвящена изменениям и дополнениям в Положение об альтернативной гражданской службе, связанные с изменениями сроков прохождения такой службы и деятельности работодателя, у которого гражданин проходит альтернативную гражданскую службу, связанную с привлечением к ответственности лиц, уклоняющихся от прохождения альтернативной гражданской службы.

Ключевые слова: Трудовая деятельность, альтернативная гражданская служба, прохождение альтернативной гражданской службы.

About the organisation of passage of alternative civil service in the modern conditions: a brief review of the resolution of the Government of the Russian Federation of July 4, 2017 No. 789

Tuganov Y. N., honoured lawyer of the Russian Federation, doctor of legal Sciences, associate Professor, chief researcher of the Russian University of justice yurij-tuganov@yandex.ru;

Zhuravlev S. I., candidate of legal Sciences, associate Professor, associate Professor, Institute of management and strategic development of the organizations of the Moscow technical University (MIREA)

This article focuses on changes and amends to the Provision on alternative civil service, associated with the change the time of passage of such service and activities of the employer, in which the citizen passes alternative civil service, associated with the prosecution of the persons evading from passage of alternative civil service.

who is a citizen of alternative civil service connected with the prosecution of the persons evading from passage of alternative civil service.

Key words: Labor activity, alternative civil service, the passage of alternative civil service

Библиографический список:

1. Гаврюшенко П.И. Конституционно-правовое регулирование права граждан на альтернативную гражданскую службу: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук / П.И. Гаврюшенко. - М., 2004. - 175 с.

2. Долова А.З. Призыв работника на военную службу или направление его на альтернативную гражданскую службу - основание прекращения трудового договора / А.З. Долова // Права и интересы сторон в отношениях, регулируемых нормами трудового права: актуальные проблемы согласования и защиты: Межвуз. сб. науч. ст. - Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2009. - С. 224-230.

3. Ефремов А.В. О заключении контракта о прохождении военной службы с военнослужащими, проходящими военную службу по призыву // Право в Вооруженных силах – Военно-правовое обозрение. 2011. № 12. С. 83-84.

4. Шалахов А.Н. Право на альтернативную гражданскую службу. Предложения по совершенствованию федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» // Роль социальных факторов в реализации конституционных прав и свобод личности в России. Сб. науч. ст. и доклад. - Ставрополь: Сервисшкола, 2007. - С. 379-381.

5. Украинцева В.С. Конституционное право граждан Российской Федерации на альтернативную гражданскую службу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.С. Украинцева. - Саратов, 2007. - 21 с.

Соколов Я.О. Основные нарушения порядка привлечения к административной ответственности должностных лиц организаций за несообщение сведений о работниках в военные комиссариаты

Действующим законодательством на должностных лиц организаций возложена обязанность сообщать в военные комиссариаты сведения о приеме на работу (на обучение) и об увольнении (отчислении) граждан, подлежащих воинскому учету. Цель этого информирования - обеспечение возможности оперативного розыска и оповещения граждан в случае их призыва на военную службу, в том числе при объявлении мобилизации. Неисполнение требований закона влечет ответственность по ч. 3 ст. 21.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Но при производстве по делам указанной категории систематические нарушения допускают и сами сотрудники военкоматов. В данной статье мы рассмотрим их характер и последствия.

Ключевые слова: военный комиссариат, воинский учет в организациях, воинская обязанность, призыв на военную службу, административное правонарушение, административная ответственность должностных лиц, нарушение процессуальных требований, обжалование, протокол, постановление.

The main violations of the procedure of bringing to administrative liability of officials of organizations for failing to disclose information about employees to the military department

Sokolov Y.O., lawyer, Rostov-on-Don, 89094322465, Akvilon180028@yandex.ru

Officials of the organizations under current law are required to report to the military department information on employment (study) and dismissal (expulsion) of citizens who are subject to military registration. It is necessary for fast search and to inform citizens, if they will call up for military service, including at the announcement of mobilization. For failure to fulfill this requirement of the law prescribes liability under part 3 of article 21.4 of the Code of the Russian Federation about administrative offences. But employees of the military department allow systematic violations of the law when considering these cases. In this article we consider their nature and consequences.

Keywords: military department, military registration in organizations, military obligation, conscription, administrative offence, administrative responsibility of officials, violation of procedural requirements, appeal, protocol, resolution.

Библиографический список:

1. Дрозд Д.О. О правовом значении протокола об административном правонарушении // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016, № 14-1. - С. 234 - 235.

2. Косицин И.А., Кизилев В.В. Длющиеся или латентные административные правонарушения? // Актуальные вопросы публичного права. 2012, № 8. - С. 68 - 80.

3. Мещерякова Т.Р. Срок как признак объективной стороны состава правонарушения // Административное право и процесс. 2012, № 1. - С. 45-47.

4. Панов А.Б. О длющихся правонарушениях // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015, № 3. - С. 50 - 65.

5. Ревнов Б.А. К вопросу о разграничении административной ответственности юридического лица и должностного лица // Юридическая мысль. 2016, № 2. - С. 88 - 93.

6. Салищева Н.Г., Якимов А.Ю. Структура производства по делам об административных правонарушениях (стадии возбуждения дела и рассмотрения дела) // Административное право и процесс. 2016, № 5. - С. 73 - 78.

7. Самигуллина Э.Ф. К вопросу об административной ответственности должностных лиц // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014, № 19. - С. 17 - 21.

8. Семенихин В.В. Ответственность организаций и их руководителей. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2015. - Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru>

9. Шестакова Н.Е. Некоторые вопросы практики при составлении протокола об административном правонарушении // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015, № 13-1. - С. 284 - 285.

Дорогин Д.А., Ноженко М.О. Изъятие органов или тканей у лиц, лишенных свободы в условиях вооруженного конфликта, как вид жестокого обращения с военнопленными (ст. 356 УК РФ)

В статье рассматриваются проблемы квалификации прижизненного и посмертного изъятия органов или тканей лиц, лишенных свободы в условиях вооруженного конфликта. С учетом предписаний международного и российского уголовного права, а также практики международных судебных органов авторы приходят к выводу, что это деяние необходимо рассматривать как вид жестокого обращения с военнопленными, запрещенного ст. 356 УК РФ. В статье также обосновывается необходимость совершенствования российского уголовного законодательства.

Ключевые слова: органы и ткани человека; изъятие органов и тканей человека; вооруженный конфликт; лица, лишенные свободы; военнопленные; международное гуманитарное право; жестокое обращение.

The removal of organs or tissues from persons deprived of freedom in the conditions of armed conflict as a form of cruel treatment of prisoners of war (Art. 356 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Dorogin D.A., Nozhenko M.O.

In this article the problems of qualification of lifetime and postmortem removal of organs or tissues from persons deprived of freedom in the conditions of armed conflict are considered. Taking into account the requirements of international and Russian criminal law, as well as the practice of international judicial bodies the authors conclude that this act must be regarded as a form of cruel treatment of prisoners of war prohibited by Art. 356 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article also substantiates the need to improve Russian criminal legislation.

Key words: human organs and tissues; removal of human organs and tissues; armed conflict; a person deprived of liberty; prisoners of war; international humanitarian law; cruel treatment.

Ермолович Я.Н. Комментарий к Федеральному закону от 18 июля 2017 г. № 170-ФЗ «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих»

В статье комментируется Федеральный закон от 18 июля 2017 г. № 170-ФЗ «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», автором дается правовая и научная оценка принятого закона, выявляются проблемы действующего законодательства, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, материальная ответственность, военнослужащие, уголовное право, военное право.

Commentary to the Federal Law of July 18, 2017 No. 170-FZ "On Amending Article 5 of the Federal Law "On the Material Responsibility of Servicemen"

Ermolovich Ya.N. The PhD in Law, Lecturer of the Military University

The article comments on the Federal Law of July 18, 2017 No. 170-FZ "On Amending Article 5 of the Federal Law" On the Material Responsibility of Servicemen", the author gives a legal and scientific assessment of the adopted law, identifies the problems of the current legislation, suggests their ways solutions.

Key words: criminal liability, material liability, servicemen, criminal law, military law.

Библиографический список:

Ермолович Я. Н. Комментарий к Постановлению Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2016 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» в связи с жалобой гражданина Д.В. Батарагина» [Текст] / Я. Н. Ермолович // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2017. № 2. С. 72 - 78.

Соколова Е.В. Понятие «военный объект» в российском праве: вопросы терминологической определенности

В статье поднимается вопрос о необходимости законодательного закрепления в Российской Федерации понятия «военный объект».

Ключевые слова: военный объект, объект военной инфраструктуры, причинение вреда.

The Concept of «Military Object» in Russian Law: Issues of Terminological Certainty

Sokolova E., Senior Lecturer of the Civil Law Department of the Military University, Sokolova2010E@yandex.ru

The article raises the issue of the legislative consolidation of the concept of the "military object" in the Russian Federation.

Key words: military object, the object of military infrastructure, causing harm

Библиографический список:

1. Батырь В.А. Международное гуманитарное право: Учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2011.

2. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» / под ред. О.Л. Дубовик. – Специально для системы ГАРАНТ, 2010 г.

3. Маликов Д.С. Использование понятийного аппарата и норм международного гуманитарного права при квалификации военных преступлений // СПС КонсультантПлюс.

6. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории / отв. ред. Т.П. канделаки: 2-е изд., М., 2003.

4. Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. МККК, 2006. Т. I.

5. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкин. М., 1990.

Глухов Е.А. Военнослужащих забыли включить в систему предоставления государственных услуг при реализации их социальных прав

В статье рассматриваются вопросы применения законодательства о государственных услугах военнослужащими и гражданами, уволенными с военной службы. Автор приходит к выводу об устранении военных организаций из указанной сферы взаимоотношений по вопросу реализации социальных гарантий лично-го состава.

Ключевые слова: государственные услуги, сервисное государство, военнослужащие, бюрократизм, дискриминация, социальные права, запросы заявителей, органы военного управления.

The military forgot to include in the system the provision of public services in the implementation of their social rights

Е.А. Glukhov, senior lecturer of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard troops, lieutenant colonel of justice, candidate of legal sciences

In the article questions of application of the legislation on state services by servicemen and citizens, dismissed from military service are considered. The author comes to the conclusion that military organizations have been eliminated from this sphere of relations on the issue of realizing social guarantees for personnel.

Key words: state services, service state, servicemen, bureaucracy, discrimination, social rights, applicants' requests, military control bodies

Библиографический список

1. Амелин, Р.В., Григорьева, Е.А., Подсумкова, А.А., Филатова, А.В., Чанов, С.Е. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг" (постатейный) / [Текст] / под ред. С.Ю. Наумова // СПС КонсультантПлюс. 2011.

2. Глухов, Е.А. Предоставление государственных услуг в сфере жилищного обеспечения военнослужащих [Текст] / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах - военно-правовое обозрение. 2013. № 6. С. 52-62.

3. Кирилова Н.А. Учреждения как субъекты оказания государственных и муниципальных услуг [Текст] / Н.А. Кирилова // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 12. С. 61 - 65.

4. Мицкевич Л.А. Предоставление публичных услуг как вид государственного управления С. 65 // Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): сборник / под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой [Текст] / Л.А. Мицкевич. М.: Волтерс Клуверс. 2007.

Овчаров О.А. Проблемы деятельности военного духовенства по военному законодательству и пути их решения (вопросы совершенствования правовой работы)

В статье кратко рассмотрены и проанализированы отдельные проблемы совершенствования правовой работы в области государственно-церковных отношений при реализации командирской и военным духовенством своих полномочий в религиозной сфере и предложены возможные пути их решения.

Ключевые слова: правовая работа, право военнослужащих на свободу вероисповедания, военное духовенство, религиозные объединения.

Problems of military clergy activity in military legislation and ways to solve them (questions of perfection of legal work)

Ovcharov O.A., candidate of Law, chair of the military administration, the administrative and financial rights of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, o.oleg.1968@mail.ru

The article briefly examined and analyzed some problems of improving legal work in the field of state and church relations when commanders and military clergy implemented their powers in the religious sphere and suggested possible ways to solve them.

Key words: legal work, military personnel the right to freedom of religion, the military clergy, religious associations.

Библиографический список:

1. Колесов, П. Роль института военных священников в вопросе укрепления морального духа военнослужащих иностранных армий [Электронный ресурс] / П. Колесов // URL: <http://pentagonus.ru/publ/5-1-0-590> (дата обращения: 29.06.2017).

2. Баранов, В. Военные священники: зарубежный опыт [Электронный ресурс] / В. Баранов // Белорусская военная газета. № 185. 29.09.2011. URL: <http://vsr.mil.by/2011/09/29/voennye-svyashenniki-zarubezhnyj-opyt/> (дата обращения: 19.07.2017).

Иванеев С.В. Правовая культура военнослужащих как фактор противодействия проявлению в условиях глобализации конфликтного потенциала ислама

В условиях, когда многие идеологи единства исламского мира стремятся превратить мусульманские общины, проживающие на территории неисламских государств, в инструмент исламизации светских обществ, особенно возрастает значение технологической разносторонней интеграции членов исламских общин в жизнь секуляризованных государств, где формирование правовой культуры среди военнослужащих является фактором противодействия проявлению в условиях глобализации конфликтного потенциала ислама.

Ключевые слова: ислам, правовая культура, культ, свобода совести, светскость, религия.

Legal culture of the military service as a factor of counteraction in the conditions of globalization of the conflictogenic potential of islam

Ivaneev S. V. candidate of legal Sciences, associate Professor of constitutional and international law at the University «SYNERGY» (Moscow), President of the nonprofit organization «Association of citizens of the XXI century for the development of secularism and humanism», sivaneev@yandex.ru

In conditions when many ideologists of the unity of the Islamic world are trying to turn the Muslim communities living in the territory of non-Islamic states into an instrument of Islamization of secular societies, the importance of technologies for the multifaceted integration of members of Islamic communities into the life of secularized states, where the formation of legal culture among Military personnel is a factor in countering the manifestation of the conflict potential of Islam in the context of globalization.

Key words: Islam, legal culture, cult, freedom of conscience, secularity, religion.

Библиографический список

1. Шкерин А.В. Современная модель глобализации и проблемы // Социология и социальная работа. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2010, № 3 (19), с. 100–108.

2. История философии. – М., 1940, т. 1. – С. 440.

3. Муслимов С.Ш., Миримова А.А. Молодежь о религии и религиозном экстремизме. Махачкала: типография (ИП Магомедалиев С.А.), 2014. – 141 с.

4. Игнатенко А.А. «Исламский экстремизм в Европе и на постсоветском пространстве: выработка концептуального дискурса» // Этноконфессиональные конфликты в Европе и на постсоветском пространстве. 2010.

5. Шебалкин И.В. Формирование правовой культуры военнослужащего как необходимое условие обеспечения законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации в XXI веке. Издат.: М. «За права военнослужащих», 2007. С. 334-338.